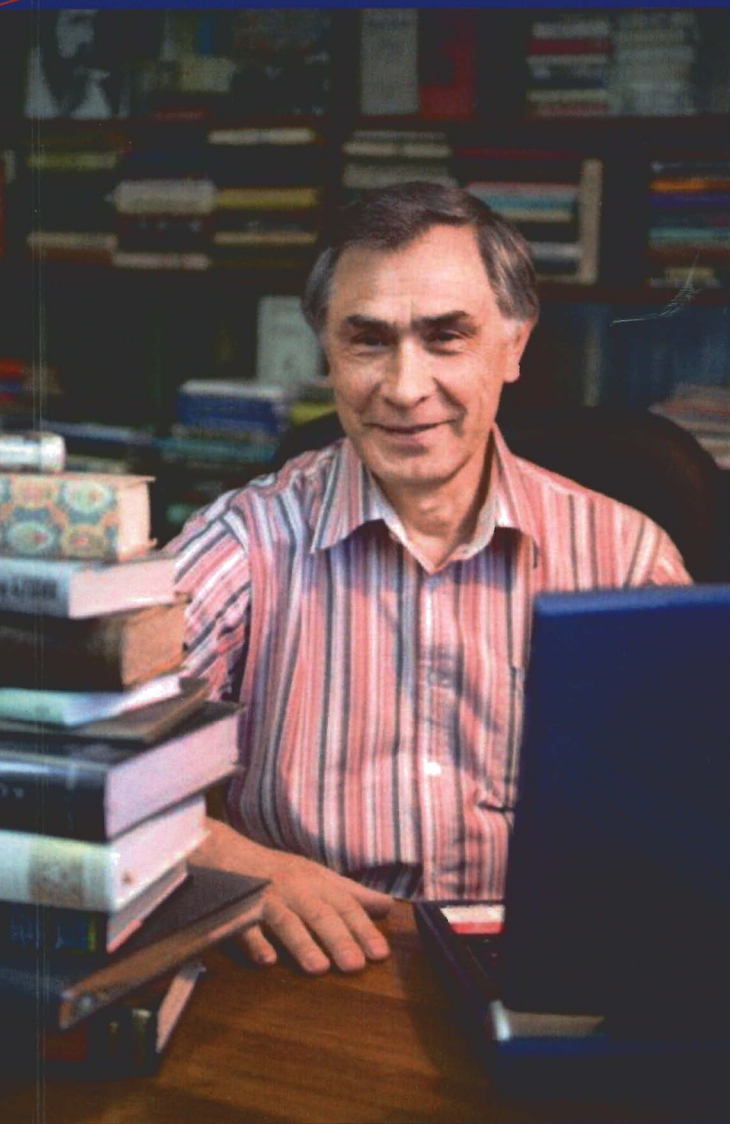

Валерий Плющев

ПРИВЫЧКА К ЕЖЕДНЕВНОМУ ЧТЕНИЮ

Татьяне

с любовью и
уважением
Валерий Плющев

Валерий Плющев

Татьяне

25.12.2013

Привычка к ежедневному чтению

О писателях и книгах

**Кемерово
2012**

ББК 83.3(2Рос=Рус)5

Пл 37

Пл 37 Плющев В.А.

Привычка к ежедневному чтению: О писателях и книгах. –
Кемерово: РПА «Ректаймс», 2012, -- 220 с.

© Плющев В.А.

© СП

От автора

Литературная критика переживает те же самые неустойства, что и вся литература. Прежде всего она, критика, меняется, как изменяется роман, повесть, рассказ, драматическое сочинение, публицистика.

Ну кто ныне, кроме нескольких упорных и «погруженных» специалистов, будет читать объемные размышления на поводу произведения? Покажите такого! Раскройте глаза!

Иные из писателей публично клянут всех литкритиков оптом и в розницу и заявляют, что в написанное презреными – ни ногой. Врут, конечно. А ещё критиков ругают за то, за что кляли во все времена: дескать, не отражают в должной мере литературный процесс, не помогают росту авторитета русской литературы.

А критики отряхнутся от обвинений и наветов и работают, каждый на своем поле пашет, сеет, обихаживает. Кто-то основывает новые направления (ну нравится им быть первооткрывателями!) типа пресловутого «нового реализма», другие – бьют по-черному всё, на что упадет их взгляд в литературе, никого никогда не хвалят, только размазывают; есть и те, кто умеет всего лишь чирикать по поводу «своих» и лаять на «чужих». Прекрасно существуют литкритики, видящие только себя, показывающие сильную собственную «умность». Где-то среди всех находятся те, кто заинтересован в настоящем читателе и настоящем писателе – стараются живот положить на то, чтобы страна вернула себе почетный титул самой читающей.

А ещё ведь и форма критического самовыражения сильно подвинулась в сторону лаконизма. Время летит, мир спешит, на ходу в газете или журнале прочитать о книгах и продолжать бежать по жизни – на это только времени и хватает у большинства. И в этой ситуации самым

актуальным критическим жанром стала рецензия, потеснившая исследовательские и обзорные статьи, даже эссе критическое многочисленная «пехота» в виде рецензий оттесняет.

Надолго ли такая панорама клиповости? Думаю, надолго. Мы ведь все ощущаем – наступает электронная эра, во все поры жизни проникает, и ничего с этим уже не поделаешь. Книга, уверен, выживет, но изменит и форму, и содержание, да и улица безъязыкая, в эту эпоху обрела свое слово – пока эта языковая миссия выполняется отдельными уличными представителями в Интернете неловко, часто неграмотно, эпатажно и разрушительно. Но устаканиться, не может не войти в берега.

А критика в этих новых условиях, конечно же, обретет иммунитет, будет расти вширь, опираясь на корни литературы (а иначе невозможно), несмотря на то, что мириады критических работ будут умирать сходу, из оставшихся что-то уйдет в небытие через какие-то обозримые сроки, а совсем малое количеством – продлится надолго; впрочем, так это происходило вчера, происходит и сегодня.

В этой книге собраны исключительно работы малой критической формы, злободневные краткие отзывы на книги, скопом именуемые рецензиями. Автор выбирал из собственноручно написанного за несколько последних лет в этом жанре, памятуя, что необходимо зафиксировать печатно, прежде всего, тех, кто рядом, кого часто вижу на кузбасской земле (а уж как спорим, собравшись, всласть!), кто продолжает возделывать литературную ниву, несмотря ни на какие привходящие обстоятельства.

Совсем не многое попало на страницы из откликов на выходящую в свет русскую литературу столиц и иных регионов. И совсем мизер взято из зарубежной литературы, хотя в 90-е и начале 2000-х львиная доля прочитанного приходилась на иноязычных писателей.

Все авторские размышления, конечно, могут быть оспорены: в этом я абсолютный трезвенник – друзья и коллеги, те вообще редко соглашаются в полном объеме с моими выводами от прочитанного. Впрочем, так и должно быть.

Мои главные заботы: способствовать распространению достойных литературных произведений, оказать помощь авторам книг в их непростом пути к читателю, донести до пытливого читателя, который продолжает жить, несмотря ни на какие заклинания о гибели литературы, мысли о том, как это здорово – читать, думать, радоваться и плакать над прочитанным, насколько необходим этот процесс вглядывания-вчитывания в страницы художественного текста, хотя бы ради того, чтобы оставаться просто человеком. Ну, а если ещё и пара-другая мыслей и смыслов из прочитанного-передуманного мной зацепится за сознание, – так это вообще здорово. И о просветительстве, как части критической деятельности, не стоит забывать.

А ещё верую, что основная обязанность литературного критика в наше непростое время способствовать всеми силами сохранению любви к чтению и книге.

Поделил книгу на три неравные по объему части. Первая – о книгах и их создателях, проживающих на нашей Кузнецкой земле. Вторая часть о русской литературе. Совсем чуть представил в части третьей о зарубежной литературе самого последнего времени. И не мог в заключение не дать своих последних слов об ушедшем от нас Издателе Божьей милостью – иркутянине Геннадии Сапронове.

КУЗБАСС ЛИТЕРАТУРНЫЙ

Когда ножницы убивают

Книга прозы прокопчанина Михаила Анохина «Если в доме теряются ножницы» вышла в городе Прокопьевске. Сборник рассказов и повестей сделан крепкой и талантливой рукой, да и голова у автора, признаем, достаточно много и серьезно размышляла об увиденном и прочувствованном в жизни.

Если говорить о главном, определяющем органе чувств писателя Анохина, то это, безусловно, зрение. У него острый взгляд, хотя и слух многое ловит из говорящегося в окружении. Но слуховое восприятие всё-таки, при всем его значении для писательства, у Анохина вторично. Если же говорить о жанровых особенностях, то писатель широко использует юмор, иногда переходящий в сатиру, а то и в гротеск легко перетекающий.

Вот, один из его героев «из народа», слесарь на пенсии глубокомысленно рассуждает: «...у нас народ тупорылый оттого, что трамваи тупорылые по городу ходят, или, напротив, – трамваи у нас такие потому, что народ тупорыл?!» Этот персонаж – малый не промах, палец, как говорится, ему в рот не клади, для него с Гегелем и Гоголем совладать как пару раз чихнуть. Да и вообще-то все философы, со всем их мировым и многовековым глубокомыслием ему только обуза ненужная: «...я монтеней читать не стану», – отделяется он от предложения познакомиться с книгой французского мыслителя, – «не навяливай мне напрасно, я к себе прислушиваться буду, авось, что там, в себе и услышу. Вот такая у меня философия – в себя вслушиваться». И ещё немаловажное для его душевного самочувствия самородное открытие: «Подлинная реальность должна включать в себя абсолютно всё», – мозги можно сломать, если вдуматься в эту мыслеформу, – это же всё потустороннее тащи в бытие.

Одна из задач литературы – восхищать, бить по нервам, изображением жестокого или светлого, для неё, литературы, неважно. Используя этот ключ, считаю центральным произведением сборника открывающую его «Прокурорскую сагу», которая, скорее повесть, чем рассказ – это талантливо сделано-выстроено.

Главный для бытия вопрос: что есть жизнь и смерть? Что нравственно, что аморально? Ох, какая между ними тонюсенькая пленочка-прокладка. А вот ещё вопрос из чрезвычайно важных для нас, россиян, в свете травматической истории XX века: откуда берутся монстры среди людей? Эти хтонические чудища, глубоко упрятанные в подсознание каждого индивида, могут выпростаться, выскочить при случае, но у большинства так и остаются в темнице мыслей. Для писателя, конечно, лакомая тема, и Анохин не обходит её стороной.

Почему ГУЛАГ расцвел в нашей стране уже в новое историческое время XX века? Где его корни? А в мозгах нормального, по меркам обыденности, поднимающегося прокурорского работника Петра Алексеевича Демина, много размышляющего, сопоставляющего себя и остальных, но, как понимается, оставляющего опасную лазейку в сознании. Это один полюс произведения. Другой – прокурор старой закалки с его простыми и громоздкими мыслями, весь такой внешне правильный, в заскорузлости устаревших подходов и предчувствии неизбежного ухода на «заслуженный отдых». Ну разве может такой относиться к молодым работникам, потенциальным претендентам на его должность по-отечески? Да ни в жизнь!

И вот этот столп деланного благомыслия вмиг обваливается в зловонную яму женской измены: и извечные первобытные инстинкты, выплеснувшиеся с адреналином, делают его убийцей. Двойным убийцей! Сознание же и спасает: выключается словно лампочка, погружая в безумие.

Демин (хочется надеяться, что он не превратится в демона со временем, хотя, задатки и поползновения к тому налицо) начинает подъем по служебной лестнице с опасным взрывчатым внутренним душевным потенциалом — что получится из этого человека через несколько лет его службы в соприкосновениях с преступной, тлетворной стороной жизни общества? Нет уверенности, что это будет справедливый чиновник из «правоохранительных органов», хотя его участие в дальнейшей судьбе бедолагамужика, попавшего в переплет по ложному обвинению в изнасиловании, настраивает читателя на положительные эмоции.

Анохину как-то легко удалось взвихрить в повествовании смерч сомнений в железобетонном чувствовании и бытовании отношения к закону и справедливости. Результат: талантливая, свежая, интересная вещь, напечатанная не только в книге, но и в писательском журнале «Огни Кузбасса». Впрочем, в сборнике есть очень ёмкий эпиграф из японского классика Кобо Абэ, многое разъясняющий с самого начала во взаимоотношениях мужчины и женщины, чего нет в журнальной публикации. Жаль, потому как теряются обертоны авторского смысла. Впрочем, в композиции «Прокурорской саги» читатель может почувствовать и её недостатки, неотделанность. Хотя, должен признать, что автору виднее, как подавать материал.

Мне ложится на душу то, что Анохин в каждом новом рассказе-повести иной. Один рассказ может быть рождественским, а перед ним — явно платоновского языкового и смыслового корня антиутопия. Или вдруг повеет сладкой отравой сюрреализма в стиле его родоначальника Андре Бретона.

Анохин много читает, много думает, много знает, излишне категоричен и с острыми, как у ежа иголки, мыслями, направленными вовне. Сатирическую повесть «Билет в

Фатерланд» он выстраивает на фундаменте гротеска. Главный герой, традиционный «маленький человек» русской литературы с говорящей фамилией Иван Иванович Крошкин (выросший из шинели Акакия Акакиевича Башмакова и рифмующийся с гоголевским героем) – «букашка» саморазмножающегося племени бюрократии, живущего инструкциями и постулатами бюрократического «столоверчения»: «По всем мыслимым канонам бумаги должны только укреплять существующий порядок вещей, а не разрушать его...» – на этом стоит Крошкин, и с этого не сойдет.

И вдруг в 54 года смертельный облом всего и вся: революция, описанная глазами незабвенного Акакия Акакиевича. Для того, для кого смысл жизни – работа, и вдруг ни смысла, ни работы, ни еды, ничего, одна только революция! Анохин пишет русскую реальность через русскую утопию. К власти пришли, используем выражение Льва Троцкого, «воры и проститутки». Действительность стремительно превращается в загробный мир революции, сюрреализм и, как ни странно, скуку бытия выживания. Занятую историю описал с чисто гоголевским темпераментом писатель. У него там есть аллюзии и с местным мэром, и на прочих вышестоящих есть намеки. На каком-то этапе повести жанр стремительно перелицовывается из сатиры в рождественскую сказку с ожидаемым благим окончанием – чудо с немецким наследством намекает, что где-то же существует рай земной. Но это всего лишь манок, в русской литературе большие идеи не могут паковаться в умиротворяющие, убаюкивающие послания: благие надежды должны рухнуть. Они и рушатся, выводя в конце процесса на личную катастрофу и несколько смертей. Пожалуй, осталось последнее превращение главного героя в страшное приставучее привидение, на манер произошедшего с Ака-

кием Акакиевичем, но это уже за гранью анохинского повествования.

Еще одна цепляющая идея в творчестве Анохина – это мессианство ряда персонажей. Особенно ярко данное качество проявляется в рассказе «Житие странника». Святой и юродивый в одном лице совершает свой подвиг веры и службы ради единственной высшей идеи. При этом он на смерть бьется с сатаной, уходя от искушения в безумие. «Вскрытие» внутреннего «я» этого многозначного образа с писательской изощренностью и долей лихости и осуществляет Михаил Анохин. И делает это, на мой взгляд, хорошо.

Неудача постигла автора в рассказе «Франц Кафка из Таштагола». Явно придуманный сюжет с резко окрашенной национальной особенностью двух главных персонажей – русского самородка-писателя и еврея-издателя – не выводит на весомые обобщения, только и тянет, что на анекдот.

И ещё о плохом. В книге масса опечаток почти на каждой странице. Эти «блохи» резвятся здесь вольно, плодясь неимоверно и нагло. Нужен, ох, нужен был книге опытный и строгий редактор.

Предприниматель – должно звучать гордо

Кемеровский писатель Виктор Арнаутов выпустил в виде книги роман с очень современным названием: «Предприниматель».

В основу произведения положен реальный человек, получивший под писательским воображением имя и фамилию Велимира Бортникова – новый российский предприниматель, занимающийся мелким и средним бизнесом.

Герою повезло чрезвычайно, он оказался в свое время именно на том месте, где и требовалось: друзья-знакомые заметили и сагитировали, затащили на заре перестройки (когда стало можно) в НТТМ – были такие непонятные с неясными полномочиями структуры, которые плодил доблестный комсомол, когда понадобилось пробивать косность социалистической экономики.

Я не знаю подобных по-настоящему полнокровных героев в российской литературе. Нет, олигархов и прочих «купи-продай» писатели наплодили гору, но это всё, как правило, нереальные, не от мира сего люди, да и нечестные они по натуре своей, злодеи, воры, убийцы – таковы литштампы, на ура воспринимаемые обывателем.

Бортников – другой. Он выстрадал свой бизнес с копейки и рубля, человек сомневающийся, думающий, ищущий и находящий там, где другие могут узреть только мусор. Да и его ощущение себя свободным – это внутри человека, но насколько он в поведении увереннее, обладая этим качеством, которому можно по-хорошему позавидовать.

Арнаутов – первопроходец. До него, пожалуй, никто не поднял тему российского предпринимательства в литературе так, как это сделал наш кузбасский автор. Писатель, как представляется, вспахал литературную целину – честь

ему за это и хвала, показав, (используем соцреалистические штампы) «героя капиталистического труда».

Автор «Предпринимателя» буквально принудил меня сделать личное открытие в теории предпринимательства: сформулировать квантовую теорию бизнеса. Она означает очень простое явление – у настоящего предпринимателя мозги настроены на прием слабых волн, излучаемых вещами и продуктами природы и не ощущаемых другими людьми. Вещи и природные вещества излучают квантовые волны – этого никто отрицать не будет, но вот с этими излучениями они несут информацию, в числе прочего, и о своих рыночных возможностях.

Настоящий предприниматель – редкая профессия, это талант, прежде всего. Его мозги настроены на прием вышеназванных волн, но волны ощущают многие, а у таких, как наш герой, волновые излучения накладываются на излучения мозговые, и происходит резонанс. Как сказано в романе: «...Ноль – в самом зарождении идеи. Потом подъём, разжигание себя до самовоспламенения, до маниакальной болезни; не получается, а надо – хоть тресни, хоть назнанку вывернись, а добейся своего! Препоны, запреты, маневры с обходами указов и лавин подзаконных актов... А впереди – цель! И пока видна эта цель – всё в гору, в гору, в гору, на пределе своих сил и возможностей, как покоритель вершин, одерживающий победу над самим собою. Вскарabalкался, осмотрелся, отдышался, испытал миг блаженства – и уже не важно: какими жизненными силами, изобретательством, нестандартными ходами и денежными затратами...»

Вот, например, наш герой «в заграничах» случайно узнает, что там вместо елочек выращивают на плантациях пихты из семян, получаемых с Кавказа. Бортников зарывается в справочники и выясняет, что кавказская пихта отличается от сибирской, семена не очень высокого качества

откуда-то с Кавказа текут в Европу, но поток этот мелеет от года к году. Цепь в «сером веществе» замыкается: а не попробовать ли поставлять за рубеж эти самые семена, покупая там на выручку те же компьютеры.

Трезвый критик сказу бы сказал: ну сколько там можно заработать на этих семенах? Наш герой прикидывает, что не так и много, но овчинка стоит выделки. Он едет на Кавказ, всё, в конце концов, связывается, отправляются из Сибири заготовители пихтовых шишек, семенной материал извлекается и доводится до качественной кондиции – есть небольшая предпринимательская поляна, приносящая то, ради чего затеваются все дела в экономике, – прибыль.

Вообще-то совсем не случайно Бортников, занимаясь на заре своей предпринимательской карьеры в науке, совершенствует физический эффект «бегущей волны». В его воображении тоже бежит волна, рождая новые виды бизнеса.

Поэтому-то, думаю, что Арнаутов написал «производственный роман» – новый по содержанию, по теме. И положительный герой в наличии – вот он, сибиряк Велимир Бортников. Однако с формой автор немного подкачал, о чём ещё скажем ниже. А роман «Предприниматель» вполне можно вслед за молодыми российскими литкритиками числить по разряду «нового реализма», почему нет?

У множества, кинувшихся в рынок, по-разному происходило вращение в бизнес: как правило, подгребали под себя государственное, общественное, прикарманивали чужое, отнимали у более удачливых – мало ли мы знаем историй рейдерских захватов... У Арнаутова герой всякий раз созидает своё, выстраданное с нуля, придуманное на сто процентов самим.

Поехали на рыбалку с иностранцем и случайно узнали, что наш мормыщ, который припасли для прикорма и наживки, в Европах называется как-то непонятно по-

латински, но это тот же самый водяной обитатель. А почему бы не попытаться построить цепочку: мы вам этот самый рыбий корм, вы нам денежку, на которую мы опять-таки закупим и привезем на российский рынок нужный дефицит. И ведь довел идею до осуществления.

Или вот ещё пример; кто, узрев шприц, брошенный наркоманами, может родить одно из направлений малого бизнеса – собирать эти отработанные инструменты по больницам, разбирать и сдавать как вторсырье в виде пластмассы и нержавеющей стали. Ведь всего-то несчастные граммы, складывающиеся в килограммы, а двум людям дал работу в 90-е, когда свирепствовала безработица, себе кое-что оставалось, да и решил проблему, у которой есть, в числе прочих, и экологическая составляющая. Птичка по зёрнышку клюёт...

И это далеко не все истории, поведанные нам писателем, вслед за героем. А ещё и предпринимательская философия Бортникова, которая представляет немалый интерес, так как выходит на злободневную тему честности и бизнеса!?! А натуральные продукты, которые можно использовать для укрепления здоровья и продления жизни!?! Всё это и многое иное, в большей или меньшей степени берёт в плен читателя по мере погружения в предпринимательские пучины Велимира Бортникова.

И ведь не из космоса прилетели такие как наш герой, рядом жили, пришло время, и раскрылись их таланты на ниве экономики. Роман Арнаутова – это отпущение грехов настоящим бизнесменам России, а то у нас принято всех валить в кучу: дескать, мироеды, спекулянты, хапуги. А откуда же тогда, пусть пока уродливый, несовершенный, но все-таки рынок, несмотря ни на что появился? Помните, что было при торжестве плановой экономики: очереди, сплошной дефицит, блат. Между прочим, нет ни еди-

ного примера в истории, когда бы плановая экономика добилась изобилия.

Нет, не случайно Бортнитов ощущает, что его «будто кто ведёт по жизни, подталкивает, направляет, пойдитуда-то, сделай то-то». «...Модель очередной затеи у него возникала в голове как бы самостоятельно, всё по тому же какому-то предопределению, а вот извлечение человеческих знаний и накопленного опыта – через книги!» Весьма симптоматичное заявление о бортниковских книжных разысканиях, для последователей в рядах предпринимательских – это как бесплатный хороший совет.

...Порассуждаем о форме произведения. Новая тема требует обновления формы, что есть вообще-то общее место в теории любого из видов искусства. Сказать, что Арнаутов ничего не предпринимает, в смысле искания новых писательских путей, неверно. Вот, например, временные пласты в произведении тасуются-перемешиваются, правда, с известной осторожностью. Да и тема нова, о чем уже было сказано.

Но «новая песня» требует новаторства более серьезного, а с этим у автора как-то жидковато. Интересное произведение. Однако когда оно объемное и в то же время ровное по изложению, получается, как езда по нетряской дороге – это как музыка, без конца повторяемая, вызывающая, в конце концов, утомляемость.

Ещё более серьезные недочеты с писательским стилем происходят из-за отсутствия редактора. Замыливается глаз, как хорошо известно всем пишущим, не видишь очевидных несообразностей. Вот, к примеру, рассказывается, как Бортникова отправляют с суммой более миллиона рублей за покупкой мебели. А чуть позднее он выручает за первую сданную партию использованных шприцев восемьсот рублей – совсем, говорится, неплохие деньги. Дополнительных же «верстовых» временных столбов не расставлено,

или они есть, но их не видно – когда, в какие времена, что происходило? И вообще с деньгами часто случаются непонятки. «Две тысячи баксов, – сказано в романе, – тем не менее, оказались в его кармане (Бортникова – В.П.) Впрочем, не надолго. Имея опыт купца-челнока, закупил он на всю тысячу заграничных товаров». Так две тысячи или все-таки одна?.. Или вдруг начинает раз за разом мелькать какое-то словечко в соседних абзацах, как, например, «шишки». Ну назови, хотя бы, «природный склад орехов» – да мало ли синонимов в русском языке...

Писатель легко пользуется местными говорами, но, честное, слово, иные из использованных слов, требуют или сносок, или словаря в конце книги: мы оба с ним – сибиряки, но мне были непонятны некоторые арнаутовские диалектизмы.

И, наконец, громадное количество опечаток – бич, литературы лишенной строгого и опытного редакторского надзора.

Несмотря на замечания, роман «Предприниматель» Виктора Арнаутова вполне заслуживает внимательного прочтения. Повествование интересно, самое главное, поучительно, что немало для малоизвестной по текущей литературе темы.

Приблизить бессмертие и не ужаснуться...

«Спасение материального через его преобразование в духовное» – таков один из возможных выводов после прочтения романа кемеровчанина Валерия Баранова «Теория бессмертия», опубликованного в 11 и 12 номерах журнала «Сибирские огни» за 2008 год. Наш земляк предлагает очень непростое, густо написанное и причудливо выстроенное произведение из тех, которые не для всех.

Я читал роман по главам в журнале со сноской – «журнальный вариант» и одновременно, также по главам, для сравнения, позаимствованный из Интернета текст, – какой-то сильно отличающийся из вариантов «Теории бессмертия». С год назад в «сети» мне попадалась ещё одна «попытка» романа, а всего, как говорят знающие люди, автор десять раз переписывал произведение.

Если ознакомиться со злым откликом одного из местных критиков, особенно с его упорным цитированием романного «разгула плоти», «массовому читателю» следует непременно кидаться на литературную клубничку «Теории бессмертия». Отметим, что Баранову удастся играючи преподнести многочисленные сексуальные сцены, когда авторскому словарному запасу и изобразительному искусству можно позавидовать. Эротика в романе подбирается вплотную к порнографии, но, на мой взгляд, ни единого раза в гадкое и мерзкое не заваливается. А то, что не всеми изображение плотского разделяется, так народ-то у нас разный, да и до середины 80-х, как все помнят, «секса в нашей стране не было». Некоторые, впрочем, так и продолжают благополучно в том времени пребывать, «под собою не чужа страны».

Для чего столь много телесного в романе? Думаю, для того, чтобы от противного попытаться прорваться в духовное. Ведь и герои, и автор предпочитают вместо укладыва-

ния по случаю и без оногo в постель, всё-таки другое: искать не просто объяснения бытия, а определить философские смыслы мироздания, жизни и смерти. При этом читателю необходимо быть готовым напрягать собственное серое вещество: обширные познания автора, его начитанность, вкупе с оригинальным языком не дают расслабиться.

Теперь о стиле, который, как известно, и есть «сам человек». Восторженный поэтический гимн любви уже на первых страницах направил автора по пути экзальтированного и несколько вычурного поэтизированного языка, который как волнующийся океан, может даже и утопить, если выплывать (вдумываться и вчувствоваться) перестанешь. Впрочем, в самом начале писатель объясняется в своих поэтических пристрастиях: «Удивительно, что поэзия вообще существует, впитывает в себя, проникает, подобно холодному осеннему воздуху или унылому бесконечному дождю. Растворяется, как боль, в твоей жизни, в дыхании, в крови, в сердце, в сновидениях, образах». Если говорить об образах, то таковых приличная толпа в романе, можно даже и запутаться, зато причудливым сновидениям героев в тексте просторно.

Проза Баранова походит на качели, на каждый тезис по ходу действия непременно выплывает антитезис, гроздь антитезисов, которые тормозят чтение, заставляя думать, пытаться проникнуть в задуманное прозаиком и высказанное. Многие словесные формулировки сильно смахивают на афоризмы, колючие конструкции из слов, ранящие привычное миропонимание. Вот одна из них: «...Язык – дело рук дьявола». Сразу встает стеной привычное: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...» У автора свои аргументы, от его парадоксов тесновато и некомфортно. Как известно, у человека есть утвердившееся в сознании как кремень, писатель чуть изменяет формули-

ровку и начинает осыпать железобетонное мироощущение. «...Во всем можно сомневаться только не в себе, иначе мир рухнет», – это из романа. Вот так, продлив известную мысль Маркса, прозаик выдал апологию сверхэгоизма, уводящую совсем в противоположную сторону.

И подобное по всему роману. Если пытливый читатель примется за расшифровку всех поступков персонажей, увязывании их действий и слов в ряды причин и следствий, такого книгочехя определенно ожидает неудача. Цели героев туманны и неясны, мысли растекаются по философскому древу познания, поступки странные. А ещё и клиповое мышление героев, накладывающееся на клиповую прозу (в романе используется термин «монтажное») – это болезнь или благо? По крайней мере, в «Теории бессмертия» утверждается, что такое мышление порождает лень (о лени у автора тоже есть афористическое) и приводит к умственной инвалидности.

Отдельный вопрос: философская составляющая романа Баранова. Его философические размышления метафоричны (вообще-то это немислимо – поверить алгебру гармонией, подобное подвластно только гениям), оттого, видимо, и некоторый захлеб этой прозы, и её часто излишняя экзальтация. Большой русский поэт Юрий Кузнецов, словно из гранита вырезал формулу: «Метафора пропала – возник символ». К символу через россыпь метафор по большому счету стремится и проза Баранова. Но стремление ещё не значит достижение цели. Отсутствуют символы по гамбургскому счету в тексте, не дотянул, не коснулся, не получилось, утонул в рыхлости и разорванности, клиповости повествования. Оттого-то и предстает «Теория бессмертия» сконструированной прозой, не живой, как впрочем, и у подавляющего большинства нынешних писателей, а собранной из отдельных кубиков в нарочито-постмодернистском беспорядке. Но, скажем честно, от-

дельные куски-частички романа всё-таки живут своей жизнью, и уже это является большим достижением автора подобного экспериментального романа.

Ещё одна острая иголка мысли у автора – поиски смысла времени, нахождения времени, вторжение искусства в ткань времени, когда переходятся границы дозволенного реального, а этого, вот незадача, не понимают. Задача фантастическая по своей постановке и грандиозности. Прозаик, прекрасно осознавая невозможность ответа на этот вопрос в привычной земной системе координат, помещает время нашей планеты где-то в одной точке Космоса, куда, в поисках, устремляются романские астронавты из 37 столетия. Задача, как следует из текста, успешно не решаемая, но путешествовать вспять по временным пластам бессмертные потомки землян могут, пусть даже в виде электронных человеческих копий. Правда, не совсем ясно, зачем объявляется в «романном Кемерове» наш собрат с настоящей голубой кровью из будущего. Если только для того, чтобы чудесным образом вернуть к жизни невинного и влюбленного в выдуманный идеал женщины нашего современника, поэта Виталия Соколова, которого пыталась убить другая дама, шлюха-журналистка, изнасилованная своим любовником, пожелавшим остаться неузнанным в темном подъезде (такие страсти-мордасти кипят, что только держись!) Дополнительные задачи у далекого потомка в произведении вроде бы и нету.

Из воображения Баранова, скажем по-простому, валят персонажи, обильно и причудливо изъясняющиеся, легко совокупающиеся, ищущие смыслы, там, где они есть и там, где никаких смыслов близко не ночевало. А ещё они хоронят близких и далеких, справляют обряды, пьянствуют, видят сны, мечтают или, наоборот, впадают в меланхолию, убивают и спасают – живут, как умеют и как позволяют обстоятельства: «все промелькнули перед нами, все

побывали тут». Реальность и ирреальность для них нормальные авторские рамки обитания. Почти все они либо истероиды, либо шизоиды по психологическому типу. Их темпераменты чаще всего холеричные. Вот такая непростая и «веселая» компания управляется авторской волей в «Теории бессмертия».

Прозаик упорно пытался в меру своих устремлений, фантазий и душевной наполненности разобраться в основах бытия – понять суть любви и ненависти и, конечно, жизни, смерти и бессмертия.

Удалось ли писателю обуздать человеческое коллективное бессознательное, найти ответ на вопрос: «Что такое бессмертие – кара или благо?..» Попытка ответить налицо. Судить о результатах поисков автора, конечно, читателю, но Баранов хотя бы дерзнул...

Мемуары карманника

Кемеровчанин Лерон Василенко своей мемуарной книжкой «Я из сталинской эпохи», вышедшей в кемеровском издательстве «Примула», блестяще подтвердил известное высказывание: «Одну книгу может написать любой грамотный человек».

У работы Василенко имеется завлекательный подзаголовок: «Рассказ бывшего вора-карманника». Однако найти эту прозаическую книжку будет очень сложно, её тираж смехотворен даже по нынешним бедным на тиражирование временам – всего-то 100 экземпляров. Я подобные малотиражные издания отношу к «семейным» – только и хватит для подарков членам семьи и знакомым. А может, автор не смог найти денег на большее количество экземпляров?

Вообще-то тема уголовной юности некоторых граждан молодого советского государства нашла достойное отражение ещё в советской литературе, достаточно вспомнить книги Леонида Леонова «Вор», Ахто Леви «Записки серого волка» и другие немалым числом изданные.

Главный герой Лерона Василенко пацаненок Женька, под которым прозрачно подразумевается сам автор, с самого раннего возраста имел неосознанную тягу к путешествиям, да и влияние старшего брата, пристегивающего младшего к побегам из родного дома, способствовало раннему формированию романтической психологии юного побродяжки. Мемуарист так и не узнал, что случилось с его семьей, хотя акварельным расплывчатым фоном его повествованию идут репрессии со стороны режима относительно тех, кого считали противниками советской власти: то случайно в газете прочитает Женька об осуждении и расстрелах «врагов народа», то по радио услышит, опять-

таки случайно, то пацаны перескажут слухи. С его родителями вполне могло случиться подобное.

Василенко живописует дно советского общества: беспризорники, уголовники всех мастей, обитатели лагерей. Бездомная пацанва (это конец 30-х годов, когда у нас объявили победу социализма) легко превращалась в преступников – голод не тетка. Тащили, как следует из книги, у всех, что ни попадя, не задаваясь вопросами: «А может, у обобранного это последнее?» Шиковали, меня через десяток дней всю одежду на новую, выбрасывая ношенные ботинки, брюки, рубахи и прочее после помывки в бане – подобного легкого отношения к вещам я не помню, например, в 50-е годы. Может, мы и не знали среды обитания подобной шпаны, но почти в каждой семье, насколько осталось в памяти, сидевшие, у кого по уголовным статьям, у других – по политическим, были. Позднее в одном из знаменитых советских кинофильмов герой замечательного актёра Леонова образно сказал о преступном укладе жизни, описанном в книге: «Украл – выпил – в тюрьму! Вышел – украл – выпил – в тюрьму!»

Бывший вор-карманник с подробностями и нюансами повествует, как совсем мальцами привыкали к «шикарной» жизни с неременной выпивкой. Описание поисков еды и многочисленных примеров её поглощения, чаще с алкоголем, чем без выпивок, вообще-то поражает: только долгое время голодавший человек может с таким эротическим, если хотите, чувством описывать прием пищи.

Советская власть вообще-то решала проблему беспризорников и малолетних преступников, по-своему, но решала. С 12 лет воришек подвергали уголовному преследованию, уже могли, если бы захотели, и расстрелять – закон позволял, а до этого вылавливали и размещали в детских домах. Василенко со вкусом рассказывает, как он с товарищи неоднократно бегал и из этих мест.

Автор раскрывает уловки с чужими фамилиями, которые позволяли уже не по первоходку, а все-таки получать минимальные «срока». Но пять раз отсидеть, начиная с самого конца 30-х и до смерти Сталина, в том числе и когда страна героически и мучительно отстаивала себя в борьбе с фашизмом, это, с одной стороны, вызывает внутреннее осуждение такого героя, с другой – впечатляет, за профуканное им время.

Любое время, как пересыщенный раствор соли, отправляет в осадок свои мифы. Из широко разветвленной советской мифологии, по которой у многих ныне тоска неизбежная, Василенко останавливается на примерах, упрятанных за именем известного педагога-воспитателя и писателя Антона Макаренко: «...О руководящем звене пионерской дружины в детских коммунах, колониях, которые создавались по методу Макаренко. В это звено входили самые отъявленные воры и бандиты, которым подчинялись из-за боязни... Методами воспитания этого звена были «конфетка» (это когда жертву заворачивали в одеяло и били несколько раз о стену – В. П.), «парашют» (связанного помещали на одеяло, которое брали за концы и подбрасывали несчастного к потолку, а затем убирали одеяло – В. П.), «отбивные по ребрам» (...в валенок закладывали кирпич и били по ребрам, чтобы отбить внутренности, или били таким валенком по подошвам ног). Делалось всё это в какой-нибудь закрытой комнате, подальше от глаз начальства». Другие не менее жуткие примеры воздержимся пересказывать.

Основной пафос записок Василенко, как и ожидает читатель, в том, что его Женька Постников, в конце концов, порывает с преступной средой. А иначе, зачем знакомиться с многочисленными уголовными и просто безнравственными эпизодами? Герой в последних строчках, совсем как библейский блудный сын, прошедший все соблазны и

много грешивший, но раскаявшийся, принял заповеди — «не укради, не убей, не обмани. Этому я учу своих детей и своих четверых внуков», — утверждает он и, естественно, автор.

И все-таки наша страна, несмотря ни на что, продолжает оставаться литературоцентричной: если от человека ничего не осталось в литературе, значит, его и не было вовсе. Женька Постников очень трудно осваивал русский язык, узнавал и заучивал его правила, когда другие совсем забывают языковое правописание, став взрослыми, а уже следом записывал свои истории. Книга «Я из сталинской эпохи» никак не воспевает время «великого вождя», как и его самого, она рассказывает всего лишь об отдельной человеческой судьбе, когда человек восторжествовал вопреки собственной жизненной инерции падшей личности.

Думаю можно было бы погуще проредить книжные прозаические заросли, «пригладить» повторы. При этом я уверен, что редактору до сдачи в печать и так пришлось крепко с текстом повоевать. Просочившиеся же огрехи не так и страшны, тем более, — книга-то не для продажи, а только для близких.

Визитная карточка Кузбасса

В кемеровском музее Красная горка при представлении книги Людмилы Галкиной «АИК Кузбасс» давали характеристики только в превосходных степенях. И этот труд того стоит.

Автор в составе группы вузовских преподавателей ещё в 1986 году (начало перестройки, кто помнит) отправилась в Соединенные Штаты Америки по программе культурного обмена. Сверх предусмотренного планами поездки Галкина воспользовалась счастливой оказией поработать в знаменитой Библиотеке Конгресса, где ознакомилась с материалами об Автономной Индустриальной Колонии Кузбасс. Привезла, как она сказала, чемодан «бумаг». А позднее «удалось получить копии многих важных материалов, хранившихся у бывших колонистов». Потом была диссертация по этой теме, защищенная в Кемеровском госуниверситете в 1997 году.

И вот великолепная книга по материалам диссертации и более поздних публикаций автора. Фолиант буквально зазвучал от 230 представленных в нем фотографий: публиковавшихся и никогда не воспроизводившихся в печати. А ещё и формирование книги по заветам замечательного художника Фаворского как единого организма, как слаженного оркестра, сделанного с большим искусством кемеровчанами Юрием и Дмитрием Сергеевыми – отцом и сыном, когда в оформлении нет мелочей – всё важно. Театр, как известно, начинается с вешалки, книга – с обложки. Всмотритесь в цвета верхней крышки переплета: бой красного и серого цветов, серый – совсем чуть, но одолевает. Уже за этим встает нелегкая судьба колонии, её ликвидация после короткой и бурной жизни. Здесь же на обложке печать АИК, одна из фотографий колонистов, серп и молот

со звездой, как мечта людей труда на создание, скажем так, царства Божия на земле.

Сергеевы сделали книгу за очень короткий срок, как они объяснили, которую не стыдно представить на любой из международных конкурсов. Иллюстративный материал – старые фото, документы, публикации и прочее – выше всяких похвал, как по содержанию, так и по качеству предпечатной подготовки. А когда рядом изображение американской жизни тех лет и кемеровской – туши свет: настолько разителен контраст – высоченные билдинги, стада автомобилей на асфальтированных дорогах с иголочки за океаном и пустынные грунтовые улицы с развалюхами по краям здесь, в Сибири. Тексты документов притягивают внимание и непременно читаются, английское содержание тоже прочитывается, даже при слабом знании языка – настолько интересна их суть. Автор, доцент кафедры иностранных языков Кузбасского государственного технического университета, рассчитывая на приезды иностранцев в Кемерово на Красную горку, продублировала подписи под фотографиями по-английски, сделала к каждой из глав резюме на этом же языке международного общения.

Много говорят о визитной карточке Кузбасса, предлагая уголь, металлургию, Горную Шорию, что-то иное. Наверное, уникальнее АИК «Кузбасс» ничего не подобрать для представления и отличия нашего индустриального края. Подобный пример содружества представителей почти 30 национальностей, в течение пяти лет занимавшихся в тяжелейших условиях строительством нового общества, отсутствует в истории человечества. Заметьте, – в Сибири, которая пугала жителей Америки и Европы уже только одним своим названием, в медвежьем углу, в далеком и неизвестном Кемерово.

А в результате Кемерово и Кузбасс стали на Западе известнее многих крупных наших городов и регионов. Том Баркер, член организационного комитета АИК в США говорил, что в самом начале 20-х годов о Кузбассе в Америке знали больше, чем в СССР.

Автор не просто подробно и как можно полнее описывает историю колонии, выделяются и спорные моменты, при этом не педалируются идеологические предпочтения. Мы привыкли, что АИК – это, прежде всего голландец Себастьян Рутгерс, он и руководитель, и автор идеи, в реализации которой сильно помог Ленин, он, по нашей византийской привычке, – главный. И не только мы так считали, но и многие колонисты, и, конечно, родственники Рутгерса (в Кемерове в Рудничном районе есть улица его имени). А идею создания колонии первым артикулировал американец Кальверт, о чем подробно, со ссылками на первоисточники рассказывает Галкина. Что меняется в наших сегодняшних представлениях от такого признания. По большому счету, ничего, но автор, а вслед за ним и мы, отдаем дань уважения ещё одному из отцов-основателей колонии.

Или вопрос о Надеждинском металлургическом заводе на Урале, который первоначально должен был войти в состав АИК «Кузбасс». Это же далеко от нашего региона, нам не так интересно. Но исследователю-автору важно всё, что относится к теме, она довольно подробно рассказывает и об этой стороне деятельности колонии, истории исключения в конце концов завода из её состава.

Казалось бы, зачем неспециалисту-читателю статистика с результатами производственной деятельности? Но эти цифры звучат как песня, вчитайтесь, вслушайтесь, сопоставьте между собой – сразу воспринимаешь по-другому и безусловные успехи в экономическом соревновании с кузбасскими соперниками-соседями, и недостатки, как рукотворные, так и объективные.

Колонисты выживали с первых дней появления в нашем городе. Трудно представить, но в самую первую зиму пришлось жить даже в палатках. Это в Сибири-то, где морозы тогда по воспоминаниям доходили до минус 40 градусов. Обитали после комфортного существования в западных странах. Выжили, закрепились, начали работать и трудились очень даже хорошо. Не все прижились, о чем тоже рассказано в книге, некоторые быстро вернулись, а кое-кто отметился черным пиаром, если говорить по-современному, лили грязь на саму идею создания АИК, а уж пугали западного обывателя сибирскими «ужасами» по-черному. Галкина также не дает собственных оценок этим фактам, лишь рассказывает, каким образом приходилось в тех же США товарищам и коллегам колонистов отбиваться от пропагандистского и правового навала со стороны государства. Пришлось некоторым и за решеткой побывать, и продолжительное время защищаться в судах – хорошо, что удалось отстоять и лично себя, и идею.

Глубоко исследуется тема, которую назовем борьбой с вертикалью, выстраиваемой, как нам хорошо известно, советским государством повсеместно. Единоначалию совсем не просто было возобладать среди романтиков, приехавших воплощать свою мечту о царстве равенства и справедливости. Были столкновения, конфликты – и эти факты не обходит автор книги. А ещё ведь и введенный НЭП умертвлял дух идеи: разрешили сверху элементы капитализма, а приехали-то в большинстве своем романтики от коммунизма...

Думаю, одной из главных проблем для прибывавших в Сибирь иностранцев было отношение к ним со стороны местных. Самые первые аиковцы прибыли в Кемерово в январе 1922 года и сразу ощутили «настроение враждебности» со стороны местной администрации. «Почти тридцать дней провели в товарных вагонах». Не выделялись строи-

тельные материалы, хотя власть на местах загодя получила правительственные депеши о снабжении всем необходимым приезжавших для строительства. Да и с правительством руководство колонистов сначала подписало один договор, затем заставили переподписать другой. К слову, опять-таки советская правительственная сторона – пяти полных лет не прошло – расторгла договор и ликвидировала АИК «Кузбасс» с безвозмездной передачей, среди прочего имущества, великолепной больницы, для которой руководство колонии приобретало медикаменты и оборудование за рубежом, очень даже неплохой фермы, кормившей, не только колонистов, но и аборигенов. Арбузы выращивали в Сибири! Учили новым методам сельского хозяйства и реализовывали продукты питания.

А быт! Чистота, канализация, прививки от оспы и иных опасных болезней – это всё АИК. Наконец, просто пример для местных-сибиряков другой жизни, цивилизованной. И электрический свет не только предприятиям, но и для кемеровского и окружного деревенского населения.

Их жилищная программа была беспрецедентна для того времени. Строили дома, а вокруг море землянок, в которых жили люди – в музее «Красная горка» легко увидеть на снимках этот жилой местный колорит.

Уже под закат АИК приехал голландский архитектор Ван Лохем, под наблюдением которого было построено около 8200 домов в Кузбассе. Часть из них служит до сих пор. Но вот как его характеризовал товарищ Коробкин, временщик, выдавливающий иностранцев со своих мест и быстро севший за злоупотребления на восемь лет уже после ликвидации колонии: «Как Архитектор к нашим условиям не подходит, вследствие незнаний наших законоположений об охране Труда и требований, предъявленных Союзом». И добавка: «В Революционной работе активного

участия не принимал». А то, что дело прекрасно делал, то дуболомам с «революционным прошлым» было не важно.

Меня всегда остро интересовало, что думал Рутгерс, остальные колонисты о строительстве светлого будущего, сибирской жизни, управляя предприятиями, расположенными на территории равной площади Голландии, сталкиваясь с бюрократами, осложнявшими всеми возможными для тех времен способами честное выполнение колонистами своих обязанностей. Или как, к примеру, напрягали их прогулы по причине пьянства со стороны местных?

Потому с особым интересом вчитывался в главу IV «Колонисты в советском обществе». Что чувствовали 640 иностранцев поработавших за все пять лет в АИК? Одновременно в колонии никогда не проживало более 406 приезжих. «Более трети аиковцев приходилось на иждивенцев. Одинокие составляли примерно половину общего состава колонистов... Крупнейшими зарубежными группами были финская, американская, русская, немецкая и югославская», – информирует Галкина. «Собственно американцев было не более 100». Между прочим, Джек Врачар в Кемерове задолго до Алексея Стаханова отбойным молотком за 5 часов работы добыл 67 тонн угля – реальных, а не «организованных» одному из забойщиков (Стаханов добыл за 5 часов 45 минут 102 тонны угля, но на обеспечение этого рекорда трудились вместе с ним два крепильщика, да и парторг не бездельничал, светил лампой всё это время, думаю, остальные двое присутствующих также старались хоть чем-то помочь).

Рут Кеннел, летописец колонии, записала: «...Мечтатели, неудачники, неврастеники и просто искатели приключений – устремились в Россию». Умами многих колонистов владела утопическая идея о создании в Сибири рабочей республики со всеобщим равенством. Они прошли через столкновения, конфликты, среди которых межнациональные трения занимали не такое и маленькое место,

но преодолели проблемы в своей среде, создали пример неплохо работающего регионального анклава ряда предприятий. Заложили на перспективу новые производства и предприятия. Дали толчок будущему развитию Кузбасса, несмотря на то, что так и не смогли за пять лет «победить недоверие и зависть местного населения, бедного до чрезвычайности».

Мне уже приходилось писать, что идея эта была обречена в тех условиях. Ещё сильнее убеждает в этой мысли то, что после смерти Ленина – защитника АИК – руководство страны охладело к колонии. Да и какая власть, которая хватается за соломинку, чтобы устоять, устояв, станет терпеть тех, кто является немим укором уже лишь в силу своей нормально поставленной работы, с развитием, перспективами на будущее, настоящей заботой о людях. Мне такие примеры из истории нашей страны неизвестны, ведь мы не американцы, которые допускали опережающее развитие одних групп эмигрантов, а затем подтягивали к этому уровню других. Социализм разрешал регулируемое сверху соревнование, но никак не конкуренцию.

Колонию ликвидировали, но положительный задел, толчок вперед с её стороны оставил плоды в Кузбассе. Будут новые книги об этом ярком периоде, будут фильмы, театральные постановки. Почему-то надеюсь на это, прочитав-просмотрев книгу Людмилы Галкиной АИК «Кузбасс», вышедшую как раз накануне 90-летия организации колонии на нашей сибирской земле.

...Есть, конечно, замечания к самой книге. В оглавлении по какой-то причине не указаны страницы. В таблицах может вкрасься буква вместо цифры, к примеру, вместо шестерки красуется «б». Одна из фотографий воспроизведена дважды, второй раз ошибочно с подписью, которая должна представлять совсем другое изображение. Есть и иные «блохи», не меняющие восторженной оценки этого труда. Думаю, тираж в тысячу экземпляров улетит быстро,

этот том станет мечтой многих. Хотя, их желание в какой-то мере будет удовлетворено электронным вариантом, который, по словам создателей, не за горами.

«...Последние новости – в самом себе»

Александр Ибрагимов выдал на гора самую неожиданную для меня книгу «Белый квадрат – Поэт о Поэте». Взвихренная эмоциями исповедь и молитва о любви к братьям-поэтам, гимн и песня, стихи в прозе и свободные стихи: жанр этой необычной и эстетически чувственной работы определяю как сборник поэтических эссе.

В «Белом квадрате» Ибрагимов раскрывает себя, как поэта, по отношению к творчеству тех, кто в разные периоды времени оказал на него самое сильное поэтическое влияние. Впечатляет кругозор автора: наряду с бесспорными гениями – Уолтём Уитменом, Владимиром Маяковским, Сергеем Есениным, Иосифом Бродским, Пабло Нерудой – автор книги, поэтически перекликается с поэтами известными, наверное, только любителям из Кемеровской области, а то и объясняется в любви к стихам сочинителей из совсем молодых и талантливых, неизвестных даже знаатокам. Творчество всех Поэтов, их мучительные и одновременно радостные, блаженные поиски и находки «БогоСлова»: всё это вливается, согласно автору, в «Миропоэзию».

В какой-то степени книга носит мемуарный характер, но не в главной её части. Оттого неизбежны обвинения, слышанные мной, в том, что автор опять написал о себе, любимом. Извините, а о ком же поэту ещё рассказывать? Ибрагимов и пишет о себе, точнее о формировании и плодотворении своей души – при этом он утверждает, что говорит о своих братьях-поэтах, нигде не греша против истины, все факты, по его словам, стопроцентно документальны.

Наш автор «не в силах забыть божественные стихи... любимых поэтов», однако существуют и «нестерпимочужжие стихи». В одном случае – восторг и приятие, в дру-

гом – отрицание и нелюбовь. И «клекочущее безумие поэтов», которое Саша Ибрагимов ещё мальчишкой начинает «лелеять в себе»: «Для меня Поэзия – это способ восстановления справедливости на Земле. И я выношу приговор человеческому невежеству!» Так максималистски рассуждает он в облике упрямого мальчика с поэтической искрой во лбу.

Может быть, отсюда сакрально-исповедническое его отношение к ослепительно-неприкасаемому Белому Квадрату – «листу чистой бумаги, на который выльются стихи». В далекие детско-юношеские годы возникает «восторг и детская игра в звуки-слова, переливающиеся радугой смыслов и созвучий». Мощь и сила русского слова и языка изумляют пацана с половиной нерусской крови. Позднее он объяснится в своей душевной русскости и верности русской земле и городу, в котором живёт и никуда, ни в какие столицы не собирается отбывать из Кемерова.

Кого-то насторожит его откровение о православии, восторженно переливающееся в самое настоящее язычество – ортодоксы всегда на страже. Прав ли он в таком пластичном отношении к вере? Поэт всегда прав, и ему всё можно. Хотя в частности он может быть и не точен.

У поэта ремесло нерукотворное, утверждает Ибрагимов. Но, он же рвом отделяет тех, кто в сочинении стихов идет от буквы, так как «буква – это гроб духа». Потому в поэзии, как в поединке, есть победитель и многие проигравшие. О верности последнего утверждения говорит вся история мировой поэзии, да и не могут быть на гребне успеха, например, десятки, если не сотни тысяч поэтов: откройте окно в Internet и устрашитесь душа от прорвы тех, кто представил свои стихи на суд читателей.

И все-таки только где-то к середине книги читатель окончательно уверится, что написано-то о поэтах, но рассказывается, прежде всего, о поэте по имени Александр

Ибрагимов. После этого можно уже читать, в основном, спокойно-раздумчиво, сознавая, что именно становлению Поэта и посвящена эта работа истории кристаллизации его поэтического духа, как кристаллизации поэтического слова.

Потому, слова, от которых исходит сияние – это поэзия, согласно Ибрагимову. Слова же без сияния – это что-то иное. Вот автор задаётся вопросом: а Иосиф Бродский, кто он? Бродский – страдающий «ангиной эмигрантства» – это, прежде всего, брат нашего сибирского поэта. Так он его и называет, так и чувствует. А вот страница, на которой буквально в двух-трёх строчках (иногда и в одной строке) характеризуется творчество целой когорты русских поэтов: тех, кто пишет цветом, и тех, кто не пишет цветом. «А простого любителя – фотографа нет. Но он есть – это она «девочка-фотограф-любитель» Людмила Тарасова-Чидилян, поэт из Кемерова». Как же не часто, нет, совсем редко нынешние поэтические мэтры могут так щедро, как Ибрагимов, звездно-презентационно говорить о молодых!..

Особого разговора требует оценка языка поэта Ибрагимова. Язык и состояние, в котором он на этом пластично-магматическом, пряном и взвихренном русском языке писал, пожалуй, главное в мощном влиянии написанного. Но не всем, ох не всем лягут на душу и сердце дрожащие от напряжения образы и мысли, сопрягающиеся в многосоставных словах-конструктах, фирменных для Александра Ибрагимова. По крайней мере, такой камлающей прозы я до него не читал ни у одного поэта. Это как Клюев с душой Уитмена. А собственно возможно ли совместить, создать сплав из русского эпического лирика с американским эпиком? Ибрагимов показывает, как это осуществляется, и делает это в реальности.

Самолюбив ли Ибрагимов в своей книге? Станный вопрос – да у любого серьезного стихотворца колоссальное

количество самых разных комплексов – без развитой психической системы (иногда за грани привычной и обыденной нормальности) настоящего поэта просто нет. У Ибрагимова бездны самолюбия. И, опять-таки, естественно, что «паучок самооправдания» не останавливается, бесконечно ткёт свою бесконечную золотую нить. В результате получается пронзительно-вибрирующая в камертонной музыкальности, да ещё и подчиненная поэту стихия – это поэзия или, как в нашем случае, поэтическая проза. Совсем не случайно автор пишет: «...последние новости – в самом тебе, только прислушивайся».

Автор обещает ещё двенадцать биографических поэтических эссе, даже анонс их в книге даётся. На вопрос: «Когда можно прочитать?», – отвечает, – «Необходимо дожидаться специального творческого состояния для продолжения». Что это состояние особое, в том нет сомнений – просто так, марая Белый Квадрат, такую прозу-поэзию не напишешь. Будем надеяться, что на это у поэта не уйдет слишком много времени – прочитать хочется поскорее.

Мертвящая ржавчина

Повесть молодого кемеровского писателя Андрея Иванова «Ржа» ещё до своего выхода вызвала странные заявления со стороны некоторых представителей кемеровского писательского сообщества из молодых: кто-то якобы пытается не пустить эту вещь в печать. Интересно, как это можно сделать при наличии Интернета? А, может, это был предвосхищающий PR?

«Ржа» увидела свет в журнале «Огни Кузбасса», №№ 3,4 за 2010 год. А в конце года это талантливое прозаическое произведение завоевало первое место в литературном конкурсе «Энергия творчества», проводимом в последние годы ОАО «Кузбассэнерго».

Андрей Иванов написал о детстве. В мировой литературе традиции этой темы существуют с незапамятных времен, в русской литературе есть много замечательных произведений об этой поре жизни, чего стоит книга Льва Толстого.

Потому необходимо найти свой тон, стиль, интригу чтобы для начала хотя бы привлечь внимание читателя. С этими задачами Иванов достаточно успешно справляется.

Его героя по-настоящему интересны, при этом им всего по десять лет, некоторым и того меньше. Они живут на Севере, где суровые условия существования сопрягаются с поисками смыслов жизни, пусть даже они ищутся неосознанно в детских играх. Потому «Ржа» – это, скорее, подростковое произведение, написанное для взрослых.

Писательский стиль автора – использование в сюжете полутонов, ощущаемых как звучание скрипичной классической музыки, но проблемы (назовем это так) у него самые что ни на есть кровоточащие.

Прежде всего – один из главных вопросов для любого человека, взрослого или ребенка (возрастные границы не

важны) – проблема добра и зла. Уже среди пацанов можно отличить, если вчувствоваться в авторский голос, что из одного товарища-приятеля так и лезет, тщательно маскируемая им подловатость, кстати, он и предал всех, зато у другого героя главное – доброта, у третьего – надежность. Вышесказанное ничуть не значит, что они все носители какого-то одного человеческого отличия, нет, характеры мальчишек гораздо сложнее, многограннее, но что-то все-таки в каждом заданном образе выделяется в большей степени, а чего-то вовсе нет.

Вот, например, проблема пьянства глазами третьеклассника: его отец, справедливый, сильный физически, но слабый духовно человек, пьет, а мать терпит – сколько таких несчастливых семей у нас в стране.

Или наркомания – автор рисует эту тему опять-таки приглушенными красками, она проходит по периферии действия, хотя и является одним из сюжетных скрепов, – мальчишки чуть не вляпались в криминал, но каким-то чудом удержались от более страшного в своей «индейской» (они играют в настоящих краснокожих с приключениями, испытаниями и прочим) жизни.

Иванов, опять-таки не в лоб, словно акварелью по сырому (понимающий поймет, дурак – никогда) показывает, насколько же тонка грань, отделяющая человека от зверя. Рассказано, как нормальный во всех отношениях начальник теряет свою подрастающую дочку – любовь и надежду семьи; и он, и жена его на глазах превращаются за короткое время в неких существ, сохраняющих человеческие инстинкты, но с испарившимися уроками общежития. Человек же, как известно, существо общественное.

А ещё и вопрос национальный, нигде не педалируемый, но до чего же острый, ставится в произведении. Ведь мальчишки все принадлежат к представителям разных наций и народностей: тут и русский, и украинец, и якут, и

эвен, и бурят. В их возрасте национальное, как отдельное, ещё не осознается во весь рост, но уже старшие братья, родители четко отделяют всех по этому признаку. «Скользкое, противное и бессмысленное», – такие слова находит автор для определения национализма.

Совсем не случайно несколько раз взор читателя обращают на то, что в тундре невозможно похоронить почеловечьи покойников: земля исторгает, вечная мерзлота не пускает. Сохранить добро в таком природном, а у Иванова и человеческом окружении – не простое дело. Кому-то это удастся, другим – нет. Вот для них и использовано слово «ржа» в заголовке. Только единожды это слово Ивановым привлечено в текст, кроме заглавия, в последнем предложении: «Потом все трое стали бросать в него камнями, нагло и бессмысленно ржа». Среди этих троих и бывший друг главного героя, ставший предателем (в дальнейшем процессе его измены прослеживаются параллели с библейским Иудой, но опять-таки писатель объясняется не в лоб, а в междусловии). Вообще-то заглавие повести говорит о другой «ржавчине». Это «ржа» предательства, пьянства, наркомании, преступности, безразличия, падения нравственного и, как следствие, духовного гниения индивидуального и общественного.

Не случайно тяжелое испытание (инициацию) придется пройти героям повести Андрея Иванова «Ржа» уже в раннем детстве. И не всем, как и в жизни, удастся её пройти достойно.

"_в сердце – родина_"

(Издано в Москве)

Поэт, писатель и главный редактор московского журнала «Наш современник» Станислав Куняев в поступившей подписчикам десятой современниковской книжке опубликовал письма русского поэта из Кемерово Николая Колмогорова. Эти послания приходили в течение нескольких лет на московский адрес Куняева.

Редактор «Нашего современника» уже довольно длительное время продолжает в журнале мемуарный цикл «Поэзия. Судьба. Россия». Публикации отлились в двухтомник, который Куняев дарил братьям по перу недавно в нашем областном центре во время празднования сорокалетия кузбасской писательской организации. А мемуары продолжают. В их необходимости поэт не сомневается: воспоминаний представителей либерального крыла интеллигенции, по его словам, пруд пруди, а с патриотическим крылом, с патриотическими оценками сложнее. Вот и взвалил он на себя добровольно воз воспоминаний писателя-патриота. И везет, несмотря ни на что.

При жизни Колмогоров несколько раз рассказывал автору этих строк о своих московских встречах с Куняевым, жаль не зафиксировал кузбасский поэт этого письменно. И вот теперь из писем становится ясным: наш земляк называл московского собрата по творческому цеху старшим братом. Но и Куняев с самого первого письма почувствовал в Колмогорове родственную по убеждениям душу. О многом говорит заглавие куняевской публикации: «Мой младший брат».

Всего опубликовано 16 колмогоровских писем. С их страниц встает образ поэта с душой чистой, честной, советливой, в чем-то даже наивной, мятущейся и ищущей. Те, кто знал Колмогорова, хорошо помнят, каким талантливым

и непростым человеком со сложным характером он был. Вот как о себе пишет он сам, приглашая в одном из писем в Кемерово Куняева: *«Хочу уже давно увидеться с Вами и если получится – поговорить. О чем, еще не знаю. Боюсь, правда, одного: что разговора может не получиться, я человек тяжелый».*

Вот рассуждения о материализованных результатах поэтического труда, об изданных книгах: *«Думаю, что для поэта достаточно издать за всю свою жизнь 4-5 книжечек (если даже будет столько!) и этого довольно».* И, между прочим, подтвердил свои слова итогами короткого жизненного пути – издал шесть книжечек, одна из которых увидела свет в Москве, а одна является избранными стихами.

По письмам очень хорошо видно, сколь сильно мучили поэта болезни и неустройства жизни, насколько ранили его несовершенства народа. А чего стоили наветы? Обратимся к письму 1984 года: *«...народ наш в массе своей не понимает, где истинный враг. Даже здесь, в Кемерово, далеко от столичных бурь стоило мне позаикаться о – вы знаете, о чем, – как 1) сначала меня окрестили черносотенцем, 2) пустили сплетню, что я стукач КГБ, 3) что в Союз писателей вступил чуть ли не через КГБ и взятку... Все это, конечно, гадкие сплетни провокаторов духа, но куда деться?»* (Я хорошо помню этакую свирепость от идеологии по отношению к свеженапечатанной поэме Колмогорова об Илье Муромце в то время. Каких только грехов националистических там не вычитывали и не фантазировали?!)

Однако, отмечая горькие неустройства и несовершенства, он, тем не менее, оптимистично смотрел в будущее: *«Никакой бродячий, бешеный пес космополитизма не заразит укусом. Ибо в сердце – родина, в нем вера в великое будущее народа нашего».* А вот в другом письме: *«...я до конца верю, что правдивое слово, рожденное спазмой сердца, все-таки прорастет, если оно правильно брошено*

в почву». Еще о сокровенном, выношенном: *«Может быть, стихи мои и не современные,.. но что может быть современнее любви к природе, женщине, отечеству, тяги к небу, неразрывного ощущения родимой почвы под ногами».*

Колмогоров, незадолго до неожиданной внезапной смерти начал писать по другому, его мысль буквально сверлила глубь мироздания и духа, примером чему его «библейский» цикл стихов. Рефлексируя, он делится с адресатом тоской по поэтическому совершенству (это еще 1983 год): *В последние два-три года перестало меня удовлетворять как многое в своем творчестве, так многое в книгах даже лучших современных поэтов. Мне, например, хочется заговорить на каком-то совсем неведомом языке поэзии».*

Куняев вспоминает, насколько необходимыми стали для него встречи и разговоры с Николаем Колмогоровым, радующие и взаимообогащающие собеседников. Куняевская оценка творчества Колмогорова высока: **«Он стал одним из лучших русских поэтов, среди своих ровесников, и только разруха жизни, совпавшая с его поэтической зрелостью, помешала тому, чтобы его имя в последнее десятилетие жизни обрело всероссийскую известность».**

Один из лучших русских поэтов нисколько не грешит против истины. Раскройте поэтические книжки Николая Колмогорова. Не пожалеете. Это настоящая поэзия!

«К прозе меня привела любовь...»

Так написал в «Автобиографии», предпосланной прозаической книге «Воспитание кривых бревен», что издана кемеровским издательством «Сибирский писатель» в 2011 году тиражом 500 экземпляров, самобытный сибирский поэт Виталий Креков.

Писатель ещё и продолжил: «Любовь к своему городу, который хорошеет год от года. Любовь к родному краю, которого нет красивей на всей земле. Любовь к людям, которые бывают прекрасными и очень хрупкими».

О людях, обрабатывающих свой индивидуальный грех нелегкой жизнью, эта поэтическая проза. С самых первых фраз она вызывает изумление: оказывается, и так можно писать и разговаривать. Язык Крекова и его героев – исконно народный, каким уж совсем редко кто изъясняется ныне, разве, что старушки глубокие да старики древние, а лет пятьдесят тому говорили по-крековски многие, особенно в деревне.

Книга, имеющая подзаголовок «Повести и рассказы» (так на титульном листе, хотя на обложке наоборот – нередкая небрежность периферийных изданий), на самом деле выстроена как единый текст жизненного пути главного героя, альтер эго автора, пусть и носящего различные имена в разных историях. Всё растёт, как и положено, от начала появления на свет главного героя, который формулирует фатальное: «С-самого начала моего осознания, что я живу на белом свете – это практика наказания. Да и белый свет, в котором я начинал первые шаги, был не белым, а черно-белым, землистым, пасмурным, где до конца ничего не разглядишь». Сплошной ми-бемоль минор, тем более что герой любит классическую музыку, которая все его годы земного обитания не только гладит чувства, но и запа-

дает в память, сначала из радиопередач, а потом и до филармонических концертов сподобился дорасти.

Эпизод за эпизодом жизненная линия ведет через голодное и босоное детство к возмужанию и заканчивается, опять-таки как и должно, старостью, подмораживанием ощущений и чувств, как в рассказике «Воробьев», подвижками к избавительнице смерти в завершающем «Царствии Божиим», где благостно умирает баба Тася и племянник отмаливает для неё райскую жизнь.

Виталий Креков – по большому счету бытописатель, мелочи жизни под его внимательным взглядом удивляют подробностями, иногда умиляют, а может, кого-то и раздражают. Он пишет простую жизнь простых людей, коих, зачастую нынешние сильные и богатые мира сего называют «людишками». «Маленький человек» – вот главный герой писателя. Можно сказать, классики описали такого от и до, но у нашего автора он именно наш – простой человек советского времени во всей своей красе, если использовать литштампы, а здесь – во всей неприкаянности, вопиющей бедности (Креков замечательно написал когда-то в стихах: «Наша бедность граничила с Богом!»), бестолковости и напрасных поисках счастья. Страдание, вот его основа основ, когда, согласно Крекову, даже «подарки не дают просто так. Их нужно отстрадать».

Это было послевоенное неустроенное время, мало кто помнит голод тех лет, заслоненный в памяти великой Победой в великой войне. Однако автор вынырнул воспоминания о еде и даже в сегодняшние сытые времена довольно часто склоняется в написанном к подробному перечислению того, что выставлено на столе. «Как бы неплохо ни кормили, есть всегда хотелось», – рассудительно заявляет детсадовец из рассказа, который «...верил, что в мире нет неправды, а есть одна только правда». Опять его же умиление: «Я поедал ласковые травы, головки стеблей подо-

рожника, семена трав, маленькие шампиньоны, молодые побеги тальника, верхинки лопухов». Совсем не случайны у главного героя-подростка слова о зарабатывании «копеечки». Именно «копеечка», дающаяся в поте нелегкого труда, кормила тело, а значит, помогала рождению мыслей. Потому-то дитя по фамилии Креков навсегда врезал в память что и сколько стоило в то время. Сегодня редко кто из читателей сориентируется в ценовых масштабах, когда, например, «...дед купил матери (главного героя – В.П.) пальто за 550 рублей». Что бы ему в стоимости этой одежды для матери, однако же...

В рассказе, а может, повести «Воспитание кривых бревен» (название-то каково!) нарисована жизнь, увиденная глазами пацаненка, не взрослеющего, навсегда сохраняющего восприятие маленького человечка, что блестяще демонстрирует писатель своим особым индивидуальным стилем.

Любопытны родственные связи юного героя, разветвленные, кустистые, патриархально важные и ответственные, может быть, сакральные, все эти разнофамильные деды с бабками, дяди и тетки, свекрови и тещи, многочисленное потомство племянников, ставящее читателя часто в тупик при попытках разобраться, кто для кого кто есть. Главное, для автора ясно и безоблачно сие родство.

Как будто бред, всё в куче: персонажи и родственники, события, наплывающие одно на другое, рвущие последовательность времени, возвращающие действие вспять, чтобы затем, перепрыгивая через годовые кольца, раскрыть волшебным образом через мелочи быта таранный, все сметающий ход бытия, за которым – эпоха. «Там был рай», – восклицает герой, и ему веришь.

Хороший плюс писателя Крекова – его красочные самобытные метафоры, корень которых опять-таки в народном языке, в поэзии. Вот, например, настоящая языковая

изюминка при описании верховой езды, которая есть попытка полета, а может, и сам полет, и даже руки всадника как крылья... А вот «...самогон, воспитанный под коньяк». И таких сравнений, метафор, всего богатства языкового у Крекова много – пей, не хочу. Такую прозу можно сравнить с тем, что делал в литературе русский гений Андрей Платонов: у нашего писателя и классика корневище единое – в народе-богоносце, стебли, конечно, разные, как уровень таланта разный. Платонов – это вершины философского постижения мира, Космоса, у Крекова – в основном, быт, лишь иногда втекающий в бытие, стремление подняться над повседневностью, которое часто остается не реализованным. Ну и мастер языковой вязи и метафорической вышивки Владимир Личутин, безусловно, в учителях у нашего писателя-сибиряка, хотя при живом общении, разговоре он может в том и не признаться.

Вот автор зачем-то живописует лето – пик сельской жизни в деревне Сухая Речка; на протяжении рассказа то один земляк, то другой «приземляется» в повествование, озадачивая читателя внезапностью появления. Впрочем, так ведь и в жизни происходит-бывает. Но отчего-то любопытно при чтении, у кого и как плодятся куры, а гуси почему-то никак, у Козицыных (кто бы знал, кто такие?) по первой капли отелилась корова, но тут главное не отел, а поглощение молозива – первого молока, вареного или, как делала когда-то моя мама, жареного на сковороде. Автор тем временем продолжает разворачивать свиток жизни Ульяны Козицыной, «уже немолодой женщины», и не поймешь, зачем она тебе, но её немудреная жизнь оказывается интересной и поучительной.

А за ней вслед вступит в прозу узник концлагерей Воцилин, мастер на все руки и добрый человек, судя по делам его. Так и движется путь писателя, а за ним и читателя, от дома к дому со всеми их обитателями: кто на ком же-

нился, кто с кем сошелся и детей «настрогал» (мальчик, от лица которого ведется рассказ, так и воспринимает выстукивание ребятишек, на манер папы Карло, сделавшего ножом Буратино), кто и как выстраивает свой путь.

А какая тяга сельчан к искусству! Готовы слушать и стихи, и пение героя, которого непременно обильно угощают после импровизированного концерта «салом, сметаной, молоком, вареной молодой картошкой» – в поглощаемой пище Креков точен и обстоятелен всякий раз. Поззия!..

Вообще-то в летописях не так и важны плавные переходы при описании. Так и у Крекова: «К Горифулиным, что жили ближе всех к Бурцевым, придешь, там голые стены, едят одну картошку, запивая водой, и целый базар непонятной речи, что-то: «Сюк, сюз, сую». И сразу в следующем абзаце, без перерыва: «Той же зимой на выборах была драка в клубе». Вот такая стихийная «драка» – почти вся проза поэта.

А ещё и религиозность корневая, народная. Моя бабушка радовалась бы этим местам в повествовании; больший кусок жизни провела в деревне, где никаких священников, а молились даже в самые антирелигиозные гонения коллективно – сойдутся несколько человек и читают молитвы и Псалтырь, единственную священную книгу, какая была и которую берегли как зеницу ока. Вот так случайно, но и предопределенно нашел Бога уже в раннем детстве крековский герой и сохранил в душе своей.

Ещё одна тема этой своеобразной прозы – поиски своего дома. Землянки, халупы, комнатки, наконец, отдельная благоустроенная квартира, дачки – всё их мелькание вкусно проговорено и красочно нарисовано словом. Человеку нельзя без дома, вот и мечутся персонажи по необъятной стране, не могут обрести покоя в душе и своего места на земле. И симптоматично, что в «Воспитании кривых бре-

вен» один из продолжателей семейного дела и смысла, увидев свою разграбленную вороватыми селянами дачу, собственными руками сжигает эту мечту о доме, как будто руководствуясь апокалипсическим: «А не доставайся ты никому!» И выбирает, по причине горящей души после импровизированного аутодафе, обратную проселочную дорогу – «путь, где сильно било и трясло». Прозрение писательское в «огненной» метафоре, которую легко толковать после гениальной сцены сжигания собственного дома в фильме Андрея Тарковского «Жертвоприношение»: для всех нас дорога впереди терниста, где будет сильно бить и трясти. Ещё и неизвестно, выберемся ли на нормальный путь?..

А теперь о недостатках книги. Уж слишком много у писателя «внезапных» персонажей (помнит ли их всех сам повествователь?), читателю, конечно, не разложить их по полочкам вовек: выпрыгивают как чертики из табакерки, чтобы быстренько слиться в неизвестность. О «рваности» повествования уже было сказано: хороший редактор, заинтересованный не в причёсывании под привычное, смог бы помочь прозаику. Кстати, львиная доля явленного в книге была опубликована в разное время на страницах журнала «Огни Кузбасса». Почему автор не взял в книгу очень даже неплохо отредактированные произведения, понять невозможно.

Хуже Виталию Крекову удаются большие формы, рассказы цельнее, да и ударнее, чем повести, которые рыхловаты, требуют серьезной работы над каждой фразой, чтобы не было провисания текста, ухода сюжета «огородами и к Котовскому», что, по-моему, имеет место.

Наконец, количество грамматических ошибок и опечаток в книжке просто зашкаливает. Эти дебри запросто могут отпугнуть читателей. А привести текст в грамматиче-

ское чувство легко помог бы корректор, судя по выходным данным коего просто не было.

И последнее, в чем, наверное, вины автора совсем чуть: уж слишком провинциален стандарт, которым руководствовались издатели, провинциализм так и прет из внешнего вида книги.

Убить детей до их зачатия

Роман Юлии Лавряшиной «Свободные от детей», изданный в Москве «Гелеосом», как и многие её предыдущие произведения рассказывает о жизни и судьбе нестандартной женщины. В ударных рекламных фразах аннотации новое произведение писательницы из Кемерова, ныне проживающей вблизи столицы, озаглавлен с англоязычным довеском-антисловом, означающим то же самое, что и по-русски: «Childfree. Свободные от детей».

Главная героиня – «модный московский драматург и любимая многими писательница», как её представляют на страницах книги, Зоя с хорошей русской фамилией Тропинина на самом деле законченная стерва. Читателю предлагается покопаться в сознании и темных глубинах подсознания принципиальной противницы детей. Что она там пишет в своих романах остается за рамками повествования, но в повседневном существовании она исходит из «эксплуатации зла», и это без сомнения. О подрастающих человеческих существах у Тропининой не находится иных определений как «недозрелые чудовища» и «паршивцы». Можно предположить, что многие не принимает детофобии, выпячиваемой модной писательницей, но какие-то индивидуумы, которые всегда в наличии в любом обществе, заходятся от восторга.

«Только себя и люблю по-настоящему. Никого другого так не знаю, как себя, ни в ком так не уверена, как в себе, ни на кого другого не положусь... И потому ревностно оберегаю свой покой...» – сверэгоистическое кредо героини. Представляю, как тяжело было находиться в её шкуре автору. Или нет?.. А может, такое мировоззрение – это побег Тропининой от вечного страха бытия в иллюзорном мире, выстроенном в собственном «дряхлом» сознании? Или «страхосчастье» пополам со «сверхчеловеческим»

нищепанским, либо фрейдовские «игры разума, озабоченного сексуальностью»? Или боязнь смерти толкает Зою-писательницу к нерождению новых детей: чтобы не умирать, лучше не родиться, умереть до рождения.

Вообще-то даму бальзаковского возраста даже в какой-то степени жалко, она, как и многие ныне, пытается притормаживать неумолимый ход времени, отвлекаясь рисками: то с любовником сиганет с парашютом из вертолета, то промчится по Москве на лошади, на машине гоняет – ветер свистит. Она хорошо знакома с чудом вдохновения, когда за шкирку усаживает себя к столу, а затем потихоньку «разгорается пожар. И ликование потоком, сердце прыгает на волнах, холодеет от восторга!» Это, как говаривал усатый вождь «посильнее «Фауста», да и рождение ребенка в подметки для Тропининой не годится по чувственности с творчеством. Ненавистница детей частенько демонстрирует свою антилюбовь, и это вообще-то её проблема. Но она желает распространения своего отношения на максимальное количество женщин, даже Интернет в романе настроен на данную волну. Нормальному же homo sapiens остается лишать Тропинину права на нормальное к ней отношение.

Можно предположить, что героиня-писательница принадлежит к хорошо известной породе мизантропов – людей, ненавидящих всех прочих человек. Об отце у неё ни единого доброго слова, как и о матери. Сестра – обуза детства, неприспособленное к жизни существо, брат – несостоявшийся мужик, неудачник, как она считает. Но он-то – счастлив, вот незадача. О далёких Тропинина судит ещё хлеще, чем о близких.

Как представляется, для писателя важно найти ударную тему, после чего можно уже и катить текст через все преграды воображения. Лавряшина с этим справилась, тем более, что в современной русской литературе практически полностью исчезло изображение счастливого материнства

и детства. Последнего нет и у нашей землячки, но у неё четко зазвучало теоретическое отрицание рождения детей. Посмотрите, успешная баба, которой рожать да рожать, испытывает к этому извечному природному делу физиологическое и психологическое отвращение. Это же монстр в юбке или в чем там ещё они ныне ходят.

Но тогда женщина, что говорится, в соку, не отказывающая себе в плотских утехах даже со случайными партнерами по пьяни – это уже шлюха. Надо её образ углубить, сделать объемным, чтобы отвращение и читательское неприятие не оттолкнуло напрочь от повествования, да и какой автор хотел бы ограничиться плоским персонажем. Нам, как утверждал классик единственно верного учения, человека, которому не чуждо ничто человеческое, подавай. Потому-то и начинает выворачивать наизнанку своё духовное нутро с мерзостями и частичками светлого героиня-писательница. Она придумала для себя замечательное оправдание, этакий психологический громоотвод, дескать, её дети – истории, рассказываемые в её книгах. «Или писать, или рожать...» – третьего не дано. Любить мужиков, сексуальные улады, но не любить детей. Вот такой разлад природного и умственного живописуется в «Свободных от детей».

Где корень этой детофобии? Нам ясно разъясняют в романе почти по Фрейдю, что это маманя постаралась во времена оные, которая любила повторять: «Не люблю девчонок». Обделила любовью своих дочек, но почему-то только из одной, той, которая встала на писательскую стезю, выросла ненавистница детей.

Автор романа, конечно, углубила образ героини: у неё, оказывается, была любовь-потрясение со старым учителем писательскому ремеслу, любовь-взрыв, болезнь, сумасшествие с эйфорией. От него она даже аборт, сделала, – ещё одна психологическая травма. Этот «бывший» навязчиво

вторгается в текст внутренним монологом героини: этакая палочка-выручалочка, когда необходимо оправдать слишком раскованное поведение и неблагоприятные поступки, он тут как тут контекстом прописанный. Но ведь этот «рыцарь» прятался с Зоей в самых разных местах для телесного наслаждения молодым мясом, а семью-то не бросал.

Постаревшая мадам разгоняет утреннюю мигрень крепчайшим кофе, запросто напивается, при желании, и спит с первым попавшимся, чтобы следом выкинуть его из головы. А ещё эта «убежденная «чайлдфри» полтора года страдала творческой импотенцией после ухода её первого возлюбленного из жизни. Но вот детям она никак не страдает: «Путь гибнут во мне и вблизи меня, крошатся кусками, растекаются кровью, и потом их уносят в пластиковых мешках, чтобы выбросить вместе с другим мусором... Гнать их прочь – слабеньких, босых, пахнущих молоком, шоколадом и полевым ветром... Дети мешают нам своим раздражающим щебетанием, своей беспомощностью, требующей нашего постоянного присутствия. В воду их, в огонь, в мусорное ведро», – таково самое настоящее богоборчество героини, помните Богово: «Плодитесь и размножайтесь». Но даже с Всевышним наша Зоя надеется договориться, самооправдываясь: «Я ближе к Богу! Который никогда не простит меня, потому что я не выполнила его завета...»

Самое смешное, что героиня решилась зачать и родить от заграничного «мэна». Нет, она не стала другой, на сей подвиг, противный ей по всем параметрам, её подвигла идея омолаживающих родов, то бишь собственное благо и эго, не более того. А ребёночка загодя определилась «пристроить». Лавряшина умело подбрасывает Тропининой ниточку – материнское чувство, – по которой та может вернуться к природному. Можно было ожидать, что, проведя «модную писательницу» по кругам ада, автор заставит её

вырулить на дорогу материнской и женской любви. Что-то такое брезжит светлое, остатки добра и души начинают свою извечную работу в этой двуногой. Но нет, всё возвращается на круги своя, кукушка никуда не уходит от своей птичьей ипостаси разбрасывательницы яиц. Да и может ли выздороветь духовно искательница всё новых приключений? Стерва остается стервой.

...А ведь по большому счету, мы, мужики виноваты в появлении большинства таких женщин. Или все-таки эмансипация, будь она не ладна, тому виной? А может, безлюбовь, как заразная болезнь после трагедии первой любви не отпускает?..

Книге «Свободные от детей» приличествует иное название «Свободные от любви». Ведь Зоя Тропинина убеждена железобетонно, что «никто никого не любит. Никто никому не нужен». Какие уж тут дети?..

Так интересно начать, и так плохо окончить

Первое знакомство с книгой воспоминаний Полины Невской «Жизнь со стороны, или Возвращения в прошлое» (в отрывках) состоялось после выхода в свет альманаха «Огни Кузбасса» №2 за 2000 год. В опубликованных кусочках мемуаристка очень просто без литературных претензий представляла свое ленинградское детство, прерванное войной и эвакуацией. Альманашники прихватили и частицу юности. Написанное незнакомым автором поражало непосредственностью и свежестью – читалось буквально на одном дыхании.

И вот на моем столе книга почти в триста страниц с тем же заглавием отпечатанная в «Кузбассвузиздате» тиражом в 200 (!) экземпляров. Томик со стильной обложкой, хорошей белой бумагой, фотографией автора приятно подержать в руках. Вглядываясь в фотоизображение, пытаюсь мучительно вспомнить, где я встречался с мемуаристкой: а ведь встречался непременно – город наш, хотя и областной центр, однако небольшой, в чем, кстати, и состоит его прелесть, кое-кем определяемая как провинциальность.

Вновь быстро перечитываю «детские» страницы, вновь радуюсь за автора, восхищаюсь ее отточенному и одновременно простому естественному стилю. Учеба у классиков – великое дело. Никаких сомнений – Невской богато прочитано и много усвоено.

Вот маленькие подробности довоенного быта – ушла эпоха, оставив пряное чувство ностальгии. Войну рассказывали многие и по-своему, но у Невской годы великих испытаний преломились через память наблюдательной девочки, потому и отличаются. На фронте ежедневно погибали тысячами, тыл выматывал жилы работой и голодом. Со всеми голодали и дети. И в то же время, какие удивитель-

тельные примеры посильной заботы о подрастающем поколении. Страна защищала свое будущее – детей. И в то же самое время были, конечно, и мерзавцы. С каким смаком выписывает образ одного из них мемуаристка: олицетворение зла и человечесьё существо в неразрывной сути и единстве. И себя, тогдашнюю не жалуёт, судит без скидок.

Меняется авторский голос, когда пришло время любви. Известно, что чаще всего первое большое чувство бывает обвальнo тупиковым. Одни изживают любовную трагедию – время лечит, другие – подранки на все оставшиеся дни. Невская из последних. Ей сочувствуешь, жалеешь вместе с ней первого ее избранника.

Погружаясь в переживания, замыкаясь на себе, она, тем не менее, опять же каким-то магическим образом умудряется не закрыться полностью только на собственных испытаниях и «болячках», находит место для внимания к соседним потокам бытия близких, иногда вовсе случайных людей.

Интересно знакомиться по воспоминаниям новоявленной сибирячки с Прокопьевском самого начала 50-х, куда она приезжает с мужем. Тот, кстати, составляет очень даже неплохую карьеру в угольной отрасли. Город колоритно встает со страниц в его непростом развитии и проблемах. Еще раз убеждаешься, не было черного ближайшего прошлого, о чем без устали твердят некоторые нынешние критики тоталитаризма. Все было значительно многоцветнее: люди переживали радости и горе, были по-своему счастливы и несчастливы тоже по-своему.

Но уже здесь начинается, поначалу не очень ощутимое, этакое дребезжание повествования, которое можно, наверное, определить как усталость авторской интонации. Поначалу диссонируют только маленькие вкрапления. Но, чем дальше, тем острых крючков больше. Вот семья Невской перебирается в Кемерово. Муж, между прочим, зани-

мает солидное руководящее кресло директора одной из шахт: ни много ни мало – обкомовская номенклатура! Об этом говорится как-то скользко, сквозь зубы. А стиливое дребезжание воспоминаний все усиливается. Грешно укорять автора за параллельный рост материального благополучия – угольные генералы работали как проклятые, по труду и вознаграждение. Но отчего у мемуаристки все чаще начинает проскакивать неудовлетворенность окружающим? А может, это уже взгляд скорректированный сегодняшним бытием?

Вообще-то автор, по-видимому, оправдывает себя: пишется-то история собственной души и жизни. Хозяин, дескать, барин, что хочу, то и вспомню: раньше – больше из хорошего, ближе к сегодня – поболее из плохого. Невская выделила только семь возвращений в прошлое, как семь глав. Уже с ее шестого возвращения у меня как у читателя, возникало все больше несогласий с авторской точкой зрения. Самое колючее возвращение седьмое. Именно здесь выплеснулась авторская горечь на страну и общество. Вот уезжают насовсем отпрыски в Израиль. Психологически как раз понятно стремление оправдать этот шаг детей. Но зачем при этом валить на всю страну «государственный антисемитизм»? Под эту «провинность» подверстываются и «дело врачей», и «борьба с космополитизмом». «Не верю!» – воскликнул бы великий режиссер в этом месте. Судя по карьере мужа, да и работе самой мемуаристки, никакой госантисемитизм их не коснулся ни в малейшей степени. Наоборот, престижная «чистая» работа, благосостояние (по сравнению с окружающими, конечно), устроенный быт. Можно понять горечь диссидентов, в том числе и их позицию по национальному вопросу, но отчего настолько непримиримо преломилось национальное под пером благополучной Невской? Зачем повторять мифы и выдумки?

В последнее десятилетие появились капитальные исследования Вадима Кожинова по национальным проблемам, очень острым под пером некоторых публицистов. Между прочим, при жизни исследователя никто не опроверг его утверждений, в том числе и тех, которые построены вокруг проблем «симпатичного национального меньшинства», как его определил писатель Довлатов. Автору этих строк совсем недавно довелось познакомиться с расстрельным делом собственного деда по матери: «косили» всех несогласных, кто выделялся, не стесняясь в выдуманных обвинениях, не обращая внимания на национальность. Слава Богу, что это все в прошлом. Уверен, не стоит с надрывом делить убиенных на «наших» и «не наших». Такие операции очень больно ранят. Тем же, кто выделяет единственную национальную составляющую в «космополитном», «белохалатном» и прочих делах, как это делает Невская, остается только посоветовать почитать на трезвую голову Кожинова. (Не я инициатор этой темы, хотя легко предвижу, какие могут последовать обвинения во всех смертных грехах, что чаще всего и происходит, вместо скрупулезного разбирательства).

Закрываю последние страницы книги. Ощущение такое, что автор из искусного бытописателя постепенно укатился к обвинительным, совсем под занавес, к прокурорским интонациям. Возвращение же седьмое и последнее – ничто иное, как реклама страны Израиль. Это уже ближе к пристрастной пропаганде, чем к мемуарам. Израильтянам вообще-то можно только позавидовать в том, какую огромную финансовую, самое главное – в львиной доле безвозмездную – помощь они получают. Конечно, никто при этом не отнимает их умения работать. Но, когда начинают петь гимны одним народам в ущерб другим, вольно или невольно вступают на очень шаткий путь противопоставления наций.

На этих «заземленных интересах» (еще одно выражение автора из финала) и заканчивается книга П. Невской «Жизнь со стороны, или Возвращения в прошлое». Может ее неудачи связаны с долгими сроками написания, усталостью автора к концу?..

Насколько же дальновидно поступили редакторы альманаха с поступившим в их руки мемуарным неровным текстом. Отобрали действительно лучшее для публикации. И как много проиграл полный вариант. Великолепное начало, интересная середина, кое-что любопытное ближе к концу, и, в конечном итоге, смазанная, «в задир», концовка. Потому правильным представляется тираж в 200 экземпляров: для друзей и хороших знакомых, которые вряд ли будут хоть что-то критиковать. А для широкого читателя впятеро большее количество экземпляров «Огней Кузбасса» с отрывками (лучшими!) из Полины Невской, которые не стыдно предъявить на суд самому взыскательному литературному вкусу.

«Просто я работаю волшебником...»

Книга фокусника и мага из Кемерово Владимира Переводчикова «Пройти сквозь стену (Записки бродячего фокусника)», вышедшая в областном центре тиражом 1200 экземпляров, как следует из названия, – о чудесах.

Автор обстоятельно и серьезно, но с подключением юмора в нужных местах, рассказывает о профессии чародея. Параллельно повествует о собственном, богатом на магические события жизненном пути. Получилась интересная мемуарная книга. А ещё Переводчикова на вершине его 75-летнего возраста все так же, как и в молодости, занимает философия его дивовейской специальности, точнее философия фокуса. Вот это-то и является изюминкой книги путешественника «сквозь стену». О фокусах, если поискать, поведали многие – целую библиотечку можно составить. Но вот выйти на философские обобщения дивовей-профессионала – такое отыскать в книгах фокусников задача трудно исполнимая.

Что такое фокус в жизни человека и общества? Зачем некоторые люди посвящают свою жизнь иллюзиям и фокусам? Кому нужны профессиональные тайны фокусника? Чем обогащает фокус обычного человека в зрительном зале? Почему фокусничанье является интеллектуальным искусством? Вот далеко не полный перечень вопросов, на которые на протяжении своего объемного труда пытается достаточно убедительно ответить Владимир Переводчиков.

Мне несколько раз доводилось видеть Переводчикова на сцене: его техника совершенна, юмор органичен, все получается как бы само собой. После выступления у зрителей остается, если так можно выразиться, послевкусие радости.

А ещё автор чуть не с первых страниц начинает, скажем так, мягко полемизировать с теософией, заниматься спорными, но интересными филологическими изысканиями, защищать знахарей...

«Любой фокус – это правда, замаскированная под сказку для взрослых», – интригует читателя Переводчиков. Ещё в жизни человека всегда присутствует страх («противооснова всему», – сказано в книге), потому автор ищет спасения от этого разрушающего, берущего в плен не такую уж и малую часть общества, чувства. Первейшая забота человека – освобождение от страха: боязни ограниченного пространства, надвигающегося насилия, катастрофы. «Боязнь природных стихий вечно гнала человека и валила его на колени перед божествами, порожденными его собственной слабостью. Но всегда боги получались неудачными: высокомерными, эгоистичными – их постоянно надо было умолять», – утверждает автор. Тяжкая судьба ожидала братьев Переводчиков, к примеру, в Средние века: обвинения в колдовстве, пытка, костер. И это при том, что, как утверждает автор, «волшебство должно быть добрым или забавным, не унижать, а возносить человека».

...Мальчик Володя впервые увидел живого фокусника в 12 лет. А уже с 6 класса сам стал показывать фокусы в школе. Затем последовали выступления перед односельчанами. Но время было послевоенное, тяжелое, потому после школы вместо учебы пришлось пойти на работу, затем армия, вернулся со службы и стал взрывником. Лишь после этой профессии последовал путь на сцену. Был завклубом, играл в самодеятельности, представлял в гриме Владимира Ильича Ленина. И только после этих «университетов» последовало учение, потом этап дерзания и этап смирения. Прошел через жесткий профессиональный отбор, обрел собственный сценический образ, проникся уверенностью, выросшей на опыте размышлений и сценических выступ-

лений, что «никого, кроме себя самого, человека умеющего развлекать и удивлять, играть не нужно».

Фокусник и писатель в единой ипостаси словно под увеличительным стеклом рассматривает свою эстрадную профессию, делая обобщения опять-таки близкие к философским. Вот одно из таких. Фокусы – искусство интеллекта, предлагая диво со сцены, «нельзя прилагать бычье усилие. Создавать надо радостно, без принуждения, как бы играючи. Только любовь к своему делу, к своему искусству приносит радость и удовлетворение». Впрочем, как самокритично откровенничает маг, удовлетворение это «на краткое время».

«Потребность в чуде не иссякнет никогда». На этом стоял и стоит мастер фокуса Владимир Переводчиков, занявший в 1991 году в США 1-е место на Всемирном конкурсе магов.

А ещё есть и темные стороны в профессии, точнее в профессиональном братстве. Ведь крадут, воруют фокусы, обезьянничают почем зря.

Переводчикова занимает также проблематика гипноза, впрочем, он сам использует гипнотическое влияние в определенных размерах, чтобы «не во вред зрителям». И магия интересна автору. Он, кстати, разоблачает в книге всевозможные шулерства записных обманщиков, подаваемые под маркой магии, – эти примеры будут интересны читателю, жаждущему разгадки тайн. Но «потребность в магии неизбежна, стало быть, умирая, – она не умрет никогда», – таково мнение мага Переводчикова.

Удивительные детали разбросаны в его воспоминаниях. Вот он пишет, что односельчан на войне с фашизмом погибло 57 человек (столько зафиксировано на памятнике), а «в тартаре тюрем ГУЛАГа сгинуло 58, на одного больше». А ведь кто-то до сих пор с пеной у рта отрицает, что не было перманентной войны против своего народа, подни-

мает и оправдывает почивший на крови своих сограждан режим. Переводчиков ни с кем не спорит, он просто приводит конкретные факты, которые убийственны по наглядности. А вот очень точно, на мой взгляд, о политике, которая «вламывается в храм искусства» и «искусство становится серым, скучным; важным лишь власть ухватившим, как секретное оружие. Они считают себя кормильцами культуры, но сами её обирают».

Теперь о недостатках этого тома из четырехсот с лишком страниц. Книга нашего земляка издана, как означено в выходных данных, «под редакцией автора»: зря ныне многие экономят на редакторах. Первая и самая серьезная претензия к верстке – не выдерживает никакой критики. Об ошибках, опечатках – просто читательский стон. Интересную книгу «Пройти сквозь стену» могут отложить в сторону только по причине громадного количества издательского брака. Вина за подобные «фокусы», безусловно, на издателях.

И ещё претензия. Не знаю, по какой причине, но две последние главы «Разлюдовка» и «Стена пройдена» значительно уступают литературно всем предшествующим.

Ну и повторы, конечно, встречаются на протяжении всего книжного повествования – это, кстати, тоже легко устраняется с помощью заинтересованного редактора: необходимо лишь найти добросовестного.

И совсем обидно встречаться с фактическими ошибками: на одной из страниц автором знаменитого «Человека-невидимки» дважды указан Конан Дойл, хотя, все, маломальски знающие фантастическую литературу, помнят сочинителя, имя которому Герберт Уэллс.

Если бы почистить текст поосновательнее, книга могла получиться намного весомее. Уже вообще-то не хочется о грустном, но даже последняя страница, которая просто обязана быть ударной (все-таки дается напутствие читате-

лю), опять-таки из-за невычищенности «растекается» мыслями.

А ведь в «Записках бродячего фокусника» есть все для настоящего успеха: не затасканная тема, глубокие знания автора о сути своей необычной редкой профессии, философский подход, панорамность изображения, серьезные отступления-размышления...

"Время – я сам"

О романе «Баски» Владимира Соколова

Гвоздь сдвоенного альманаха «Огни Кузбасса» №3-4 за 2003 год – «наброски романа» Владимира Соколова «Баски».

Думаю, произведение это, при соответствующем рекламном сопровождении, может вызвать неподдельный рыночный интерес. Пристальное внимание со стороны умудренных читателей уже проявилось: «Баски» вызвали восхищение с одной стороны и неприятие – с другой, потому как разнонаправлена сила всех неординарных литературных вещей.

Вообще-то, давно уже ожидалось появление на кузбасской литературной ниве подобного яркого и бессюжетного, как бы врасплох написанного произведения, «модернистского» по форме и глубокого по содержанию, «прорывного», как припечатал один из кемеровских пишущих кофифеев.

Корни подобной прозы долго искать не приходится: это, конечно же, прежде всех прочих, знаменитый «мовизм» – изобретение Валентина Катаева. Тем не менее, быстро в откликах успели определить в «родственники» соколовскому роману «Камешки на ладони» Валентина Соколухина, некоторых иных прозаиков, оседлавших тему «осколочной» прозы. Думаю, что они-то как раз и не имеют ничего общего с написанным нашим земляком. У Соколова, явно удачно реализованная заявка на романый замес.

Когда в предтечи ставят Пушкина, снимаю шляпу, но помню при этом, что нечто подобное утверждал Сергей Боровиков – бывший «главный» одного из лучших периферийных журналов-толстяков «Волга» – в своих записях, увидевших свет книгой под заглавием «В русском жанре».

Его рассуждения как-то неожиданно близко совпали со словами местных литспециалистов. Обосновывая собственный оригинальный литературный стиль, Боровиков, давший на титуле уточняющий подзаголовок «Из жизни читателя», смело определил себе в исток пушкинские «Table talk». Уже в советское время на этом «поле» отметились многие. Среди них, Юрий Олеша, совсем рядом от нас (по времени) выходил, расхватанный на цитаты, интеллектуальный бестселлер «Записи и выписки» Михаила Гаспарова. А еще были, если поискать по закромам, и античные предшественники, и не только, между прочим, они; но то всё не наши, – чужие.

Пробежав ретроспективно по опубликованному раннему, несть числа коему, все-таки приходишь к выводу: ближе всего проза нашего земляка именно к «мовиетским» катаевским изыскам. Корень, конечно, общий, да вот стволы совсем разные. «Баски» – оригинальное, самостоятельное произведение. Главный сюжетный стержень романа (если можно говорить о сюжете в принципиально бессюжетной прозе) – внутренний мир пишущего, попытка снятия «рентгеновского снимка» с того, что невидимо, что называется душой. Удачная, признаем, попытка мучительных поисков самого себя, самопознания и самоопределения. Автор по большому счету занимается извечным русским делом: поисками смысла сущего и опоры (почвы) «внутри себя».

Главный герой – альтер эго автора, знает, что есть ограничители в его творчестве, мыслях и даже мечтах. И это мука для творческого человека – знать подобное. Значительную часть рассуждений и описаний занимают поездки, путешествия, передвижения. Автор словно пытается убежать в края обетованные, где всё и все в согласии и гармонии. Однако от себя никому еще не удалось избавиться: исключения – переход в мир иной или уход в безумие. Ге-

рой меняет места пребывания, работу, женщин, жилье, а серое вещество и душа вершат свое прямое дело, мучая и доставляя величайшее наслаждение этими муками, и тем, что мы называем жизнью. «Мука и радость – всё в творчестве, всё – в страдании...» – провозглашает автор.

А есть еще искушение знаниями, экстаз от знаний. Со всем не случайно древними сказано: «Многие знания – многие печали». Вот как развивает эту мысль Соколов: «...самое сильное искушение, которое дано человеку в познании, независимо от образованности, – он сам».

Автор ставит множество вопросов (большинство которых из обоймы вечных русских «проклятых»), подбираясь к ответам. «Человеческий дух, как ночной небосвод...» – констатирует он, пытаясь среди мириад звезд, среди космического хаоса найти гармонию. Такое строительство совершенного удастся очень и очень немногим.

В душе писателя – ад. Но, рай и ад – всё рядом. Адское и райское легко, часто играючи, незаметно меняются местами. «Где же наилучшим образом проявляется в нас человеческое – в экстремальной ситуации или в условиях свободы и благополучия?!» – вопрос Соколова, который взыскует ответа в расстроенной и расхристанной нынешней жизни российской.

Но как ответить, когда, как пишет автор: «Наше восприятие мира, не без участия электронных СМИ, затюкано, затерто, сглажено, как и восприятие женского тела...»

В романе (это действительно настоящий большой и по замыслу, и по исполнению роман, расширяющий и, может быть, разрушающий, стирающий границы жанра) присутствуют сквозные персонажи. Вот некто Жулина – холодная, бесчувственная резонерша, знающая, как надо. Ее и внешне, и духовно бесполовая фигурка мелькает, словно фантом, в самых неожиданных местах и в самое неподходящее время. «Враг», как охарактеризовал ее сам автор на

мой прямой ему вопрос: «Кто она такая?» А еще магнитит мысли "Черный квадрат" Малевича и «черноквадратность» (вещное отражение «окулинщины»?): тревожат, мучают писательское воображение на протяжении всего повествования. «Лишь бы не притупилось восприятие новизны! Не обрюзгло, не оквадратилось!..» – закликает автор.

Его роман о главном в жизни – о любви. О большой любви к женщине, друзьям, жизни, Богу. «Разве вообще все слова людей – не о любви?» – спрашивает-утверждает писатель.

Почему талантливое произведение является безусловной удачей? Потому, что, стряхивая жизненную шелуху, автор выходит на выстраданные ответы. Это даже хорошо, что многие из них – спорные. Ведь многие сочинители самых приблизительных ответов не дают, да и дать не в состоянии в силу «амортизации сердца и души». Пусть утверждения Соколова могут не устраивать, натопорщивать несогласием, но это всё его, найденное через обнажение душевное, когда заскорузлое, привычное отношение к бытию снимается с болью и мучениями, словно змеиный, старый чулок кожи. Всё ради того, чтобы после страданий, с наслаждением, в котором присутствует значительная толика остаточной боли, ощутить новым тончайшим эпителием всю трагичность и новизну «прекрасного и яростного мира».

«Время – я сам», – замечательное утверждение-вывод писателя. «Все должно быть легко и радостно», – еще один великолепный жизнеутверждающий ответ.

Самое, пожалуй, главное в последних романских строчках, когда мать разглядывает кусочки разбитого столового сервиза. Жалость потери и дорогие воспоминания над утраченным; и вдруг она неожиданно, с улыбкой мадонны на лице заключает: «Баско!» Отсюда совсем рядом до знаменитого утверждения великого Достоевского: «Красота

спасет мир». Рядом, но у Соколова, в отличие от классика, опять-таки по-своему. Мозаика из радужных кусочков стеклышек (в нашем случае – эпизодов жизни и размышлений) собрана, книга, вот она, перед нами.

...Самое смешное, что в книжном варианте «Баски» увидели свет в 10 (!) экземплярах. (На столько раздобыл денег автор, который мечтает замахнуться в ближайшее время на издание еще десятка книжечек. Если повезет с деньгами, то замах обещает быть чуть большим). Плюс 700 штук альманаха «Огни Кузбасса» с журнальным вариантом.

А ведь только доступность произведения сделает возможным проверку осторожного тезиса, получившего хождение от некоторых прочитавших роман, о местном колорите жизни реальных друзей Соколова – героев произведения и наших провинциальных будней, и, потому, дескать, мало интересном для стороннего некузбасского читателя. Вообще-то существует общее правило литературного творчества: написанное сердцем и душой для своих, станет нужным и необходимым всем остальным.

Надежда есть всегда

Новокузнецчанин Дмитрий Хоботнев явил читательскому миру свою повесть «Пастораль», напечатанную в журнале «Огни Кузбасса» в №1 за 2010 год.

Можно не согласиться с жанровым определением, посчитав повесть всего лишь большим рассказом, но автору, как говорится, виднее.

Сюжет пересказывается несколькими словами: молодой горожанин, у которого, если быть честным, пока ветер в голове, возмечтал приобрести дачку для отдыха, одиночества и размышлений на природном баюющем ландшафте. Искомое, не без некоторых трудностей, находится, новоиспеченный хозяин с друзьями заезжает в вымечтанное во времена городского безделья. Устраивается новоселье, плавно перетекающее в запой -- всё это с подробностями, самое главное, с юмором описывается писателем. Размышлизмы тоже на месте: какой же русский не облакает банальное пьянство в высокую философскую миссию.

Слово «пастораль» пришло к нам от французов и означает жанр в литературе, живописи, музыке и в театре, поэтизирующий мирную и простую сельскую жизнь. Если углубиться в происхождение этого обозначения, то нетрудно докопаться до поэзии античной, которая изображала жизнь пастухов и называлась буколической. Пасторальная литература копировала буколическое мировоззрение.

А теперь вернемся, как говорят те же французы, к нашим баранам. У Хоботнева, конечно же, нет никаких пастухов и пастушек, но женщина все-таки появляется, хотя, на «пастушку» она ну никак не тянет -- русская баба с изломанной мужиками проклятыми судьбой.

Придуманная идиллия, как следует из названия -- «Пастораль», не получилась. С первого же дня у «дикого» горожанина начинается «мутация мечты». В сухом остатке

остаётся всего лишь «бестолковое и затхлое существование».

Главный герой, от имени которого ведётся повествование, как предположительно задумывалось, впитал в себя очень многое от автора, но это не его альтер эго. Прежде всего, новоявленный «дачник» – плохой человек. Хороший, просто нормальный homo sapiens ни при каких условиях, в минутной прихоти и мыслях о бесцельности существования, не будет жечь, рвать и снова жечь книги, даже если вообще их никогда не покупает, как персонаж Хоботнева. И бить незнакомую женщину не станет, и угрожать ей убийством никогда не будет, ни под каким гипнозом не сможет осуществить подобное. Здесь, думается, тонкая задумка автора на то, чтобы поймать в свои сети исповедальности потенциального читателя.

Поначалу текст сильно озадачивает: герой пьёт горькую, пьёт и лечится от похмелья тем же алкоголем, а здоровье уже приблизилось к опасной черте, но, вот уже треть повести позади, а действия по большому счёту нет. А он упоенно «потребляет» и морализирует, половина написанного прочитано – герой не меняет поведения, две трети – всё то же самое. Ну не считать же большим мыслительным открытием, что все, в конце концов, будут лежать в земле, этих будут топтать новые, у которых та же судьба – повторить вновь данный природой цикл, уйти опять-таки в землю. «Конвейер по производству праха», – вот и весь смысл, к которому приходит персонаж («В этой жизни умереть не ново», – сказал когда-то поэт). А себя-то, любимого, герою, несмотря ни на что, жалко.

И только ближе к окончанию, с появлением женщины в помещении, принадлежащем персонажу на правах собственности, происходит то, что завзятые театралы называют катарсисом. Здесь-то и случается с героем главное, ради чего ваялась «Пастораль» – его суд над самим собой, кото-

рый в самых жестких своих проявлениях остается уже за границами написанного, но он будет, обязательно произойдет, заставит пересмотреть своё пустое существование, вырвет на дорогу обретения смысла жизни. Ради этого, по большому счету написана повесть, ради этого её стоит читать.

Нельзя не отметить авторский стиль произведения с частым использованием «оморной» части лексики, что привносит в текст элемент прозрачности и воздушности. «Читается легко», — говорят о подобной прозе. Это, конечно, плюс, хотя, иногда все-таки чувствуется некоторый перебор с циклопическим количеством острот.

Россия, как известно, страна книгоцентричная, мы буквально с молоком матери всасываем и носим в себе знаменитые сюжетные ходы русской литературы. Например, если в первом действии на стене висит ружье, в третьем — оно обязательно выстрелит. В «Пасторали» ружье стоит за буфетом, коробка патронов в тумбочке — слава Творцу, что обошлось без стрельбы, хотя, потуги, несколько раз сильно возникавшего желания нашего «дачника» нажать на курок и использовать убойность оружия по прямому назначению, просыпались.

А вот и ещё один, в этот раз бессмертный библейский счет: каждый может посмотреть, что сделал Бог в дни творения, что произнес в седьмой день творения, после трудов праведных. Наш персонаж на седьмой день, разрушив всё, что мог и не мог в физическом и духовном плане в предыдущие шесть суток, оказался у разбитого корыта.

И только стихотворение, приводимое в самом конце «Пасторали», сочиненное героем, и есть возрождение человека, надежда на счастье. Кстати, здесь очень точно показано, как поэзия в нескольких строчках может рассказать о пережитом, на что прозаику требуются десятки страниц. Поэзия — и есть, по большому счету, настоящее спасение!

Не случайно автор подбрасывал по ходу дела герою «поправки» в виде стихов и бессмертных имен Бодлера и его великих русских переводчиков.

«Во мне всегда любой диктат рождает сопротивление...»

В кемеровском ИПП «Кузбасс» тиражом в 500 экземпляров к 60-летию со дня рождения трагически ушедшего из жизни в 2002 году Владимира Ширяева вышла громадного размера книга «Расскажу без прикрас...» Этот том держал меня и не отпускал много дольше, чем всё прочее чтение.

Мы были хорошо знакомы с поэтом (его художественной прозы я в те годы не знал, отдельные газетные материалы не в счет). Встречаясь, он никогда не проходил мимо, обязательно бросит хотя бы несколько слов, часто разговор затягивался, почти всегда обсуждали литературные темы.

Помню свое какое-то весеннее ощущение от публикации жительницы одного из поселков, что под Кемерово, Чистяковой в красноярском журнале «День и ночь» и свою публикацию по этому поводу, в которой я отнес написанное ею к канувшему в веках житийному жанру. Наверное, мой печатный отклик был первым, потом пошел целый журналистский поток: произведение нашей землячки выдвинули на Букеровскую премию, затем случилось вхождение в шорт-лист из шести претендентов, что автоматически принесло автору тысячу американских долларов. Но соавтором (и каким!) был Володя: это он обработал-отредактировал незатейливые записи-сырьё так, что они литературно «зазвенели». После совместного обсуждения кузбасского букеровского феномена он подписал мне свою стихотворную книжечку «Времечко желанное», в теплом автографе, в частности, сказано: «...от... товарища по убеждениям».

Побывал я и на его юбилейной встрече в областной библиотеке, когда кемеровский поэт Валентин Махалов

сказал очень хорошие слова «о непохожести» поэта Ширяева на товарищей по цеху. Володя действительно выбивался из поэтического ряда «лица не общим выраженьем». У него есть, как и у любого стихотворца, неудачные строчки: я критиковал поэта в глаза, было это и печатно, за газетное стихотворение, начинавшееся (цитирую по памяти) следующим образом: *«Мы дети общежитий, / Вы с нас уж не взыщите, за наш нелегкий быт...»* Я нападал: «С чего бы ещё и взыскивать за бедность?» Володя, не обижался, слушал внимательно, и, как следует из опубликованного позднее стихотворения в книжке (оно приведено в «Расскажу без прикрас...»), переработал первоначальный вариант. Там в подборке было ещё одно стихотворение, из которого мне запал в память образ, что по утрам «народ орет» в трамваях. Все-таки в основном народ перед работой как-то грозно молчит – так я утверждал. В этом автор не соглашался со мной, наверное, ему запали какие-то утренние словесные разборки на повышенных тонах пассажиров городского транспорта, что и отлилось в поэтические строки.

Ширяев обладал удивительным юмором, который отражался в написанном им. Это многих сбивало с толку, слишком простецкими выглядели его стихи, неказистыми какими-то. Вот, например:

*Помню, в юные года
очень часто я впадал
то в печаль, то в бешенство.
И – хотел повешаться.*

Вот ещё вопрос-утверждение-наблюдение с философией: *«...Мы всего лишь – пузырьки в стакане?!»* Или жуткая картина, это у юмориста-то, в стихотворении «В доме престарелых», которое имело продолжение с неприятностями для Ширяева, о чем он мне рассказывал.

А вот он посмеивается над собой:

*Малоизвестный был поэт,
стал -- знаменитый тыквовед.*

Об этом его увлечении-страсти по выращиванию тыкв написали многие, его широко знали, как огородника, бережно обхаживающего свою тыквенную плантацию, которую он лелеял, ублажал и одновременно думал, писал, любил, никак не мог достроить баню, сверх всего ещё и вышивал.

Его раздумья, высекают неоднозначные образы, как в следующем примере:

*...Зачем же так упорно мы
к земле стремились с неба? --
Мы думали, что зерна мы,
а оказались -- снегом...*

Владимир Ширяев был не простым человеком. Об этом вспоминают в книге «Расскажу без прикрас...» многие из его друзей. И до сих пор чем-то обиженные им вспоминают Ширяева не очень лестно: дескать, присочинил о друзьях-товарищах... Я склонен думать, что действительность легко трансформировалась в сознании писателя, автоматически преобразовывалась, чтобы явиться более художественной, чем в реальной жизни. Вот и эпизоды о попытке перекрытия Транссиба в целях поддержки Верховного Совета РФ, которое якобы предотвратили войска МВД (так он пишет), это аберрация памяти (перекрытие состоялось совсем в другое время). Я, конечно, мог чего-то не знать, но вообще-то находился в те дни в гуще событий, так как служил пресс-секретарем Кемеровского предоблсовета. Он фантазирует в прозе и поэзии, чуть смещая акценты произошедшего в реальности, а когда касается политики, придумки буквально бьют ключом. Хотя могли и таким причудливым образом восприниматься события со стороны. И ещё: эти веселые выдумки говорят, насколько же мы отра-

вились все политикой в последние годы, эта гидра многоголовая загипнотизировала многих и многих.

Несмотря на увлекающийся ум, рискну заявить, что Ширяев по большому счету был человеком философическим.

Проза, которую я читал впервые в таком большом объеме, какой она явлена в «Расскажу без прикрас», достойна самых высоких похвал. Как и суровой критики по отдельным поводам. У него идиллическая картина может быстро перелицеваться в трагическую, чтобы затем перейти в ироническую, и так по многу раз переливается разными цветами бытие под ширяевским пытливым взором.

В юношеской повести «Праздник большой-большой...» главный герой Слава Букреев (альтер эго автора), от имени которого ведется повествование, сильно напоминает персонажа из «Приключений Кроша» Рыбакова. Но и оригинальности хоть отбавляй. Ведь вот по-настоящему добрый паренек ищет бессмертия для людей – утопия, конечно, но как сочувствуешь, читая.

Примеров, когда прозаические строки ярко показывают, что поэт всегда поэт, даже в прозе, у Ширяева предостаточно. Вот только один: *«Лето разгоралось. По вечерам стаи белых рубах с засученными рукавами плыли к городскому парку...»* – разве не интересный образ, будящий ностальгию по прошлому.

Автор часто и охотно анализирует денежные проблемы, ранние заработки мальчишки. Цену труду Володя знал неплохо, он активно искал заработки и прибыль всегда считал.

Несмотря ни на что, Владимир Ширяев был светлым человеком. Хотя и неудобным, когда дело доходило до отстаивания принципов. А ещё он почему-то не любил начальников, обвинял их в самых страшных преступлениях.

Как и положено писателю в России задавался главными вопросами бытия. О смерти, конечно, размышлял. В ми-

ниатюре «Бой быков» почти точно описал свою собственную смерть, когда случайно вонзил в ногу недалеко от паха отцовский кинжал. Это как предупреждение от судьбы. А в «Смертельной забаве» рассказывает о самоудушении, с блаженством и эйфорией, потерей сознания. *«Всё соизмеряется смертью. Она — мера жизни»*, — записал Ширяев незадолго до ухода из жизни. Кстати, его переход в инобытие был таким, каким, по-моему, ни один российский поэт не отметился. А ведь Володя обсуждал уход из жизни поэта Рубцова, загадочный и неожиданный, записав: *«Приношу людям несчастье...»* Кого он имел в виду?

Его окончание жизненного пути, безусловно, трагедия. Но, помните, как один из известных киногероев говорил, что и «там» дрыгнет ногой». Может, Ширяев, нечто подобное придумал, когда он записывал спорные мысли о самоубийстве и депрессии...

Вдова поэта сделала замечательное дело: собрала публикации, дневниковые записи, воспоминания о муже, критику и нашла возможность, а самое главное — финансирование для издания книги «Расскажу без прикрас...» — самого настоящего литературного памятника Владимиру Ширяеву.

Он писал, обращаясь напрямую к читателю:

Так хочу обрести я в читателе друга!

Умоляю, прочти!

Без тебя я погибну!

У поэта есть четверостишие, в котором он развивает мысль одного из предвоенных поэтов. Первые две строки использованы в заголовке. А вот окончание:

Я с детства не любил диктант,

А только — сочинение!

Мир должен быть прекрасным

Дебютная книга кемеровчанки Татьяны Юдиной «Мир прекрасен потому, что на свете есть ты...» издана в Новосибирске тиражом тысяча экземпляров.

Написанное можно определить как «женскую прозу». Хотя бы потому, что как черное и белое раскрыта судьба двух главных героинь-подруг, сначала студенток, потом учительниц, женщин-антиподов по моральным установкам. Откуда червоточинка у одной и нимб вокруг головы у другой, то не важно для подобной прозы.

Помните бессмертное: «Её зовут Татьяна». Юдинская Татьяна – романтик с твердыми моральными принципами. Светлана же, наоборот, – гибкая, как трава, под ветром жизненных перемен, легко приспосабливающаяся, плывущая по течению, куда вынесет, ко всему ещё и мужчин меняет как перчатки.

Автор со знанием дела рассказывает о начале школьной работы подруг – сама учитель по профессии. Писательница использует в прорисовке двух жизненных линий не только крупные мазки, но и мельчайшими подробностями не гнушается, когда требуется для сюжета, завязывает узелочки будущих конфликтов, испытаний, радостей и печалей.

Как и положено, к подругам приходит любовь. Чувство Татьяны высокое, трепетное, она счастлива до краев. Счастливые не только часов не наблюдают, но и, как известно, идеализируют своих избранников, не видят самого очевидного – мелкого чувства, не готового на жертвы ради любимого человека. Татьянин муж Сергей – из ходяков. В народе не зря говорят: «Горбатого могила исправит». Сергей неисправим, он изменяет жене с утомительной регулярностью, не чувствуя в том никакой собственной вины; для него это «как из стакана напиток», первобытный муж-

ской зов в поисках самки – чуть ли не главное в существовании.

Но и подруга хороша. Нагуляла ребенка с нужным, как она считала человеком, а потом, походя, наставила лучшей подруге рога с её мужем, всего лишь приехав к ней в гости.

Ясное дело, в женской прозе просто обязаны взрываться страсти-мордасти. Они и взрываются перманентно, держа читательниц в плену: а те и рады-довольны (сам тому свидетель) признаться в том, что оторваться не могли от текста, пока не «проглотили» роман дебютантки, до глубокой ночи не спали. К слову сказать, для успеха у этой читательской группы есть все необходимое на ста сорока страницах книжки – что также несомненное достоинство, – не растягивается, как резина, читательское время. К тому же юдинская проза легко и гладко написана, авторские усилия по борьбе со словом настолько глубоко упрятаны, что сочиненное так и просится на определение «за один присест».

А ещё на радость женскому любопытству в романе явлены два мужчины, тоже два антипода по личным моральным установкам. Первый Татьянин муж Сергей – ужасный предатель, не считающийся с бескорыстной женской любовью, опускающийся на дно морали и безразличия ко всем, кроме себя, эгоист до последней жилки. Ко всему, он ещё и несчастный, которому родная мать преподнесла «подарочек» с помощью нанятой гадалки: отворожила от жены и приговорила к отсутствию детей, после первого рожденного в браке сына. Именно таким извращенным образом реализовала слепую материнскую любовь к родному чаду и ненависть к его избраннице-разлучнице. Самое удивительное, что писательница, судя по написанному, сама в реальность такого сюжетного хода по-настоящему верит, как и её героиня. Впрочем, как представляется, в смутные времена, какие мы ещё не пережили до конца,

даже сильный пол ударяется в эзотерику, чего уж говорить о прекрасной половине человечества – автор романа отлично понимает, что большинство её читательниц именно так и воспримут результаты колдовства злой свекрови: «Сглазила!».

Второй мужчина нашей Тани – Иван-царевич из русских сказок. Правда, он из Таджикистана и звать его Рауф, ко всему, он ещё и старшекласник, влюбившийся по уши, до глубины души в педагога. Несмотря на то, что его отец приспособленец, а потом и преступник-наркоторговец, сын – чист помыслами и поступками, тверд, как благородный рыцарь, верен избраннице, словно чистый алмаз.

Юдина удивительно точно выстраивает и оркеструет тон своего писания (критик пытается ему соответствовать), женщины (не все, но многие) любят пустить слезу, когда печалются, и улыбнуться, восхищаясь и радуясь чужому счастью. «Есть, есть в жизни настоящая большая любовь, никуда не делась», – так, наверное, думает истинная читательница, утонувшая на время в чужих страстях.

Ну а то, что после предательства Сергея Татьяна не потерялась в жизненной круговерти, несмотря на пережитую депрессию, так хорошему человеку не может не повезти, – автор в этом уверен и заражает своих сопереживающих союзниц. Если это такая авторская задумка – уже неплохо, если авторская рефлексия, совпадающая с тем, что затрагивает миллионы женщин – замечательно.

Однако перед будущим потоком личного счастья героине предстоит почти десяток лет выживать с двумя сыновьями в жутковатые и нищеватые перестроечные годы – второй ребенок родился от юного Рауфа, ставшего, словно в награду за лишения, любимым женщиной, – такое напряженное ожидание и тяжелые испытание диктуются ещё древними сюжетными канонами подобной литературы. За-

то, какой восторг после потери, длительных поисков друг друга, и, наконец, обретения, как награды от Всевышнего.

А ведь ещё и трусость мужская в понимании истинной женщины явлена емко и презрительно – такой вот чувственный захлест. Сергей труслив не только в любви, его трусость глобальная, а трусоватость в любовном чувстве и предательство – это уже следствия жизненных установок слабого человека. Как итог, «картина маслом»: возвращение блудного папы в семью – это совсем не так как на известной картине Рембрандта о сыне блудодее. У Юдиной все внешне происходит так, как в библейском сюжете, с прощением, но безразличным, холодным, может быть, и ледяным отношением. Благородная женщина не позволяет бесчестному мужчине склеить семейную лодку, хотя, разрешает встречи с взрослым сыном и даже внука даёт помянуть.

Обобщая сказанное, сделаем главный вывод. Перед нами настоящий женский роман, требования к которому, наряду с тем, что это все-таки литература, несколько иные, более мягкие, чем к другим литжанрам. На этом поле кемеровский начинающий прозаик Татьяна Юдина довольно уверенно заявила свои права на будущий литературный успех. Скажем честно, в психологической глубине разработки героев ей, на мой взгляд, удастся превзойти многих из известных авторов женской прозы.

Но и недостатков в романе предостаточно. То, что присутствует конспективность, зияния по ходу действия, – это слишком на авторский произвол: автор лучше знает, что сказать и как. Впрочем, иногда ловлю себя на том, что некоторые поступки персонажей смахивают по мотивам на кукольные, иногда же их дела вовсе нереальны. Вот, к примеру, Татьяна говорит своему бывшему, явившемуся неожиданно, что помочь ему с жильем – не проблема. Это в Москве-то не проблема? Для совсем небогатой семьи?..

Как ни удивительно, читая Юдину, размышлял о судьбе литературы в самой ближайшей перспективе. Вот выпустила она книжку, и неплохую, и обещающую, но состоится лишь при условии, если будет много и напряженно работать над собой. А один из молодых писателей недавно заявил: в XXI веке роман (вообще литература в привычном значении слова) «пока ещё жив, но могила уже вырыта, кладбищенская ограда близка, ближе, чем нам хотелось бы...»

Не хочу такой перспективы. Остро желаю, чтобы реализовалось иное, как сказано у Татьяны Юдиной: «...Мир от красивых слов действительно становится прекрасен».

О времени жестоком

Поначалу герой повести кемеровского прозаика Александра Ярошука «Дневник с того света» из одноименного сборника, выпущенного в Кемерове в издательстве «Кузбассвузиздат», напоминал мятущегося героя из гетевских «Страданий молодого Вертера». Но чем более погружаешься в глубины повествования, тем меньше находится точек соприкосновения с романтичным влюбленным персонажем немецкого литературного классика.

Итак, Петр Скворцов, ученик 10 класса 1940 предвоенного года из поселка Спасска, что в Горной Шории. В основу сюжета положен реальный случай, о чем поведал автор в предисловии. Герой пишет дневник (точнее, отталкиваясь от реальных, найденных скворцовских писем, страничек дневника, стихов, пишет наш автор), бумаге поверяется всё, что можно и чего было нельзя в те времена доверять никому ни в коем случае. Ибо лагеря заполнялись «врагами народа» под завязку, смертные приговоры «бешеным собакам» объявлялись с завидной регулярностью: трудно представить, что десятиклассник не понимал опасности письменной фиксации крамольных мыслей.

Скворцов – ярко выраженный гуманитарий, со школьной скамьи мечтающий о творческой профессии. У него достаточно просто получается руководить драматическим кружком в местном клубе. Он строчит в газету, правда пока не очень получается с публикациями, но, лиха беда начало. Пописывает стишата, по крайней мере, при известной доле усидчивости поэт из него прорасти сможет. Скворцов легко увлекается всем, что смущает его душу, а смутить в этом возрасте, когда многими поступками руководит проснувшаяся сексуальность, может что угодно: интересная книга, статья в газете, конечно же, девушки. Наш герой – ртуть, непостоянство в чувствах и желаниях есть

его естество. Сегодня он, после талантливо сыгранного заезжей группой спектакля, мечтает о славе актера, завтра, начитавшись Лермонтова, он – поэт, а то и в музыканты готов путь настроить, наслушавшись музыки. И, необходимо признать, для подобного будущего существуют основания, парень, безусловно, талантлив.

Однако отдельные стороны его формирующегося характера настораживают. Дневник ведет 17-летний поселковый паренек (отец его уже просветил насчет дворянских предков), а ощущение, что написано разными людьми. Одна дневниковая часть зафиксирована молодым человеком, романтиком, влюбляющимся, как чаще всего и происходит, напропалую – это такая романтическая гипервлюбчивость. Другая часть написана каким-то пожившим резонёром, скептиком и эгоцентриком, по-стариковски брюзжащим и давно и прочно разочарованным в жизни. Вторая (стариковская) ипостась главного героя реально получилась весомее и объемнее, потому такой герой раздражает. Ближе к окончанию повести, прошедшему через пытки в НКВД Скворцову, вероятно, надо сочувствовать, но, как же сложно, а то и невозможно, это делать. Он врет друзьям, может любого «подставить» и оскорбить, издевается над одноклассниками, а ещё играет в карты на деньги, балуется безмерно выпивкой, дерзит и срамит старших, да ещё и трусит или может, наоборот, безрассудно публично выступить, назвав Гитлера «гениальным политиком». Это, когда уже война идет, фашисты быстро продвигаются к Москве. Этаким гомункулус, из которого должен со временем вылупиться представитель интеллигенции, к которой обязательно определение – «гнилая». Как такого любить? Как такому прощать?

По большому счету у этого умного не по годам парня (может дворянское происхождение причиной?) удивительная наивность в реальной жизни. Вот он получает вскры-

тое письмо от друга, в котором тот пишет о борьбе, поисках партии, в которую они хотят вступить для борьбы с порядками в государстве, он «пожертвует собой для достижения наших целей, нашего счастливого будущего. Мы или достигнем власти, или, по крайней мере, будем расстреляны», — так написано в послании. Вы верите в подобные письма? Да еще и в продолжение подобной переписки после «распечатанного» конверта? И что, ни одна «фибра» не шевельнулась? Наоборот, самозабвенно продолжал «катать» в дневнике день за днем будущие энкаведешные улики. Не верю? Я доподлинно знаю, как жгли все документы, письма, присланные по почте открытки, всё, что могло бросить хоть какую-то тень на родственников арестованного, оставшихся на свободе. Фамилии изменяли! А здесь: отца арестовали как врага народа, сын строчит в дневник: «Мы у Николаева читали в «Майн кампф» откровения Гитлера». В далеком Спасске библия национал-социализма? Не верю. Или манифест Рютинга они ищут, чтобы обсудить. Окститесь, на десять рядов уже всех сгноили и расстреляли, кто знал об этом антисталинском манифесте. Только дурак (а Скворцов далеко не дурак) мог после собственного ареста и чудесного возвращения продолжать заполнять страницы подобного дневника. Или сознательный смертник, жертвенник? Но, тогда зачем подставлять знакомых, приятелей, друзей?

В конце концов, «ружье выстрелило», то есть дневник, изъятый при более тщательном обыске, сыграл свою роль разрушительной силы, изломав судьбы многих, явившись причиной многочисленных арестов. Уже идет война, но всех находят, свозят в Новосибирск в кровавые руки упыря, убившего больше людей, чем десяток фашистов. Остается единственный выход — только штрафбат может избавиться от расстрела или лагеря. А на фронте таким штрафникам была уготована мотыльковая жизнь.

...Страшная судьба. Многие хотели бы оставить такое прошлое без обсуждения и осуждения. Но если не отталкивать, разоблачая, прошлое может вернуться. Потому с главной идеей повести соглашаюсь. Не согласен с таким «разорванным» героем, каким он получился под пером автора, с отдельными огрехами, которые необходимо было исправить при подготовке книги. Ну вот, например, персонажи часто называют Спасск городом. Если это рабочий поселок («полторы тысячи жителей», – объясняет следователю НКВД Скворцов), то городом подобные населенные пункты никак именоваться не могли. А вот племянник главного героя в июле в Бийске учится в школе. Может, он остался «на осень»? Но такого уточнения нет. Или книги, которые из погреба Спасска чудесным образом оказываются выброшенными в мусор по причине превращения в застывший монолит от сырости, но уже в поселке Крутой – это в черте Кемерово. Если подобное и имело место, а не является авторским вымыслом, то как-то надо объясняться. И таких «блох» в тексте встречается достаточно много.

...А рассказы в сборнике оставляют светлое впечатление.

Созвучие России

Созвучие вечных отважных странников

С некоторым опозданием пришла в руки замечательная книга, выпущенная иркутским издателем Сапроновым совместно с Московским театром Новая Опера, в авторах которой означены два корифея русской культуры: прозаик Виктор Астафьев и дирижер Евгений Колобов. На переплете и корешке изящного томика заглавие – «Созвучие». На форзацах строки нотной партитуры, записанные рукой выдающегося музыканта и художественного лидера Новой Оперы, вразбивку со строчками, оставленными рукой русского писателя-сибиряка. К внутренней стороне задней крышки переплета прикреплен конверт, в который вложен музыкальный диск с великими музыкальными произведениями, о большинстве из которых напрямую (иногда вскользь) сказано у Астафьева.

Евгений Владимирович Колобов вымечтал эту книгу, в которой «священные связи слова и музыки должны были явиться воочию». Собрать воедино всё, что написано о музыке глубоко любимым и почитаемым им кудесником русского слова Виктором Астафьевым, – таков замысел, которому суждено было воплотиться после ухода из жизни и Астафьева и, словно сговорившегося с ним, ненадолго его пережившего дирижера Колобова. Однако искра, рожденная соприкосновением сердец двух гениев современной русской культуры, их гармоническим созвучием, не погасла: родилась книга. Хвала и честь тем, кто завершал этот труд после ухода авторов в мир иной.

Евгений Колобов – автор предуведомления к собранному «музыкальному» из Астафьева (здесь отпечатались размышления о сути и природе искусства из интервью дирижера, высказываний, размышлений). А какое прекрасное заглавие: «Встать рано, помолиться и работать». Как чисты и глубоки мысли великого музыканта! *«Искусство – это*

красота и любовь...», – заявляет он. И развивает тему: «...Чистота, добро, любовь, правда – это ведь в любой ситуации ценности неотъемлемые и неотделимые от красоты – как же может обойтись без них искусство?» И здесь же о добре: «...о какой Красоте может идти речь, если она не ведет к Добру?»

А вот его оценки творчества Виктора Астафьева. *«Божественное слово!» «...он в своей прозе – великий Музыкант». «Такие люди, как он, и есть Родина». «Литература его – пророческая». «Мученик добродетели». «В его книгах есть такие особые «темные» и «страшные» места, но от них идет ослепительный свет». И это лишь малая толика сказанного великим дирижером.*

А вот уже великий писатель говорит о музыке, которую он считал самым важным (первичным) среди всех видов искусства: *«Музыка не лжет, не обманывает». Вот в его рассказе мальчик слушает музыку на киносеансе: «И зло исчезло из мира, и горя нет, и смотрит на него мир усталыми, всё понимающими глазами умного и сердечного человека. Своей музыкой он ослепил в людях зло, неуживчивость, зависть, тьму душевную, а высветил то, ради чего их рождали и растили матери с отцами, – самое доброе, самое лучшее, что есть или было в каждом человеке!»*

И ещё из Астафьева: *«Для того певец и рождается, чтоб одарить людей светом, чтоб разделить богатство свое, свой восторг с ними, ну и поубавить в мире печали, боли и горя. И еще певец является для того, чтоб страдая вместе с нами и за нас, сделать людей добрей и лучше. И пусть боль певца не будет никому «видна», но да будет она вечно слышна». И ещё: «Музыка возвращает человеку всё лучшее, что есть в нем и пребудет на земле. Я думаю, что музыку человек, может быть, услышал раньше, чем научился говорить. ...Вначале был шум ветра, шелест травы и звон опадающей листвы. И только переняв у при-*

роды звук, человек сложил из него слово. Музыка и природа – это самое верное, святое и неизменное, что осталось с человеком и не дает ему окончательно одичать».

Общаясь с этой необычной книгой, можно не только читать чарующую прозу, но и слушать с диска божественную музыку. «Стынет кровь, леденит душу и вновь бросает её в жар» – это слабые штампы к обозначению того, что вы услышите из настоящего высокого музыкального искусства: здесь и «Реквием» Верди, и «Ария Каварадосси» Пуччини, и Свиридов, и «Вокализ» Рахманинова, и иное замечательное. Музыкальная часть уникальной книги подобрана так, что она, эта часть, во многом идет в параллель с рассказываемым об этих же произведениях титанов музыки писателем из Сибири. Эффект получается взрывчатый, одно от другого буквально искрит. А как своеобразно и сильно названы три части прозы Астафьева: CON ANIMA (душевно, с чувством), ARMONIOSO (гармонично), GENEROSO (благородно, великолепно).

...Мне привелось «живьём» послушать концерт из лучших произведений, исполняемых Новой Оперой на её столичной сцене. Дирижировал Евгений Колобов. Волшебство, мурашки по телу, замирание сердца, – как не скажи, всё будет слабым отражением услышанного и прочувствованного. Я помню словно благодать, проливающуюся вместе со звуками из оркестра, управляемого человеком с дирижерской палочкой. Так же как Марсель Пруст мучительно и одновременно радостно вспоминал вкус, так я вспоминаю то пережитое чувство, бужу в памяти облик исполнителей в белых одеждах, будто неземных ангелов, поющих на итальянском непонятном языке (но всё понятно без перевода) отрывок из оперы «Паяцы» без инструментального сопровождения. Что это было? Потрясение?! Радость и ликование жизни, и горе по близким, ушедшим из жизни?! Рождение и гибель?! Прорыв в гармонию?! Всё

сразу обрушилось на грешного человека, ибо царствовала музыка, уносящая в потусторонние миры. Музыка божественных сфер! Сладкая музыка! Страшная музыка!..

Благодарю создателей и авторов книги за непередаваемое, разбуженное в памяти их гениальным искусством. «Созвучие» вечных отважных странников, их великая гармония – настоящее чудо, воплощенное в книге.

Два классика в жизни и литературе

Ещё при жизни Виктор Астафьев стал классиком русской литературы. Как у всех великих писателей, ныне, после его ухода из жизни, началось активное издание всех сопутствующих его литературному творчеству текстов. Естественно, печатают всю доступную переписку. Пальму первенства в деле введения в литературный контекст эпистолярного наследия сибирского таланта держит иркутский издатель Сапронов. В 2002 году в Иркутске увидела свет переписка Виктора Астафьева с известным современным критиком Валентином Курбатовым. На исходе 2005 года там же вышли письма писателя и московского авторитетного критика шестидесятых годов Александра Макарова. Приведем выходные данные этой книги: Виктор Астафьев, Александр Макаров. *Твердь и посох: переписка 1962-1967 гг.* – Иркутск: Издатель Сапронов, 2005. – Тираж 3 000.

Запоминающимся и не ординарным сделал оформление книжного томика художник Сергей Элоян. Антрацитовые с вертикальными блестками-прожилками крышки переплета с буквами серебром по черни и выдавленным прессом рельефным изображением земной тверди, над которой нависают полукругом звезды космоса. Между ними, соединяющим звеном – трость-посох как знак духовной власти. Твердь планеты – это, конечно, олицетворение жизни, опора творчества. Звездное космическое пространство сверху – символ писательского творческого духа. А посох – ещё и, наверное, символ литкритики, помогающей воспаряющему разуму сочинителя. На форзацах те же две противостоящие и оплодотворяющие друг друга стихии, но без посоха. А на титульном развороте замечательная символика – из земной тверди прорастает свежими листочками та же трость – образ торжествующей жизни.

Между прочим, Виктор Астафьев, как никакой иной писатель, отдал дань памяти своему другу, критику Божьей милостью Александру Макарову, написав увесистый труд «Зрячий посох». Целый том, в котором критик и писатель взаимно дополняли творчество друг друга, влияли, учили, спорили – трудно сказать, кто из них получил больше от их плодотворного сотрудничества. Этот непривычный роман – и по форме, и по содержанию – создавался в течение нескольких лет после смерти Макарова, а уж издавался с такими препонами! Лишь частично объясняются эти препятствия в переписке писателя с семьей Макарова, опубликованной также в «Тверди и посохе». Только при перестройке Астафьев смог выпустить в свет свою книгу как дань памяти и благодарности настоящему другу, Человеку, литературному педагогу, большому критику.

...Как всё начиналось? Выпускник Высших литературных курсов Астафьев посылает одному из преподавателей, которого он, конечно, «читал» и «почитает», свою книжку с неизменным автографом и письмом. Тысячи подобных поступков происходят постоянно без продолжения. Провидению было угодно, чтобы, пусть с временным замедлением, протянутая рука сочинителя не повисла в воздухе. Ниточка могла порваться в любой момент, однако много месяцев спустя адресат ответил. Завязалась переписка: поначалу достаточно редкие письма с прощупыванием позиций, затем всё более откровенный обмен мнениями, взаимная учеба друг у друга и, наконец, вызревшая настоящая дружба.

Астафьев получил ценные в творческом отношении советы, не менее ценную поддержку и, конечно, уроки мастерства. За что по гроб жизни был благодарен. Но ведь и критик учился у писателя. Естественно, письма не предназначались для других глаз, прежде всего, из-за своей откровенности. При этом в переписке поражает интеллигентская сдержанность в выражении чувств и высказывании

творческих замечаний. Уже с первых астафьевских книжек представитель московского литературно-критического цеха Александр Макаров ощутил, с каким писателем-самородком свела его судьба. Вчитайтесь, как бережно он осуществлял огранку таланта. Результат буквально ювелирной работы критика – вызревание классика русской литературы.

Астафьев, после налаживания личных отношений с Макаровым, быстро понял, как ему по-настоящему повезло: в творческом террариуме среди пишущих встретить единомышленника и товарища – это такая редкость. Писатель чрезвычайно дорожил этой дружбой. При этом некоторая грубоватая простоватость в письменных выражениях (из характера и натуры, как известно, не выскочишь), думаю, не была по глазам адресата, наоборот, добавляла письмам своеобразной самобытности. И, конечно, нынешнему читателю будут небезразличны оценки двух собеседников по адресу некоторых обласканных корифеев от литературы, не станем их повторять.

Главный вопрос, в котором и Астафьев, и Макаров едины – оценка разрушительной роли советской цензуры. Помню, у Твардовского проскочило при хрущевской оттепели: «А если ты дурак, иди в цензуру» (цитирую по памяти). Из писем ясно видно, насколько тяжело писателям давалась битва за правду: в этом они были союзниками, несмотря на коммунистическую убежденность критика Макарова. «Неужели при нашей жизни так и не снимут с нас намордник?» – вопрошает писатель критика. «А Вы думаете, у меня хоть одна статья появилась в том виде, в каком я ее написал? – признается в ответе Макаров.

Кому из пишущих не приходилось сталкиваться с кастрацией текстов, со снятием материалов целиком из номера. Друзья-редакторы разясняли по секрету, что не их это рука – ведь даже говорить открыто о цензуре было нельзя. Приснопамятное ЛИТО бдило и не пушало. Так получалось, что правда оказывалась не нужной властью держа-

щим. Результатом – мрачное достижение, когда вся советская классика – подавляющее количество опубликованных романов, повестей, рассказов, стихов, публицистики, – всё выходило изуродованное, объединенное цензурой. И у Астафьева, и у Шолохова, и у всех остальных великих, знаменитых и не очень знаменитых выискивали и вымарывали какую-то не всегда понятную самим «поисковикам» крамолу. Что же тогда считать авторским вариантом публикации? И сколько же это необходимо потратить времени, бумаги, усилий, чтобы восстановить и переиздать изуродованную литературу?..

Главное чувство, объединяющее в эпистолярном наследии двух писателей – их любовь к слову. Но любовь эта требовательная, некоторых официально признанных сочинителей не признающая. Зато, за талантливых наш земляк из Сибири не стеснялся попросить. Так произошло, к примеру, с поэтом из Кемерова Виктором Баяновым. Вот что отписал своему другу Макаров: «...твой кемеровец Баянов, тебе он, помнится, очень нравился. Он и в самом деле прелестный парень, видимо, с очень доброй душой, и стихи настоящие, с деревенской, милой сердцу тональностью и манерой, причем всё это у него не наборная вода...» Вот оно, настоящее дружеское отношение и поддержка растущего таланта.

...Друзья недавно спросили: «Какая из книг за последнее время произвела на меня самое сильное впечатление?» Пожалуй, за полгода среди десятков прочитанных произведений ничего более значимого, пронзительного и жизнеутверждающего, чем «Твердь и посох» Астафьева и Макарова, не попадалось.

Красноярцы сердцем яры

С любовью, но без лести, явлена красноярским писателем Александром Астраханцевым плеяда знаменитых земляков в сборнике очерков под названием «Портреты. Красноярск, XX век», увидевшим свет уже вторым, дополненным изданием в ушедшем году в ИПЦ «Касс» г. Красноярска.

Объемный почти на 500 страниц иллюстрированный репродукциями работ красноярских художников том выпущен на плотной бумаге по грантовой программе «Книжное Красноярье» губернатора соседнего региона.

Писатель-сибиряк, за плечами которого двадцать лет работы строителем, поднялся от мастера до заместителя начальника Красноярского домостроительного комбината, с 1981 года на вольных писательских хлебах, автор десятка художественных книг, собрал, написанные за восемь лет документальные очерки-воспоминания о тех, кого хорошо знал. Впрочем, его героев знали, если не все красноярцы, то очень многие.

Получилась панорама жизни краевого центра 60-90-х годов ушедшего века. Автор в меру сил и таланта рассказал, какими были жители этого замечательного города в те десятилетия. В «Предисловии» Астраханцев заявил: «...Эта книга – мой подарок Красноярску, который люблю, в котором живу более полувека, приехав сюда молодым инженером-строителем, и горжусь тем, что причастен к созданию современного облика его и как строителя тоже».

Книгу эту я увидел в книжном магазине, в городе моей студенческой молодости Красноярске. Полистал, узрив очерк о Кузнецове Иване Маркеловиче – замечательном библиофиле, о котором мне уже приходилось писать, не раздумывая приобрел. А как озаглавлена эта частичка вос-

поминаний: «Король и его подданные» – это же гимн великому книголюбу!

Читал том с этого очерка, затем – о других красноярских книгособирателях. Вернулся к первым страницам, открывающего книгу мемуара, названном без претензий: «О В.П. Астафьеве, человеке и писателе». Большинство очерков, составивших книгу, были опубликованы в журнальной периодике и газетах и, конечно, их прочли близкие герои, родственники, друзья. Об Астафьеве читала его вдова, которой отдельные откровения мемуариста активно не понравились. Кого-то возмущала откровенность рассуждений Астраханцева: после ухода из жизни известных людей начинается их «обронзовение» – сомнительное вычеркивается, как будто его и не было вовсе, значительное, «героическое», украшательское выпячивается. Сколько мы получили исторических искажений из-за подобного мифотворчества, не счесть.

Астраханцев не поддался, может, даже кое-что усилил в книжном варианте, – в результате представил на обозрение портреты, более человечные, активно работающие на отвоевывание места в истории для его героев.

Автору «Портретов...» хорошо помогает цитируемый психолог и философ Карл Юнг, который когда-то объяснял: «Его (творца – В.П.) творческое начало пожирает большую часть его энергии, если он действительно художник, а для прочего остается слишком мало, чтобы из этого остатка могла развиваться в придачу ещё какая-нибудь ценность. Художник оказывается настолько обескровленным ради творческого начала, что может как-то жить лишь на примитивном или вообще сниженном уровне. Это обычно проявляется как ребячество и безумность или бесцеремонный наивный эгоизм («автоэротизм»), как тщеславие и прочие пороки».

Астафьев – бесспорно велик как писатель. В его творчестве, по словам Астраханцева, «неисчерпаемый кладезь

поэзии». «Его язык – естественен, как дыхание». «...Теперь, после Астафьева, те же Пришвин и Паустовский кажутся пресноватыми и бедноватыми». Он сумел «создать в прозе ряд поэтических шедевров, встал... в ряд самых блестящих, самых известных русских писателей-стилистов XIX-XX веков, не говоря уж о писателях ему современных, которых, кажется, оставил далеко позади».

И у Астафьева же неожиданные, «взадир» заявления о русском народе и его истории, апокалипсический взгляд на настоящее и будущее, неверие в достойный для общества выход из испытаний времени, о чем мне тоже приходилось писать ещё при жизни Астафьева. У него, ко всему, шаткая идеологическая основа для писательских мифов и фантазий.

И все-таки в результате получился полнокровный словесный портрет, сделанный не только с уважением, но и с восхищением, и без замалчивания того, о чем другие не осмеливаются говорить.

Вслед астафьевскому – очерк о сибирском самородке Андрее Поздееве, картины которого можно было не так давно увидеть в галерее одного из кемеровских братьев по творческому ремеслу красноярского художника, позднее изъятые не без элемента скандала его родственниками. Творчество Поздеева – это чудо, расцветшее вдали от революционных столичных художественных центров, в сибирском городе и, что не менее фантастично, сумевшее пробиться в первые ряды признания в стране и в мире. Хорошо помню выставку сибирских художников в новооткрытом Художественном центре Красноярска в мои студенческие годы и потрясение от одной из поздеевских работ: картина притягивала невероятной энергетикой колорита и какой-то силой изображения. Позже видел посмертную поздеевскую экспозицию в Омском художественном

музее – космические эксперименты на плоскости холста, как постижение потустороннего в живописи.

Астраханцев дружил с Поздеевым, художник писал его портрет – писатель подробно рассказывает о настоящих муках творца, о его работе «кровью». Замечательный очерк о мастере живописи, который утверждал: «Все время прорываться – вот задача».

Ученого Геннадия Федоровича Игнатьева я знал лично. И даже дома у него, несколько наивному студенту, удалось побывать. Но я не ведал дальнейшей судьбы Игнатьева, о которой повествует Астраханцев. А как заиграл красками этот образ, когда прочитал игнатьевские «Беренжакские очерки», данные в приложениях. Это же чудо проникновения в глубину человеческих судеб и психологии эпохи всеобщего упадка нравственности. А то, что Игнатьев не верил в существование электронов, протонов, атомов, как объектов микромира из школярской физики, не чудо ли в устах физика? Да и на устройство общества он смотрел совсем не по-марксистски.

Вижу в книге очерк «Зорий Яхнин» и сразу вспоминаю, что самый первый купленный мной в юности в сельском магазинчике сборник стихов принадлежал перу именно этого поэта. А потом, увидев книжечку у меня, одна из поселковых женщин сказала: «А он работал в нашем поселковом роддоме». Думаю, она ошибалась. Но зачем-то эти слова зацепились за память, чтобы всплыть во время чтения воспоминаний об этом поэте второго ряда (ну и что? Для меня он один из первых настоящих мастеров поэтического творчества).

Об Олеге Шенине – бывшем первом секретаре крайкома партии, читал разное до Астраханцева, сочувствовал, когда он попал в каталажку за участие в ГКЧП. Какие колоритные штрихи, темные и светлые добавляет писатель-сибиряк к его портрету. Журина Нина Михайловна – мать

моего школьного учителя, всю жизнь отработавшая в Красноярске, с которой я поддерживал отношения до самой её смерти, любила порассуждать о красноярской «руководящей головке», среди которой вращался Шенин и которую она воочию наблюдала, так как работала в важном учреждении. Читаю о нем в книге, а вспоминаю слова незабвенной Нины Михайловны – вечная ей память. Может, такая переключка времен и людей и есть главное в писательском творчестве – заставить читателей вспоминать, переживать, как и что было, соглашаться или спорить, извлекать правильные уроки?..

Последний очерк о Николае Клепачёве буквально убил нецензурным обращением героя к Лебедю... Губернатору, генералу, с которым мне пришлось во время работы в главной областной газете делать интервью, сказать прилюдно такое?!. Однако, хамская власть заслуживает хамского к себе обращения, многие, кому рассказываю о прочитанном, хохочут. Но ведь каков Лебедь: в период гласности, когда, казалось, все беспрепятственно убегало в СМИ, ничего не вышло за тесный круг очевидцев словесного противостояния генерала и первоклассного специалиста по строительному делу.

...У нас в Кузбассе, тоже издаются книги об угольных и прочих генералах. Но вот такой теплой, как у красноярца Астраханцева, не знаю ни одной. Жаль, тираж у совсем неплохо изданного тома мал – всего-то 200 экземпляров. А ведь автор ещё вспомнил в отдельных очерках и художника Владимира Капелько, и писателя, сидельца ГУЛАГа Николая Мамина, материалы которого мне привелось посмотреть в Литературном музее Красноярска, и художника Владимира Головина, и Эдуарда Русакова – Божьей милостью прозаика, и иных талантливых красноярцев. Дополнительным бонусом идет тетрадка репродукций с работ красноярских художников, среди которых и герои книги –

изображены некоторые из тех, о ком написал Александр Астраханцев.

Заканчиваю, цитатой из молодого современного критика: «В культуре умирает всё, что не вызывало сердечного отклика, что не вошло в жизнь, как её прочная повседневная часть».

«Портреты...» Астраханцева отвоёвывают частичку от обреченного на уход в небытие, даруя ему бессмертие.

Дороги, выбирающие нас

Русские дороги в силу своего перманентно отвратительного состояния – хорошие пути следования, скорее, исключение – оставили пропаханный след в национальном самосознании.

Один из лучших специалистов по истории средневековой Руси, автор многих книг Николай Борисов, прилично поколесивший по России, написал книгу «Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья» (издательство «Молодая гвардия»). Автор исследует вышеозначенную тему, которая нашла отражение даже в устном народном творчестве: сказках, легендах, песнях, поговорах и поговорках. А так как бездорожье, как хорошо известно, одна из двух главных бед нашей страны (вторая – дураки), – воспринимается она сильно болезненно.

Но мы нация непоседливая, снующая по безоглядным просторам двух континентов, и даже в Америке успели за столбить немаленький кусочек земли, позже отданной за бесценок растущим в экспансии США. Как совмещается страсть к путешествиям и отсутствие нормальных дорог – загадка.

Автор старается её разгадать, поделив повествование на две части: первая – рассказ о путешественниках и путешествиях по России XIX века, вторая часть – путешествие из Москвы в Ростов Великий уже в наше время.

Для достоверности историк берет в собеседники наиболее знаменитых путешественников по России, оставивших записи, среди которых и иностранцы, изложивших письменно свои впечатления от наших необъятных просторов; всего же в списке использованной литературы у Борисова 221 произведение, на которые он постоянно ссылается и, куски которых, иногда объемом до нескольких страниц, цитирует.

Сознательно и с чувством русский путешественник начал путешествовать с легкой руки Карамзина. Вообще-то

«Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева было много раньше, но кто тогда знал эту книгу? Карамзинские же «Письма русского путешественника» воспламенили многих – оказалось, можно ездить, любоваться, повышать в крови адреналин, да и ещё оставить потомкам свои приключения для чтения.

Взрыв интереса к путешествиям по России пришелся на вторую четверть XIX века – страна была огромной, прекрасной и таинственной. Многие из путешественников на собственном примере демонстрировали парадокс русской жизни – страсть к быстрой езде и плохие дороги.

Как и водится в нашей стране с хитромудрым и себе на уме населением, доблестные крестьяне рыли на дорогах поперечные овраги и ямы, чтобы за дополнительную денежку показать наиболее удобные объезды. С путеводителями тоже у нас проблема вечная. Впрочем, сейчас по примеру туристических стран, мы тоже начинаем строить легенды для заманивания легковых посетителей из зарубежья. Кузбасс, к примеру, придумал бренд «Йетти». На Алтае начали муссировать тему Кощея Бессмертного. А подробные справочники придут следом за массовым туризмом, никуда нам от этого не деться.

В 70-е годы XVIII века при очередной реформе почтового ведомства зазвенел на российских просторах знаменитый поддужный колокольчик: его необходимость под дугами курьерских и почтовых лошадей была предписана строгими указаниями власти. Звон колокольчика предупреждал – почта едет. Однако этот «спецсигнал» «частникам» категорически воспрещался. Впрочем, сегодняшнее государство со своими службами точно так же вылавливает любителей «мигалок», даже синие ведерки, выставяемые в знак протеста против «мигалочной» чиновничьей привилегии, попадают под тяжелую длань государства – отбирают безжалостно.

Примерно в одно время с колокольчиком появляется знаменитая русская тройка, которой многие пропели восторженную песнь, среди самых вдохновенных певцов — Николай Гоголь, тоже из знаменитых путешественников.

В первой части автор доводит повествование вплоть до начала XX века, попутно, буквально вывалив, уйму самой разнообразной информации. Отметим описания экипажей, в особенностях которых для современного читателя черт ногу сломит, гостиницы того времени с литературными примерами встают как живые, почтовые станции, провинциальные города, верстовые столбы и много-много всего.

Первая часть, хотя и написана построже, без излишних авторских изысков, мудреных эпитетов и метафор, скажу честно, легла на мою читательскую душу легко и с большой пользой. Хотя и вторая часть, прежде всего, для современных путешественников центральной полосы России, придется впору. Она и называется по-современному: «Автомобиль, или возвращение путника».

Рассказчик сам неоднократно проехал по старой Троицкой дороге от Москвы до Ростова Великого, минуя, с остановкой, конечно, Троице-Сергиеву лавру. Чем ещё интересен этот рассказ, так это постоянными отклонениями в сторону, туда, где есть что посмотреть. А в этих местах, где возникло централизованное Московское русское государство, буквально каждая пядь земли может о многом поведать, надо только уметь прислушиваться и вглядываться.

Здесь *хождение* (с большим историческим предведомлением) начинается от железнодорожного вокзала. Попутно отклоняемся на Пятницкое кладбище, порефлексировав на кладбищенскую тему, затем на ВДНХ, сегодняшний ВВЦ, чтобы поозираться по сторонам и словесно припечатать этот рай земной для бедных, мало что видевших в жизни советских людей.

Автор считает, что Сталин в свое время понял, о чем мечтал русский крестьянин – истинный заказчик грандиозного земного рая – коммунизма. Вождь, в рамках воплощения этой концепции, принял на себя роль «земного бога». В подкрепление своих размышлений историк вспоминает слова ещё одного умного современника о ВДНХ, как о самом ярком воплощении советской мифологии, добавляя, что без системы мифов, как совокупности идей и чувств, обеспечивающих единство социальной группы, ее нацеленность на решение мобилизационных задач, не обходится ни одно общество. На мой читательский взгляд сегодня в стране идет острая схватка сил, которые предлагают или готовы предложить стране России новую мифологию. Наверное, какая-то из этих групп, каким-то изощренным способом победит, и тогда мы увидим очередное мифологическое издание «нового» общества.

А мы тем временем путешествуем по старой Троицкой дороге, забредаем по пути, то в село Воздвиженское, где когда-то царевна Софья отправила на казнь князя Хованского с сыном (помните оперу «Хованщина»), то в село Радонеж – в сознании сразу всплывает великий Сергей Радонежский, «золотая легенда России», ради которого, во многом, и написана эта часть книги.

Но для чего же мы погружались вместе с автором в седую старину, всматривались в современность, сравнивая и раздумывая? Историк дает свой ответ: «...Возвращение в Россию» необходимо для *самоидентификации* личности и общества, для ясного понимания того, кто ты, откуда пришел и куда идешь».

Вполне достойный ответ.

Портрет гения

Андрей Платонов, самая полная биография которого, принадлежащая Алексею Варламову и выпущенная в известной серии ЖЗЛ, – невообразимая личность русского гения с пылающим мозгом, выбрасывающим протуберанцы взаимоисключающих мыслей.

Прожив 51 год, писатель оставил огромное литературное наследие, полнота которого станет ясна лишь с изданием академического собрания сочинений. Чудовищная энергия, скопившаяся к революции в России, в искусстве нашла выход в Платонове. Биограф утверждает, что прозаик ближе всего подошел к сердцу русского человека в эпоху смуты.

Хорошо помню, как в бывшей библиотеке ДК им 50-летия Октября, что в областном центре, случайно отыскал платоновский томик в начале 70-х, смутно зная этого писателя по чьим-то мемуарам. И каким сладостным и счастливым было чтение этой глубокой и одновременно красочно-кристальной, не похожей ни на что, читанное ранее, прозы. Потом ещё одна книжка нашлась в том же книгохранилище: тогда-то и ужалила повесть Платонова «Епифанские шлюзы», особенно ужасным финалом.

Платонова травили, били всю его жизнь, но он в неполном, конечно, виде, как это ни удивительно, был всегда. Его не требовалось реабилитировать литературно, «попробовали бы игнорировать солнце», как утверждает биограф. Но пятна ляпали с завидным постоянством, подозрения власть имущих, среди которых значится вождь всех времен и народов, отравляли писательскую жизнь, иногда превращая её в невыносимую тяжесть выживания.

Думаю, что от платоновских рукописей, предоставленных редакторам для издания, у тех переплетались в тугие узлы мозговые извилины, настолько было непривычным

его знаменитое литературное косноязычие. Впрочем, от косноязычных, когда атакующий класс в лице своих лучших представителей ринулся в литературу, просто малограмотных стонали все издатели, платоновский же стиль завораживал и, при вмысливании в сказанное писателем, по-настоящему удивлял философской глубиной. Его язык уникален, загадочен, труднопостижим, заставляет работать, прикладывать усилия, трудиться, «потеть душой». «Странноязычие» – определяет биограф. Читая эту прозу, теряешься, устаёшь, постоянно возвращаешься в густоту писательской мысли, плотность которой неимоверного уровня – тонешь сознанием. Может, из-за этого писатель не стал истинно популярным, народным.

Платонов начинал как поэт (сочинял с 10-12 лет), остался даже изданный сборник его поэтических опытов, но таких стихов было много. К чести автора, быстро понял – поэзия не его занятие, перешел на прозу, сразу со своим необычным и первозданным стилем. Он разделил многие заблуждения своего яростного века, у него хорошая доза просто сумасшедшего в публицистике, да и в художественных произведениях тоже. Например, на полном серьёзе рассуждает в 1922 году о физическом искоренении всех буржуа, вычищая собственное сердце от жалости и милосердия.

Но и женщин Платонов желал искоренить: мешают, дескать, сосредоточиться на революции, – это, между прочим, писал черным по белому писатель, ставший чуть позднее самым эротичным и физиологичным в литературе советского периода. Он не может до конца в 20-е годы понять суть, говоря по-современному, секса, для него главное – отказ от совокуплений в пользу развития мозга и рук, а то, вдруг, любовь – превыше всего. А сам-то родил сына, позднее – дочь, представляю, как пугали эти его размышлизмы, изложенные в письмах, жену. Но и смешили в то же время. Вот, например, его герой «прочтет доклад о бра-

ке, совокуплении и любви. ...Народу привалило тыщи великие. За самое чувствительное место ухватил Мамученко людей – за яичники».

Платонов в литературе один, он сам это осознавал, ответив на вопрос анкеты: «Каким литературным направлением сочувствуете или принадлежите?» – «Никаким, имею своё».

Максимализм делал Платонова заведомым одиночкой. Когда коллеги по ремеслу, выполняя указания «руководящей и направляющей», писали о том, что «жить стало лучше, жить стало веселее», он твердил о катастрофе, предчувствие которой терзало писателя, раздражая и навлекая на себя гнев.

Вокруг имени этого писателя клубятся мифы, под многими из которых нет реальных фактов. Если же рассматривать его жизнь как целое, то это была мука, великое страдание и терпение. «Я живу, можно сказать, плохо. Но это ничего: я привык жить плохо. Жив – и ладно», – отметил Платонов в «Записных книжках» в 41 году. Он, как и его герои, жил среди катастрофы, хаоса, стремился одолеть разорванное в клочья мышление и устроить, если не счастливую, то справедливую жизнь.

Этот философствующий прозаик-хулиган, твердо убежденный в необходимости социализма. Его герои разрушают все идеологические устремления власти, пытаясь докопаться до истины. Потому-то советские чиновники во главе с их главным испугались платоновского «мощного взрыва красной энергии» в произведениях честного мыслителя, левака по мировоззрению.

Платонов – победитель в литературе, о чем сам не узнал никогда. Подумать только, Фадеев, Симонов, Катаев и прочие, имя им легион, – остались в литистории во многом благодаря тому, что имели отношение к Платонову. Но ведь и сами даже мысли такой не допускали.

«...Литература должна заниматься человеком», – высказывание не новое, но автор-то подкрепил глаголемое собственной жизнью и судьбой.

Андрея Платонова начали широко издавать, достали из архивов, в том числе из эфэсбешных, доносы агентов НКВД (кстати, очень ценные источники, в которых часто скрываются симпатии к писателю), отыскивают любой листок бумаги, которого касался карандашом писатель – он предпочитал работать этим инструментом: всё печатают, комментируют, осмысливают, изучают. Восьмитомник издает московское «Время», идет работа над полным академическим собранием сочинений, отдельным изданиям несть числа.

Алексей Варламов всё прочёл и постиг, он обильно цитирует платоновское и о нем, но и свои суждения не скрывает, не прячется за фигуру классика, часто резок, в том числе при обсуждении политических вопросов. Он выдвигает гипотезу о раздвоенности личности Платонова, пишущего взаимоисключающее, доказывает свою мысль ссылаясь на платоновские письма и работы, рассуждая с медицинским уклоном в русле некоторых знаменитостей от медицины. Получается довольно убедительно о платоновском двойничестве и мистицизме.

Ещё один из любопытных варламовских выводов об инстинкте «страсти к литературе» у Платонова, к размышлениям, тёмной воли к творчеству.

Биограф по-настоящему любит своего героя, он ему сочувствует, впрочем, не избегает в цитатах платоновской нецензурной лексики, но все-таки в письмах, хотя и редко, допускает купюры, щадит своего героя-гения.

В месяц выхода биографии Варламов побывал в Кемерове, отвечал, в числе прочего, и на вопросы о Платонове, много рассуждал, четко обосновывал свою позицию.

После прочтения книги «Андрей Платонов» для меня безусловен вывод: в лице Алексея Варламова русская литература, которую ныне только ленивый не костерит, имеет серьезного, вдумчивого писателя.

День первый из Страстной недели

Писатель-полиглот, владеющий пятью языками, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Мировой литературы и культуры МГИМО Юрий Вяземский написал роман «Сладкие весенние баккуроты. Великий понедельник», увидевший свет в московском издательстве «Рипол классик».

Эта книга – первая из задуманного семирманного цикла: каждый том посвящен одному дню Страстной недели, от Великого понедельника до Воскресения Христова.

Колючий и нетерпимый Юрий Симонов (Вяземский – его псевдоним), заявивший однажды в телеэфире возмутительную и подсудную вещь, что, дескать, «атеист – это животное, больной, надо лечить», первым в художественной литературе с христианских позиций подробно описывает в жанре исторической эпопеи Страстную неделю.

Толчком к началу реализации грандиозного замысла послужил знаменитый «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, «анти-евангельская книга», по словам Вяземского. Заглавие первого романа тоже напрямую вышло из булгаковского шедевра. Там Пилат вычитывает в записях Левия Матвея: «Смерти нет... вчера мы ели сладкие весенние баккуроты». Что это за еда такая? Оказывается, смоковница или фиговое дерево может плодоносить ранними белыми маленькими плодами, которые по весне употребляются в пищу. Есть более понятное нам название дерева и плодов – инжир. Булгакову понравились «баккуроты». Вяземскому – тоже. Потому, видимо, их и едят многие герои первого романа из обещанного цикла. К тому же и Иисус, как известно, подходил к смоковнице, не найдя на ней ни единого плода, за что обрек дерево на усыхание, произнеся очередную образную фразу, толкуемую учениками и так и сяк.

Повествование начинается с необычного, много обещающего заката. У Булгакова в «Мастере и Маргарите» – с «ожаркого» московского вечера, на фоне которого рассуждают обреченный Берлиоз и поэт-горемыка Бездомный. У Вяземского – волшебный иерусалимский закат, под ласковым крылом которого ведут диалог в тени громадной смоковницы два ученика Сына Божьего и Человеческого: урод Филипп и писанный красавец Иуда. «Сладкие весенние баккуроты» заканчиваются тоже закатом, потому, если быть точным, действие продолжается одни сутки – 24 часа, за которые много чего происходит и свершается.

Романное действие разделяется на три линии: происходящее увидено учениками Христа, глазами религиозной элиты иудейского народа и в восприятии римской администрации, прежде всего, префекта Рима в Иудее Понтия Пилата.

Произведение включает слоновью дозу многочисленных и многомысленных диалогов: интриги, конфликты, подвижки действия – всё упаковано в искусные и разветвленные разговоры. Писатель демонстрирует чудеса литературного умения, создавая иллюзию огромного количества персонажей. При этом даже среди самого ближнего круга учеников (толпа остальных сопровождающих Иисуса, словно акварелью намечена, но ощущается, тем не менее, буквально физически) не всем дается прямая речь, что ничуть не влияет на романную многоголосицу.

Уже с первых фраз Филипп и Иуда забирают круто к вечным «русским» вопросам. «Именно Красота спасет мир», – возглашает горячий Филипп (у нас цитату принято приклеивать к Федору Достоевскому). А ещё Красота соединится со Светом: сольются в одном теле, в одной душе, в одном духе – Красота, Свет и Благо. Впрочем, до спасения мира Красота вместе со Светом, должны проникнуться Добром и Любовью. «Но Красоты слишком мало, и она

недолговечна», – печалится апостол. Как же она спасать-то будет?..

«Красота мимолетна. Радость обманчива, Уродство и страдания постоянны, Все дела суета и томление духа», – раскручивает спираль рассуждений один из двенадцати будущих столпов христианской церкви. Суета – это уродство, томление духа – страдание. Избавление от страданий означает отказ от своих желаний. Вконец запутывает своими придумками Филипп собеседников и читателей заодно. Себя тоже запутывает.

Все ученики толкуют, спорят, подвергают испытанию истину Учителя, изреченные Им слова. Бесконечное словесное фехтование: укол – защита, выпад – контрвыпад. Как у свидетелей в суде: все всё видели и слышали, но каждый по-своему рассказывает и объясняет. Все религии смешались; зороастризм и буддизм, и иудейство с язычеством – клокочет, варится духовная пища, – мозги набекрень. Будто магией занимаются. Ревизионизм учеников оборачивается стихийным еретичеством, в их несогласиях коренятся будущие церковные расколы, страшное дело – будущая инквизиция кожей ощущается в пульсирующих эмоциями призывах и трактовках Фаддея, несущего святотатственный и кровожадный бред. Осуждающий его Филипп тоже упивается бредовыми словесами, оформленными под глубокомысленное философствование. Морочат голову богомольцам страшными карами и муками адовыми, запутывая вконец несчастных, ничего не понимающих. Это сколько же времени понадобилось, чтобы отцифровать сказанное и записанное в канонические тексты, при подобном апостольском разумении, когда кто в лес, кто по дрова...

А ещё ведь и психически больные среди них: тот же Фаддей, судя по симптомам, страдал, пока Иисус не помог,

эпилепсией, плюс мощная добавка шизофрении. Люди о таких уже тогда говорили: «Бес вселился!».

Разрядку дает писательский юмор, используемый на удивление точно, всегда к месту. Вот, например, заседают «товарищи по партии» фарисеев, обсуждают острый вопрос в контрольной комиссии о «лжепророке Иисусе Назарее и большой опасности от него для партии и народа» – сатира с сарказмом буквально погоняют друг друга. «Семь признаков лжепророчества» тщательно взвешивают на весах партийной принципиальности: приведём шестой признак – «на каждом углу он пытается очернить партию и её преданных товарищей». За подобное, конечно, смерть, никак не меньше. Звучали там и словеса об «уме, чести и совести избранного Богом народа иудейского», которыми являются, конечно, партийные фарисейские ряды; всё, как и положено, при «демократическом централизме» – давить со стороны начальников, которых растаптывают ещё более высокие товарищи.

Замечательны и глубоки главы об умнице, коварном начальнике, опытным управителе префекте Пилате. Немалое достижение писателя в том, что ему удалось очень точно стилизовать тон, музыку глав о Понтии Пилате и Йешуа из «Мастера и Маргариты», создавая свой, назовем его «близнецовым» булгаковскому, стиль.

Итог словоизвержениям собратьев-сподвижников подводит один из любимейших учеников – Иоанн: «Три года за Ним ходим, но каждый идет в свою сторону. Слушаем и не слышим. И чем больше Он нам рассказывает, тем, меньше мы понимаем». «Живая и прекрасная тайна рядом», а, получается, никто не может даже приблизиться к её раскрытию. Вот эту-то задачу и попытается, предположительно, решить автор романного цикла в своем удивительном историческом семикнижии.

Впереди шесть обещанных романов, от которых можно ожидать многого. Тот же образ Иуды, каким он явлен в первой книге, будет обязательно насыщаться изобразительным «мясом» кровавой трагедии с оптимистическим финалом Воскресения. А Пилат, какой неожиданный, и каким ещё обещает предстать в дворцовой римской интриге с криминальными тайнами, угрозами его жизни и благополучию, и, конечно, судилищем над мессией?..

Всё предопределено, всё всем известно в целом и даже в деталях. Но Вяземскому удастся подать известное «вкусно», с красочными нюансами и одновременно глубокими философскими обобщениями – привыкнуть к силе настоящего писательского таланта невозможно.

Куда ж нам плыть?..

Громадный «кирпичище» двухтомного романа Максима Кантора «Учебник рисования», изданный московским интеллектуальным издательством ОГИ, забирает в полон надолго. Подвигу Геракла равнозначно одоление книжищи. Попробуй с налета прочитать почти полторы тысячи страниц сложного философского текста – вряд ли такое получится. Книга будет мучить, выгрызает изнутри душу минимум месяц. Кто решится на такие временные, а самое главное, душевные траты?.. Писатель Максим Кантор имеет прямое отношение к философии, у него есть обнародованные собственные философские труды. Потому совсем не случайна глубина философского осмысления, явленная им в романе.

С каким романским жанром мы имеем дело? Гротеск? Сборник анекдотов? Роман-карикатура? Роман-пародия? Философский роман или роман разоблачение? Роман-хроника? Всё это, бесспорно, присутствует. Можно определить «Учебник рисования» и как полифонический роман.

Конечно, пародия на интеллигенцию – это, прежде всего. И на советский строй. И на тот строй, который установился (устанавливается) в мире и устаканился ныне в России. Пародия на (страшно сказать) русский народ: косный, своенравный, анархичный, запитый и забитый – всё это присутствует, как говорится, в одном флаконе. А какие шабашки закатываются интеллигенцией от авангарда на страницах «Учебника рисования», какие балы сатаны!..

Но, все-таки главное – это исследование мимикрии нашей художественной интеллигенции на рубеже XX и XXI веков. Большинство отписавшихся критиков отчего-то отметились в своем интересе к разгадыванию романских про-

тотипов: меня это как раз мало интересовало, тем более, что герои, как пить дать, типы собирательные.

Совсем не случаен космополитический след у главного персонажа, художника Павла Рихтера через его деда Соломона. Павел – русский национальный живописец, но его тревожат не только российские проблемы, бери выше, мировые. Уже в начале творческой стези он размышляет: «Главное – решить: искусство похоже на жизнь, или жизнь – на искусство». А вот еще вопросик не из малых: «Власть денег или власть диктаторов: что отвратительнее?» На него, кстати, ответ находится достаточно быстро: «Деньги и власть – одно и то же». И когда Вам, читатель, впаривают о бескорыстии, альтруизме власти (любой!) вспомните вышеприведенную формулу.

Кантор буквально издевается над интеллигенцией: её роль – особый исторический позор. А прогресс – маскировка злодеев. Цивилизация же «дерьмо» (именно так говорил один милый герой со злодейскими наклонностями из известного западного фильма). И только, убаюканный сам собой и своей особой исторической ролью нынешний интеллигент, продолжает по привычке «бабычить» общеизвестные истины.

Герой (Павел? Автор?) гвоздит мещанство, модернизм, его последний розлив – постмодернизм. Импрессионистам, энциклопедистам эпохи Просвещения: всем достаётся на орехи. И Марксу, и де Саду с Дидро и Руссо, Робеспьером и Гёте – по мордасам. А всяких попперов, делёзов, ренуаров (Художник? Философ? Киношник? Нет ответа), с Энди Уорхолом – всем скопом в грязь злодеев, в пыль и трепет.

Кантор определяет нынешнюю цивилизацию в целом как мещанскую формацию, мещанскую парадигму истории – пришлепывает эту каинову печать, как «наиболее адек-

ватное имя для сегодняшней цивилизации». Силен, мужик!..

Пожалуй, главная тема романа – отношения между революцией и художественным авангардом. Почему-то получается в конце концов, что контрреволюция ангажирует, приспособливает, впитывает авангард. Ведь не рабочие с крестьянами, а банкиры сохнут от зависти по авангардным «шедеврам». Почему авангард стал оппозиционным по отношению к революционным переменам, почему революция убила первый русский авангард? Почему он в виде кляксы, черточек, кружочков и полосок на холстах освободился от любых догм?

Общество приняло силу энергетического воздействия за эстетическую и этическую категории. Конечно, шаманские камлания гораздо сильнее энергетически той же проникновенной песни. А искусство современного мира выполняет роль заклинаний шамана. Но, если такое случилось с искусством, то с единственной целью – для удобства управления обществом. В результате, «мы в настоящее время живём внутри общества, где употребляется фразеология христианской цивилизации, но которое – в целях упрощения конструкции – перестроило непрочную христианскую цивилизацию по законам идеологии авангарда, то есть язычества. Внутри язычества противоречий нет». Отдельные темы: авангард и фашизм, авангард и большевизм – их писатель разрабатывает тщательно, подробно, с яростным максимализмом.

В то же время «нельзя отменить тот факт, что сознание современного человека сформировано авангардом». Павел Рихтер рвет свой мозг мучительными вопросами, становясь в безумном мире подобием Гамлета, ищущего смысла, а мать Павла добровольно принадлежит представителю враждебного авангарда. Она, словно королева Гертруда у Шекспира, сливается с мыслями этого деятеля, ставшего её

новым мужем. Так она предала сына, как стала предательницей мать датского принца. «Распалась связь времен», и Павел Рихтер, полукровка с четвертинкой еврейской крови, предстаёт Гамлетом нашего времени.

...Что главное в живописном полотне? Воплощение духа, совести, добра. Задача художника – найти оболочку этому нематериальному. А задача искусства – укреплять душу и разум. Если это в наличии, да ещё и плюс прекрасное, тогда результатом получаем великое произведение искусства. Кантор считает, что великих картин за всю историю человечества насчитывается примерно 10 тысяч. А вот недавно за бугром продали с аукциона кляксы и мазню покойного американского авангардиста Джексона Поллока за 140 миллионов долларов. Это как? Бывает ли авангард великим? Наверное. Но тогда это уже не авангард, а нечто иное, потому, что красота утилитарна, а прекрасное идеально.

Павел Рихтер в романе – эманация «я» автора. То он рассказывает, мыслит от первого лица, то, вдруг, словно демиург всезнающий, возникающий, как «бог из машины», повествует со стороны, о чём думает Павел, чем мучается.

В философском романе для полноты должна быть любовь, иначе – сушь скуки от такой прозы. Нате вам любовь-страсть Павла к Юлии Мерцаловой (фамилия-то до чего говорящая!). Да ещё и траченная молью чувствиска деда примешивается для полнокровности. Долгая любовь рушится, потому что всё фальшиво в мире авангарда, женщины легко предают, как и мужчины, редко кто остаётся человеком в этой клоаке.

...А был ли мальчик? Был. Даже два мальчика, периодически возникающие на страницах: философы, историки, искусствоведы, спорящие (в споре, как известно, рождается истина) носители авторских идей.

Автор максимально использует возможности громады романа. Вот он скрупулезно описывает быт и работу проститутки Анжелики, с несмываемой даже толстовством печатью порока, приехавшей из Рязани в порочную столицу. И тут же быт и работа современной продвинутой московской интеллигенции из столичной тусовки – та же самая проституция духовная и физиологическая. И бог этой интеллигенции – постмодернизм, как противозачаточная таблетка против сострадания, смысла, ума, исканий себя и смысла мира. При этом все знают, что жизнь неизбежно кончается болезнью и смертью: зачем же тогда придуриваться и шутковать, серьезнее-то некуда?.. А развратная Анжелика, в конце концов, выбивается в люди, становится заправской меценаткой нового «искусства», торгуя им, как когда-то торговала телом.

Ещё один вопрос из проклятых: что такое свобода? Как она, моя личная свобода сопрягается со свободами (несвободами) близких и дальних? А ещё ведь и глобализация всё искажает. Писатель считает, что «инсталляция выразила колониализм нового типа, то есть так называемую глобализацию». И вот на этом фоне придуривается, шутит, деланно смеётся «...вялая, рыхлая, трусливая интеллигенция, готовая сотрудничать с любым режимом, дали бы только возделывать свой сад». Она первой кинулась успокаивать и развлекать: «Демократическое общество развлекало себя демонстрацией свободы», ибо «есть деньги и власть – ты свободен». А власть может вмиг отобрать любую из свобод, что в настоящее время и демонстрируется со всей наглядностью. Что тогда? Опять пресмыкаться и судачить по кухням?..

Эта книга – о свободе, о её нелегкой судьбе в России, стране, постоянно повторяющей свой путь, кружащейся по замкнутому кругу. А что же народ? «Так называемый народ», – говорит герой романа, профессор Борис Кирилло-

вич Кузин. А ещё он болтает: «...Простые люди страдают всегда, при любом режиме. А вот для интеллигенции – это неожиданный удар». Это он о нынешнем авторитаризме. Отринули от кормушки, перестали заглядывать в рот, жующий и жрущий при любом удобном поводе и за чужой счет, – и уже трагедия, каких свет не видывал. Роман подробно анализирует анатомию предательства интеллигенции, изменении своему извечному делу служения народу и Родине, осознания и разъяснения того, что происходит.

Не случайно при прочтении возникает образ ядовитого паука, дергающего своими невидимыми паутинками марионеток (в романе это Иван Михайлович Луговой – в прошлом крупный партийный чиновник, в настоящем – теневой, закулисный, власть держащий гад). И пляшут те марионетки, когда потребно гнусному насекомому, тогда и дёргаются. «Эта страна сделана для меня, она сделана мною. И я ей пользоваться буду. Всегда. По праву истории, по тому праву, какое дает самопознание мирового духа», – так рассуждает один из кровососов, богатеющий безмерно, переправляющий «откаты» в крепкие и надежные зарубежные банки, грозящий уголовными наказаниями и прокурорами всем несогласным с его паучьей игрой. Вы никого не узнали в этом герое?.. Кстати, этот паук находится под паутиной ещё более страшного паука-хозяина, а тот вновь под паутиной...

Однако в результате получилось, что Кантор, написав полифонический роман «Учебник рисования», распутав многие клубки взаимовлияний искусства и власти, по большому счету ничего не объяснил в смысле перспектив развития, расставив лишь вешки проклятых вопросов. На главное – «что делать и как жить?» – нет ответов. Если руководствоваться тем, что искусство и не должно отвечать, оно только ставит вопросы, – тогда всё в порядке. Но такой «порядок» не устраивает, ибо из него нет выхода. Нет

нормального, справедливого общества, всё плохо – куда нам плыть? И с кем? Может выход в суициде? Или в перманентном опьянении от алкоголя – такой исход нашел для себя профессор Татарников в книге? Понимаю, что, это не спасение, но где же тогда искать выход?.. Это, наверное, самая серьезная претензия к роману. Претензий по мелочам – мешок...

Вместе с тем, необходимо честно признать: Кантор написал очень нужную, может быть, даже великую книгу («большое видится на расстоянии»), которая сможет похорошему перепахать не одну человеческую душу. В этом и заключается роль искусства, этим и мучился главный герой «Учебника рисования» Павел Рихтер: «Как сделать человека лучше? Как сделать достойной его жизнь?»

Подводим итог. «Эта хроника пригодится для большой книги, которую напишут про наше время», – так напрямую заявляет автор. – «...Историк скоро появится. Работа сделанная мной, – лишь черновик его будущего труда».

Подождем...

Из холода и темноты

«Русская Гертруда Стайн», известная переводчица с французского, да и с английского понемногу перетолмачивала, Татьяна Кондратович, выступающая под прозрачным псевдонимом фольклорной разбойничьей дочери Маруси Климовой, вновь дергает за бороду всех литклассиков, теперь ещё и литературоведов с критиками заодно, книжкой «Моя теория литературы».

Эту книгу, изданную питерским издательским центром «Гуманитарная академия», по праву считают продолжением скандального труда Климовой «Моя история русской литературы».

Впрочем, ни истории, ни теории в общепринятом смысле в её книгах и не ночевало. А что есть?..

Присутствует позиция, замаскированная под маргинальную, обывательскую. Писательница заявляет: «...в своей книге я ничего не исследую». И ещё от Климовой: «Я всегда ощущала себя исключительно автором художественных произведений, к каковым, безусловно, относятся и «Моя теория литературы», и «Моя история литературы».

Если заинтересуетесь поискать в климовской прозе художественную литературу – флаг вам в руки. Используем для лучшего понимания «глубин» писательских проникновений Климовой конкретные примеры. Оказывается, постмодернисты были названы таковыми потому, что они сами наиболее часто, среди других непонятных слов, всяких деконструкций, симулякров и прочих, использовали словечко «постмодернизм». Вот и приросло, да ещё и приросло в терминологию культуры.

Это такой «вомор сатиры» у писательницы, как припечатывают иногда российские интеллектуалы. А Климова продолжает нести насчет того, что «постепенно слово «постмодернист» фактически стало синонимом уже полностью затертого и утратившего к тому времени свою перво-

зданную свежесть слова «бесы». Как вам нравится сия художественность от автора?

И вывод: «...За последние годы в шкуре постмодернистов успели побывать фактически все российские писатели, поэты, художники, певцы, музыканты и теоретики искусства...» Замечательно здесь – «почти все».

Такая, с позволения сказать, явлена «теория»!.. По крайней мере, «теоретик» никого не повторяет. И совсем закрыла Маруся тему, вбив гвоздь: «...Со словом «постмодернизм» закончились и девяностые годы в России».

Как известно, смеясь, мы расстаемся с нашим прошлым, впрочем, это уже не из Климовой.

А вот опять её глубинная мыслица, о том, что большинство «не доверяют писательскому «добру», начинают его ненавидеть». Зло же, согласно Климовой, «...абсолютно никого не колышет. Иное дело – добро! Одних оно повергает в трепет, другие пытаются его использовать, чтобы доставать и запугивать окружающих, а третьи – вроде меня – его ненавидят». Умри, лучше не скажешь! Правда, мозги у такого говорящего должны быть крепко набекрень, так ну и что же?..

А зачем эту лабуду нам втюхивают? Зачем кидают всё в один горшок: сплетни, выдумки, желтые телесюжеты?.. Чтобы опять-таки выварить нетривиальный вывод, что, дескать, «русская классическая литература к настоящему моменту полностью себя исчерпала». Друзья, а ведь это присваивание чужого, помните «доброхотов», сбрасывающих Пушкина с корабля современности. Жив, оказывается, курилка вместе с курильщицей!..

Такими парадоксами и просто откровенной ерундой, будто играя, забрасывает читательские мозги сама себе на уме Климова Маруся. Неужели не понимает, что выдает духовно малосъедобное? Всё прекрасно понимает, но складывается впечатление – писательница обдуманно

придуривается. Вот она священнодействует: «...У моих читателей должно быть хорошо развито зрение, нюх, должно быть всё в порядке с реакцией. Короче, у них должны быть прекрасно развиты животные инстинкты». Особенно умиляет в вышепротитированном «нюх». И что? И куда с этими «животными инстинктами»? А, может, зависть к славе Фридриха Ницше спать не дает? Не зря же самой объемной в книге является, поданная вместо эпилога, глава «Так когда-то говорил Заратустра».

Климова легко отвлекается, на манер «огородами, огородами, и к Котовскому», взяв, к примеру, несколько страниц отведенных рекламным акциям и её в них участию, что, конечно, никакого отношения к литературе не имеет. Опять-таки она с завидным упорством возвращается к случаям из жизни любимых и почитаемых ею французских писателей Жана Жене и Луи-Фердинанда Селина. Как всегда у неё вывод тут как тут алмазится: «...Чем выше писатель, тем противоестественней и комичней он выглядит. И тем сильнее, соответственно, он своей духовностью достает читателей».

Вообще-то писатели у Климовой (кроме пары-тройки её любимцев, среди которых, конечно же, Жене и Селин) дегенераты и уроды. «...Это некий расслабленный дегенерат, нуждающийся в постоянных опекунах в виде многочисленных теоретиков и исследователей его произведений, и потому не прилагающий никаких особых волевых усилий к их созданию». И ещё один климовский гвоздь в писательский крест: «...В искусстве в опеке в первую очередь как раз и нуждаются эстетически неполноценные существа, то есть уроды». Существа эти навсегда потеряны для человечества, так как вещают из пустоты в пустоту. «Ум для писателя... — что-то вроде врожденного уродства, от которого ему уже никогда не избавиться», — бьет наот-

машь Климова, и это лишь малая часть её диких, как скифские боги, сравнений и выкрутасов.

Думаю, конструируется сей эпатаж сознательно: вот она, я, какая, нестандартная и колючая Мария Климова, пришедшая с холода и из темноты!..

И последнее: писательница признается, что ничего из современной российской литературы не читала. Опять в задир?.. Или ещё одна писательская сумасшедшинка, «чтобы внести в этот мир как можно больше путаницы и смятения». Или все-таки эти две книжки Климовой – хитрая игра, которая кому-то, может даже и понравится?..

Огнепальный

В серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» вышла книга Кирилла Кожурина «Протопоп Аввакум».

Это первая полноценная биография одного из лидеров староверческого сопротивления никоновским церковным реформам в популярной литсерии. Хотя литературная дань молодогвардейцами огнепальному протопопу уже была отдана, очерк о нем входил в сборник «Русские писатели XVII века».

Книга написана приверженцем старой веры, который использует применительно к событиям того времени чрезвычайно энергичные определения: «раскрещение Руси», «геноцид русского народа». Прямой продолжатель дела Аввакумова написал биографию человека, ставшего символом борьбы в эпоху церковных потрясений, с удивительно соразмерным её духу подзаголовком: «Жизнь за веру».

Кожурин обстоятельно рассказывает историю церковного раскола, с которым судьба его героя связана накрепчайшими узами. Реформа Никона, как известно, перетекла в церковные преобразования Петра I. Смог бы император вздыбить Россию, когда бы при его отце, «тишайшем» Алексее, не были свирепо и кровожадно разгромлены потенциально самые мощные его противники, кои готовы на смерть ради религиозных традиций, приверженности благоверию отцов и дедов?..

Цитаты из «Жития протопопа Аввакума», писанного им самим, живут своей жизнью до сих пор в среде потомков русичей. Моя мама, сельская учительница с 55-летним стажем преподавания, запросто цитировала Аввакума; самыми любимыми были слова из диалога с женой протопоповой, которая, измучавшись, вопрошает спутника: «Долго

ли муки сея?..» И ответ: «Марковна, до самой смерти!» В конце жизни Аввакум записывает: «Бог вместил в меня небо и землю, и всю тварь...» И в этом нет никакой гордыни.

Автор книги использует замечательные определения: «богатырь-протопоп», «жизнь его исключительна, слово его – гениально, вера его – невероятна». Наш герой родился в семье сельского священника в конце 1620 г. Его имя производное от верхозаветного Хаваккука, что с древнееврейского переводится как «Любовь Божия», или «обнимающий», «сильный борец», «подвижник». Биограф добавляет: «Новый пророк и апостол русского старообрядчества».

Невозможно представить жизнь Аввакума без книг. Литература его времени осмысливала события Смутного времени. Вокруг богослужебных и богословских книг сосредоточивалась общественная дискуссия.

«Священник именовался врачом, – пишет Кожурин, – вождем, наставником и учителем, сторожем, и пастухом, воеводой и судьей своих прихожан». Приход избирал кандидата в священники, епископ утверждал и рукополагал – такой была церковная демократия в Древней Руси. Аввакум очень рано стал священником, поначалу едва не повторил пагубный отцовский путь любителя вина, но вовремя, как он писал, «престал от винного питья и начах книги почитати, и люди учити к пути спасения».

Вся его жизнь – непрерывное богослужение. Вера в то время требовала суровых ограничений. В большинстве семей соблюдался устав самых строгих восточных монастырей, с многочасовыми молитвенными бдениями, включая и ночные часы на коленях у икон, молитвами на всякий час. Аввакум проводил службы до 10 часов подряд без перерывов. Это как раз понятно, ибо главная идея того времени – «церковление» русской жизни.

Но общество всегда беременно новыми идеями, носителей которых поначалу меньшинство. Европа задолго до русского государства вырвалась из Средних веков, пройдя кровавые уроки инквизиции, сменившиеся Возрождением: цвели искусства и наука, развивались ремесла и мануфактуры.

Наша страна отставала от европейских новшеств, этому есть множество причин. Раскол не был случайностью. Наверное, в его основе не только мечты царя примерить византийскую корону, как пишет Кожурин, и, конечно, три перста или двоеперстие, как и исправление религиозных книг с изменением в церковной обрядности, не были самым главным. Обновление государства требовало новых людей, новых идей, ускорения развития. А иначе сомнут, как случилось с Древним Римом, да с той же Византией. Мы и сегодня ожесточенно спорим: каким путем идти? Если «стабильность», и только она, возобладает – страна начинает путь к умиранию. Реформа – контрреформа, стабильность и покой – развитие и революция: вокруг этой дилеммы вращается и ныне общественная мысль, как и вся русская история.

Потому Аввакум, богатырь в борьбе «за старину и древнее благочестие» – трагический персонаж её величества Истории. Как писал кто-то: «Попал под колесо истории». Его стойкость, писательское искусство, пропагандистский дар могли бы сыграть огромную мобилизующую роль в годину войн против внешних врагов. Но не случилось. Время было иное и требовало иного. Под его пером даже рассуждение о философии непременно оборачивается «пьяным философом», а сам, тем временем, легко погружается в философские глубины. «...Да наставит нас Дух Святой на всяку истину, а не риторика з диалектиком». Именно так полемически громит противников протопоп. Но: «...И диалектик, и философию, и что потребно, – то в

церковь взяли, а что непотребно, то «под гору лопатой сбросили». Вот только, «что потребно»? Кстати, самодержца тогда просто нельзя было критиковать, ведь он от Бога, только поклоняться – такова традиция. Но Аввакум к концу жизни написал: «...безумное царишко», «сквозь землю пропадай, блядин (*это слово в то время употреблялось как синоним слова «ложь» – В.П.*) сын», – это о помазаннике Божьем, царе Алексее.

А утверждения автора книги, что, дескать, страна «на столетия заразилась духом латинства», «после Никона в России больше не было церкви, там была религия государства», – это лишь одна из точек зрения, с которыми нынешние православные, да и церковь вряд ли согласятся.

И все-таки жаль наших искренне верующих предков, для которых компромисс в вопросах веры был невозможен. Хотя, в истории раскола не все так просто: ведь это же факт, когда реформатор Никон собирал иконы нового письма и прилюдно уничтожал, выступая в обличье консерватора.

Думаю, что для объяснения многих поступков «верхов» времени раскола, вполне подойдет ещё и то, что сегодня именуется словом «коррупция». Впрочем, как и всегда в нашей истории.

А в литературе Аввакум наоборот стал новатором, даже революционером своего времени. Таковы парадоксы. Он стоит в начале процесса формирования «великого и могучего», Пушкин – на вершине.

Литературное наследие Аввакума бесценно; написал более сорока сочинений; он – новатор не только языка, но и формы с содержанием. Подчеркнуто разговорный язык протопопа точный, язвительный, насмешливый, грозный, красочный, образный, полемичный. Его стиль и поэтика новаторские.

Выдающимся памятником древнерусской литературы является «Житие...», известное в трех рукописных редакциях, опубликованное только в 1861 г. В нем история и автобиография слиты воедино. Писцы более двух столетий переписывали от руки. А ныне есть переводы на многие языки.

Аввакумом написано ещё несколько книг. Вот только для их чтения надо знать старославянский язык с церковнославянским, как и для чтения книги «Протопоп Аввакум» такие знания не в обузу. Иначе потеряетесь в обилии цитат из XVII века, рискуя не разобрать и половины смысла. Зато обертоны наслаждения от «разговора» с предками на их языке дополнительно греют.

...Аввакума с товарищами по вере сожгли в Пустозерске в 1782 г. после 14 лет «земельного» сидения. Ему шел 62 год. Наперсный священнический крест протопопа – величайшая святыня староверия – хранится как родовая реликвия в одной из семей староверов-поморцев, проживающих в нашем Кузбассе.

В истории и пространстве – всё рядом, стоит только протянуть руку...

Подорожник – народное средство

Долгое время никак не попадалось второе издание разыскиваемой книги русского литературного критика из патриотического лагеря Валентина Курбатова «Подорожник», с неподдельной любовью оформленная и выпущенная в свет издателем Сапроновым из Иркутска. И только в московском «Библиоглобусе» недавно мелькнула, как драгоценность, желанная книжка, которую сразу понес в кассу, чтобы наслаждение разглядывания и чтения оставить на подробное и обстоятельное потом.

Оформление изящного томика с наклейкой рисунка подорожника на верхней крышке добротного переплета, цветные форзацы, нарисованные в виде мелкой структуры придорожного лечебного листа, мелованная бумага и точное воспроизведение автографов на страницах, львиная доля из которых принадлежит известным писателям, заслуживает самых высоких похвал. «Драгоценный ларец» – это не мои слова об этой книге, но полностью их разделяю.

Но и содержимое «ларца», хотя, на первый взгляд, это всё дальний угол возделываемого автором его критического литературного огорода, заставляет биться сердце не только у завязтого библиофила. Какая звездная россыпь творческих имен! Виктор Астафьев, Павел Антокольский, Анастасия Цветаева, Арсений Тарковский, Давид Самойлов, Виктор Конецкий, Булат Окуджава, Юрий Нагибин, Владимир Максимов, Василий Белов, знаменитый во всем живописном мире краснорец Андрей Поздеев и многие, многие иные – всего в книге явлены взгляду несколько десятков автографов из более двухсот, имеющих в наличии у автора. Все они остались в виде достаточно пространственных надписей в специально предназначенном для этого курбатовском «дорожном», как он его называет, альбоме.

Известно, что подорожник – «радостный» травяной кустик с мясисто-зелеными листьями, произрастающий у

дорог. Но это и записная книга о дорожных наблюдениях и пытливых мыслях трезвого, пристрастного ума. А ведь не стоит забывать и о врачевательном эффекте изумрудного лекаря-дикороса. Как и духовное лечение литературой тоже мало кто отрицает.

Вообще-то автографы собирали и собирают многие. Альбомы с засушенными растениями в виде закладок и надписями знаменитостей в XVIII веке прибрели в Россию из Франции, как и многие иные моды. Самым известным из собраний автографов писателей в нашей стране является, пожалуй, «Чукоккала», изданная в книжном варианте сначала с цензурными купюрами, затем полностью, потом уже с близким к оригиналу воспроизведением надписей и рисунков великих и просто тружеников русского искусства. Замечательный сказочник дедушка Корней, к тому же знаменитый критик, как бы между делом, создал (собрал) литературный памятник русскому слову.

По его примеру, но с гораздо более скромными задачами, действовал наш современник, писатель из Пскова Валентин Яковлевич Курбатов, сохраняя голоса быстротекущего времени, и, одновременно, создавая «домашнюю» историю литературы в течение 30 с лишком лет. «...Всякое наше слово и суждение – зеркало стоящего на дворе дня». Так определяет он суть своей задумки.

Почему обратился в собирательско-коллекционерскую веру? Да потому, что «*проговаривается* сердце и душевное устройство человека в таком сложном жанре как автограф». Кто-то в его «Подорожнике» уклоняется, оставляя дежурную запись, далекую от реальности и злобы дня, а кто-то и «подставляется», когда в написанном рукой «дышат почва и судьба» (можно сказать, что астматически задыхается и злая реальность).

Не менее ценны для читателя, но и для исследователя, историка имеют цену, записанные воспоминания Курбатова о встречах с героями его путевого альбома, собеседни-

ками, чьи автографы представлены на страницах книги. И здесь же, как запомнились (фиксировал после встреч), монологи этих мыслящих современников о судьбах страны и культуры, болеющих всеми горестями «века-волкодава», делающих коллективное литературное дело, в котором все связаны со всеми.

Вот, к примеру, лишь маленький кусочек, взятый у югославского писателя Меши Селимовича и к месту приспособленный для создания емкой характеристики хранителя Михайловского Семена Гейченко: «Жуть охватывала при мысли о толпе, которая жила в этом человеке так, словно бы она существовала сейчас, словно бы это не были признаки и тени, но живые люди, которые непрестанно трудятся в какой-то ужасающей вечности бытия».

Здесь же два автографа Виктора Астафьева, который очень рано понял, как и Гейченко, ограниченность партийной идеологии: «Я очень разочаровался в социализме», — это высказывание можно отнести к ним обоим. Социалистическое общество имело как позитивные потенции, так, конечно, и негативные. Негативные перевесили, в конце концов. Говорят, плановая экономика подвела. Однако главная беда в том, что «споткнулись на человеке». Вот и Валентин Берестов, известный детский поэт и специалист-пушкинист, посреди видимого советского благополучия говорит Курбатову: «...насильственная политическая оболочка идеи всякий раз растлевает её сущность».

А Вячеслав Шугаев из Иркутска напоминает о писателях из российской провинции, что «в духовном самостоянье они сделали и делают колоссальное дело». Среди них вспомнил талантливого прозаика из Кузбасса Виктора Чугунова, который погиб, так и не успев сделать многое, из задуманного.

Однако через всю книгу тоска великая, усиливающаяся к финалу: «Как недавно у нас была литература там, где те-

перь есть только множество прекрасных и ничтожных книг». Такую печальную песнь «поёт» В. Курбатов, которому «внезапно осозналось, как же мы далеко и как безнадежно оторвались от родной земли». Оторвались, оказывается, настолько, что «черта горизонта размылась». Странный вообще-то и не вдохновляющий вывод на фоне многих высказываний писателей-патриотов о борьбе, совместных и индивидуальных окопах и прочей машинерии битв и противостояний, о чём достаточно ясно сказано многими в собственноручно написанном.

Вот такая разнообразная и ёмкая книга, в конце концов, откристаллизовалась из воспоминаний о встречах и разговорах с корифеями русской культуры.

Но есть и то, что обидно царапает. Изумляет, например, максималистское неприятие компьютера и компьютерного текста и у автора книги, и автора предисловия Валентина Распутина. Но ведь никто не запрещает вообще-то писать по привычке с помощью перьевой ручки, либо любого иного инструмента – кому как нравится; ведь и стило, все знают, менялось от века к веку – у Пушкина в руках был рабочий инструмент в виде гусяного пера. Добавим, что уже рядом невиданный прогресс: буквально через несколько лет, появятся тексты, записанные и распечатанные новым поколением ПК (неодушевленными писцами) уже просто с человеческого голоса. И что, стоять на месте и не допускать технического развития?.. Впрочем, это уже, скорее, личная тоска представителей писательского цеха от быстротечности жизни...

Погибель вселенская

Прозу молодой писательницы из Петрозаводска Ирины Мамаевой можно условно определить как «жестокий реализм». Бытие, как известно из школьного курса, движется по спирали, и вот на новом историческом отрезке времени, когда страна отринула с такими жертвами возводимый социализм, прорисовался капитализм, и душа сочинителя уязвилась болями и бедами народными. Вновь литература сочувствует и протезирует «маленькому человеку»: всё, как у великих русских писателей- демократов XIX века. На этой же стороне баррикады и Мамаева с её книгой «Земля Гай», изданной «Вагриусом» в новой серии «Молодая литература России».

В двух книжных повестях «Ленкина свадьба» и «Земля Гай» довольно убедительно и художественно представлена современная деревня, брошенная на выживание, неустроенная, спивающаяся и погибающая. Контрастом окружающему в первой повести – добрая и не очень далёкая шестнадцатилетняя доярка (друзья называют её дурочкой, а она и не обижается) Ленка Абрамова, у которой «думать не получается». Героиня поставлена автором на порог вечного и необходимого человеку чувства – просыпающейся любви.

Если верить Геродоту, на покрывале Изида начертано, что именно женщина является абсолютным началом мира, женщина есть «повелительница богов и людей». Юная жительница деревни, которой никак не давались школьные науки, и имени-то такого историка не слышала, и не знает она многого, ещё большего не понимает – совсем никем не повелевает, живет как растение, но она добрая. И это человеческое качество перевешивает многие несуразности: она желает счастья всем людям и сама хочет быть счастливой, однако, что такое счастье, понимает смутно. Любить, жа-

леть, сострадать -- для неё главное. Всех любить! Хороших и плохих!

А для любви окружающая жизнь мало оборудована. Мужики пьют поголовно. Потом дерутся. Впрочем, запиваются и женщины. Малопьющий мужчина – уже сокровище по понятиям деревенских баб. Воруют тоже беспредельно, опять-таки ради алкоголя.

Люди дошли до такого скотства, что уже и похоронить как следует не могут: забыли соответствующий обряд, толкуются, да глаза таращат. Это уже из повести «Земля Гай». Звучно назвали когда-то построенный на пустом месте леспромхозовский поселок, где работали, жили, любили, рожали детей, думали о будущем. Пришло новое время и всё похилилось, потом и вовсе порушилось: вместо вокзала – развалины, школы нет, кругом грязь, тоска вселенская и неустроенность, вместо работающих людей остались пенсионеры и алкоголики, которым просто некуда деться. Часто «два в одном» – это когда пенсионеры превратились в алкоголиков. «...Поселок – растянутый, размазанный, как невкусная каша на тарелке, – был обнажён. ...За всю его убогость, паршивость, сразу становилось стыдно и хотелось скорее отвести глаза: нельзя, нельзя было это видеть, запоминать, знать...»

Мамаева рассказывает об униженных и оскорбленных нового времени, таких, например, как медсестра Люсенька, с хроническим гастритом, застуженная и больная поженски, которой некуда деться, дом разваливается на глазах, начальству её беда до лампочки. На одном полюсе – все эти маленькие люди, обиженные, обворованные, прозябающие в нищете и обездоленности. На другом – местные власти и богатеи мелкого разлива. Хамская, вороватая власть для сочинительницы и её героев – антинародный нарост. Не случайно местный предприниматель в бывшем леспромхозе носит грузинскую фамилию Лалашвили, он

определен в носители сталинского отношения к людишкам, ему не жалко «чужой» народ.

Здесь даже русская баня символ. Для делающего длинные купюры предпринимателя, общую баню строить ни в коем случае нельзя. С ним согласен глава районной администрации Малютин (напоминание о кровавом палаче Малюте Скуратове): бани необходимы только индивидуальные, на одного хозяина. А простые люди, мечтая о возвращении устойчивой жизни, представляют возрождение общего банного счастья. В реальности же на месте, где некогда физически очищались люди, остались лишь хлам и грязная пыль.

Мамаева — рьяная защитница деревенского жителя — находит для своих героев смягчающие обстоятельства, оправдывает народ, каков бы он ни был, от которого ничего, в конечном счете, не зависит. Это, как представляется, подсознательные устремления сочинителя. Но подсознание же и виновато в том, что получается в итоге. А рисуется одичание и озверение «лишних» людей. Страшная картина гибели. Мир перед светопреставлением. Потому, на краю катастрофы совсем не случайны особые отношения ряда персонажей с Богом. Выходит, вера спасёт? Несмотря на то, что охальников с атеистами вокруг пруд пруди? Однако не всё так однозначно: вопрос о том, какие человеческие качества восторжествуют, в конечном счете, остаётся открытым.

Финалы и «Ленкиного счастья», и «Земли Гай» горькие и пессимистические. Скорее всего, героиня первой повести Ленка вряд ли сыграет когда-нибудь свадьбу с любимым Юркой, да и какое счастье ожидает, даже если врачи спасут её, изуродованную свирепым быком? Пьющий и бьющий муж? Отупляющая жизнь, без радости? В поселке Гай, некогда образцовом леспромхозе, судьба всех главных героев тоже беспросветна и трагична.

Итак, читателю явили ещё одно издание приближающегося Апокалипсиса.

...И всё-таки русский человек верит, что после неминуемого Страшного суда и всеобщей гибели, должно состояться Возрождение. Талантливая молодая писательница, как и её великие литературные предшественники, оставляет толику надежды на то, что и земля, и человек всё-таки устоят.

Они же памятники!

Книга питерского писателя Сергея Носова «Тайная жизнь петербургских памятников» вышла в издательстве «Лимбус Пресс» уже вторым изданием с обозначением на крышке переплета о том, что сей труд является финалистом премии «Национальный бестселлер».

Указана и серия «Другое краеведение», что стопроцентно попадает в написанное Носовым, пишущего жизнь памятников в Санкт-Петербурге. Впрочем, мы уже рассказывали о его книжке «Музей обстоятельств», «памятниковая» часть которой добавлена к «Тайной жизни петербургских памятников».

Автор сразу берет быка за рога, утверждая, что памятники «живут», проявляют «активность». Их место, по писательскому утверждению, «где-то между царством неживой и царством живой природы». «Ближе к царству живой», – уточняет Носов.

«Живут, чувствуют, понимают, хотят...» – активные авторские глаголы, а других, по его мнению, просто нет, так как опыт описания бытия памятников отсутствует. Они, оказывается, ещё и почти инопланетяне среди нас, их тихая цивилизация «существует параллельно нашей».

Они, похоже, готовы к контакту? А мы?..

Мы ведем себя зачастую по-варварски: за поступки конкретных исторических личностей заставляем отвечать памятники – «идеальные объекты наказания». Примеров превеликое множество. По телевидению часто показывают, как срывали с постамента истукана – «железного Феликса» в Москве. Демонстрируют и «тюрьму», куда, наряду с другими «неудобными», определили «вертикальнообразующего» Дзержинского. Памятники мазали краской, побивали камнями, взрывали, ругали, расстреливали, уничтожали, перевоспитывали – всё как с живыми людьми.

ми. Всё вышеперечисленное продолжается и по сей день повсеместно.

Памятники, как и люди, смертны, хотя, когда их устанавливают, то никак не меньше, чем «для увековечивания». Многие долгожители-монументы преодолели опасность уничтожения, некоторые не единожды прошли этим шоковым путем. Над немалым их количеством и сегодня такая опасность продолжает висеть топором. Потому-то памятники не всегда жаждут публичности, если удастся, они маскируются, пытаются стать незаметными, слиться с заборами, разросшимися деревьями, как, к примеру, ныне поступают многие «ведомственные Ильичи».

Носов с питерской обстоятельностью и питерской же рефлексией рассматривает буквально по сантиметру городские монументы. Он их ещё и обнюхивает, а то смотрит на окружающее глазами того или иного памятника. Полный улет, когда он вглядывается в действительность очами несуществующего, виртуального истукана Николая Васильевича Гоголя. «Если б Гоголь увидел, отвернулся бы резче ещё – вплоть до слома бронзовой шеи: с ними редко такое бывает, но порой и они, монументы, склоняются к суициду». Вот насколько сильна бывает отвратность современной жизни!

А Грибоедов (точнее памятник ему) вот-вот грохнется в обморок, уже и ногу свело и вывернуло в судороге, и бронзовые листы, изображающие бумагу, через миг полетят с коленки. Но это предобморочное состояние будет длиться, пока стоит этот памятник. А монумент Менделееву, оказывается, курит – углядел-таки Носов между пальцами великого химика «железную сигарку».

Очень многое пришлось перенести бронзовому императору Александру III. К нему люди точно относились как к живому: его дразнили, оскорбляли, воспитывали, наказывали, а поначалу, как и положено, воздавали почести. Но

круг замыкается, похоже, почестями и продолжится. Что будет далее, при непредсказуемости российского бытия, хоть человеческого, хоть монументального, того никто не знает. От имени этого императора «делали пародийные заявления и сочиняли глумливые стихи». Газетчики задавали ему подлые издевательские вопросы. От него словно ждали (ждут?) ответной реакции, как от пушкинского «Медного всадника».

Скульптуру, изваянную Паоло Трубецким, обзывали «бегемотом на комод», «обормотом на бегемоте» – богатырскую фигуру императора мог носить только соответствующий богатырь-конь из першеронов.

Памятник изолировали в одиночной камере – специальном деревянном футляре. Затем монумент – неслыханное дело – перепосвятили: на пьедестале вырубили слово «ПУГАЛО». А ниже выбили издевательские стихи Демьяна Бедного, в которых конная монументальная фигура из бронзы для унижения названа «пугалом чугунным» – глумились как могли. Так памятник был посвящен «посмертному бесславию». Мало этого, его окружают решеткой: «Пугало» уже заключено в клетку», – радуется «Красная газета» 4 ноября 1927 года.

В конце 30-х даже издеваться надоело – убрали на склад. Ещё бы чуть, и переплавка. Но пронесло, передали Русскому музею в 1939 году, где униженный царь лежит на боку. Забыли?.. В войну его захоранивают в земле, и совсем не зря: насыпанный сверху небольшой курган спасает от прямого попадания снаряда.

Откопали и поставили во внутреннем дворике, чтобы нельзя было увидеть. Потом опять деревянный футляр, к чему уже не привыкать, на время ремонта корпуса Бенуа, где находится траченный временем и испытаниями памятник. В 1990 году уже в новой России после передвижек с места на место установили в Мраморном дворце, за Мар-

совым полем на всеобщее обозрение на месте, которое до этого занимал броневик «Враг капитала». Но психологические эксперименты над пострадавшим в деталях монументальным Александром III продолжились: в 2007 году перед ним зачем-то поставили совсем не миниатюрную китаянку верхом на доисторическом ящере. Монумент все вытерпел и продолжает терпеть... Поневоле поверишь в особую жизнь памятников.

Носов не злорадствует ни над неведомыми ныне монументами «великому Сталину», упоминая их, ни над Ильичами, даже для бронзового Володарского, как и для взорванного «предварительного» его гипсового предшественника, у него находятся сочувствующие слова. Кстати, этого Володарского изваял знаменитый советский скульптор Манизер в 1925 году – первый, по утверждению ваятеля, отлитый из бронзы памятник в Советском Союзе. Между прочим, кемеровский Пушкин – лучший в областном центре из всех монументов – тоже работа Манизера. Впрочем, об этом в свое время с исчерпывающей полнотой рассказал наш поэт Геннадий Юров, и это уже совсем не относится к книге «Тайная жизнь петербургских памятников».

Вышли мы все из России

Неистовый и брутальный Захар Прилепин выпустил пятую по счету книжку. При этом – первый целиком публицистический сборник под обязывающим названием «Я пришел из России» (как будто все остальные читатели пришли откуда-то из других мест планетной экзотики). Книга издана в интеллектуальной серии «Инстанция вкуса» питерского «Лимбус Пресс», не смотри, что автор нижегородец.

Прилепин – из «обличителей»: тех самых, к которым в русской литературе принадлежали Глеб и Николай Успенские, Чернышевский, Добролюбов, Герцен и прочие борцы с «сатрапией» режима. Это такая игра национальной интеллигенции; костерить почем зря современную ей власть, если получится, то и помочь свергнуть её, ненавистную и презираемую, чтобы уже вскоре ужаснуться наступившему разладу и вновь начать все по знаменитому русскому кругу – разоблачать, уничтожать, и опять разоблачать и уничтожать. Весело!..

В своей книге Прилепин собрал наиболее значительные (своя рука владыка) публикации из газет, журналов, Интернета, в которых он делится с читателем «своим вкусным сладостным ощущением» от всего сущего. Заглавие, как сказано выше, обязывает, и поэтому, конечно, автор афористично и обильно рассуждает о России и русских. Ну, например, чем не афоризм: «Россия – бешеная и ленивая одновременно».

Прилепину не откажешь в мучительных и острых переживаниях за судьбу страны и её граждан. При этом взгляд его (помните поэтическое «Печаль моя светла») на окружающее печальный, сострадающий, сохраняющий долю оптимизма. «...Мир вокруг нас преисполнен такой невыносимой на вкус печалью и горечью, что всем нам про-

сто нет иного выбора, чем бесповоротно приговорить к счастью хотя бы самих себя», – замечательная формула, предлагаемая сочинителем, вот только в чем же он видит счастье? Неужели исключительно в борьбе, когда «и вечный бой, покой нам только снится». Тогда многим с ним не по пути. Но вот со следующим прилепинским утверждением, – «человек вырабатывает счастье сам, растрачивая направо и налево вещество жизни», – соглашаюсь опять-таки полностью.

Прилепин открытым текстом сказал в одной из виденных мной телепередач о желательности революции. Да и вообще, насилие, которое совершается, к примеру, в его олауреаченном романе «Санька», беременно хорошими целями, но результат-то будет, как всегда, плохой, отталкивающий. Насилие по русской традиции порождает только ещё большее ответное противодействие и сопутствующую ему кровь. Нет, не видят наши интеллигенты опасности силовых решений, «ничему не научились», хотя всё вроде помнят.

В значительной дозе публицистика Прилепина яростно революционна. «...Либерализм ненавижу по сей день как чуму», – взрывает монархист-государственник свою словесную гранату. Вообще-то таким людям бесполезно говорить, что любой нормальный человек носит в себе все психологические типы, только проценты шизоидности, эпилептоидности, истероидности, меланхоличности и прочего разные, точно таким образом и патриотизм причудливо сливается в сознании с либерализмом и прочими измами в едином *homo sapiens*. Неистовые борцы традиционно борются с собственными врожденными и приобретенными инстинктами, но достается расхлебывать отвратительные последствия почему-то другим.

Авторская ненависть к литературно и идейно чуждым для Прилепина писателям – алая, дымящаяся, замешенная

на вековых распрях с господами – вот-вот взорвется. А уж как размазывает автор «Я пришел из России» писательницу Татьяну Толстую – вот сила литературного слова, – лупит, как тяжелая артиллерия. Однако было, видали и не такое динамитное и темпераментное, поэтому успокоимся, охолонув. Хотя бы потому образумимся, что через нацеленность на переломку у Прилепина так и прет катастрофизм и безразмерный ажиотаж – тоже любимые детишки нашей родной интеллигенции. С одной стороны: «Ужасно всё!..» С другой – готовы, «задрать штаны, бежать...» Не ясно, куда и зачем, но непременно «бежать». На том стоят и, может быть, при счастливом для них стечении обстоятельств, победят, – так тоже можно понимать «добро с кулаками» от Прилепина, которым нас возжелали одарить.

«Своих» писатель рисует мажорными красками и радостными эпитетами. «Свой» – это, например, творец «пятой империи» Александр Проханов (ему вообще-то тоже всыпается за графоманство последних романов). Ещё в этих рядах поэт Всеволод Емелин – это он натуралистично описал приключившуюся белую горячку: «И только горлышки зеленые / В моём качаются мозгу».

Для Прилепина в ряд «чужих» попадают все с ним несогласные, и, конечно, представители власти, с которыми судьба сподобила ему встретиться. Тут – творец «суверенной демократии» Владислав Сурков и, страшно подумать, Владимир Путин в его бытность президентскую такими красочными прилепинскими метафорами приложен – только держись!

Несмотря на мои личные внутренние несогласия, записанные на бумаге идеи этого писателя интересно читать. Его публицистическая страсть и ярость уж точно не дадут мозгам закиснуть. Вот, например, цитата: «В России нет времени. Поэтому её никто не понимает. Может, и не надо? В России нет времени – русское время. Раскипевшееся,

выплескивает за край, обваривает Европу и возвращается, дымясь». Такие мы, оказывается, нестандартные и непонятные скифы-азиаты, на страх европейский определены провидением, историей или всё-таки отдельными литераторами?..

Но вот одну утопическую мысль писателя поддерживаю стопроцентно: о переносе каждые четыре года столицы на новое место. Реализуй эту идею и начнется бурное развитие новых регионов – 20 лет, и Россию будет не узнать. И ещё: это же незабываемый спектакль, увидеть миграцию и мимикрию российской бюрократической слизи. Только укоренились на месте, отладили финансовые ответвления-откаты от мощных бюджетных и прочих финансовых потоков в свой карман – отстраивай всё по новой на новом месте. Такой бесплатный цирк мог бы стать, пожалуй, посильнее «Фауста» Гете. Но ведь не сбудется...

Научиться читать

Пушкинский дом выпустил в свет «Рукописные книги» Алексея Ремизова (1877 – 1957) – первое российское издание, в котором в полном объеме фотографическим способом воспроизводятся книжки-альбомы писателя, полностью сделанные его руками, от текста до иллюстраций.

Ремизов – классик русской литературы XX века, довольно поздно вернувшийся посмертно своими произведениями из эмиграции в Россию. Издание академического собрания сочинений впереди – пока вышел вполне прилично сделанный «красный» десятитомник. Тем временем «подчищают» то, что осталось в архивах, разбросанных на три страны – Россию, Францию и США, в газетах, частных коллекциях.

Удивительный русский писатель и любопытный художник-график в одном лице начал создавать рукописные книги (мечту многих нынешних собирателей) в послереволюционное голодное и холодное время. Впрочем, так тогда поступали многие для физического выживания. Увез своё умение и память рук в эмиграцию, где продолжал каллиграфическое творчество.

Три его альбома – «Из разных моих книг и на разные случаи», «Гаданье даннсе людям от Бурхана-Мандзышира» и «Как научиться писать» – явило под общей обложкой и с общим названием «Рукописные книги» известное своим высоким интеллектуальным уровнем петербургское издательство «Пушкинский дом».

Авангардист и революционер в творчестве Алексей Ремизов (а опирался, оказывается, на древнерусскую литературную традицию), рисовал целые книги, которые не надо было протаскивать через быстро возникшую в новой России жесткую и подозрительную цензуру. Его каллиграфически исполненные письма упоминаются с восхи-

щением многими мемуаристами. Ныне петербуржцы сделали его непривычные работы достоянием многих, хотя тираж «Рукописных книг» все-таки невелик – всего 2000 экземпляров.

«Рисовать я нигде не учился», – признавался писатель. Поначалу он просто стилизовал свои рукописи под древнерусские. И все-таки учился: у футуристов, сюрреалистов, иных художников.

Иллюстрированные книги-альбомы в эмиграции – до 30-х годов – любительское, в основном, занятие, с начала 1930-х – средство выживания: вырученные за них деньги (продавать помогали друзья) позволили переносить невзгоды. Тем более, что у Ремизова с 1931 по 1949 гг. вообще не выходило отдельных печатных изданий, пока известный танцовщик и далеко не последний библиофил Сергей Лифарь не профинансировал книгу «Пляшущий демон».

Три рукотворные ремизовские книжки из нашего издания – маленькая частичка того, что передала в РГАЛИ из США Наталья Кодрянская – ученица Ремизова и меценат, которой он в благодарность подарил все свои книги с надписями жене, умершей в 1943 г. в оккупированном Париже. Книжки выходили с 1907 по 1931 гг., писатель сделал подписи передачи на 69 наименованиях, при нехватке 3-х, которых даже у него не было. Позднее дар дополнялся новыми изданиями и рукописными альбомами-книжками. Условие было единственное: переправить подаренные книжки в Россию, когда они там будут востребованы.

Ученица, проживавшая в США, в точности исполнила пожелание мэтра и учителя. В результате в России оказались практически в полном объеме, за малыми исключениями, литературные богатства не только для исследователей, но и для будущих печатных воспроизведений. Издатели молвили мне при приобретении «Рукописных книг» на

ярмарке в Москве, что готовы радовать bibliофилов и всех прочих и далее – заготовки новых изданий ждут только финансирования, – а вот с этим, что называется, большая «кризисная» проблема.

В нашем нарядном томике кроме воспроизведения самих рукописных ремизовских альбомов в наличии и напечатанные по современным правилам их тексты с неплохим сводом примечаний. И, конечно, предисловие, список иллюстраций и прочие элементы научного аппарата.

Читать написанное рукой Ремизова с параллельным перечитыванием расшифровок поучительно и очень интересно. Автор несколько раз повторяет в рукописных строчках, что он уже кончился как писатель. Но я бы этого не подтвердил, судя по глубине и оригинальности его мыслей и языку. Несмотря на отдельные неточности, опiski и ошибки, автор крепко «держит» свой фирменный ремизовский стиль, который вызывал такие ожесточенные дискуссии в литературной среде его времени.

Прозаик, разряжаясь от напряжения мерзостей окружающего братоубийственного мира, придумал своих знаменитых «обезьян и обезьянье царство» (это образы, каких до него в русской литературе просто не было) в качестве игры, но эта игра стала неотъемлемой частью его жизни, как и близких, и друзей тоже.

Некоторые из его высказываний-афоризмов вполне пригодны для повседневного руководства к действию. Каждому писателю можно предложить разместить над рабочим столом следующий текст Ремизова на табличке: «Ни на какие газетные отзывы не обижаться». Обижаться надо, когда ни единого отклика, когда писание как в вату проваливается.

А вот ещё из альбомов Ремизова: «Слово выше носителя слов». Тут каждый волен понимать, как пожелает, но разве это не гимн языку!..

Совсем горячо, когда Ремизов регулярно возвращается к тому, что только чувство возбуждает мысль. Вообще-то мысль может обходиться и без чувства, как слово без образа. Но «основа мышления – чувство», – на этом стоял писатель твердо, ибо «...живое без чувств не существует». Несмотря на «взвихренные» высказывания, его проза всегда имела крепкую композицию, да и с идейностью у него всё было в порядке, хотя идеи в ремизовской интерпретации и не лезли нагло в глаза.

Под занавес привожу ещё один замечательный завет всем пишущим от Алексея Ремизова: «Чтобы научиться писать, надо научиться чтению книг».

Учиться же, как все знают, никогда не поздно...

«Мы живем в мучительное время...»

«Достоевский живет в нас. Его музыка никогда не умрет». Эту цитату В.В. Розанова использует в эпиграфе к своему капитальному биографическому сочинению «Достоевский», вышедшему в серии ЖЗЛ, исследователь творчества русского гения Людмила Сараскина.

Более 800 страниц текста упали в самую сердцевину не утихающей, а в последнее время разгоревшейся с новой силой острой дискуссии о национальном и мировом значении и векторе влияния писателя Федора Достоевского.

Можно ли, желая добра людям и неся эту свою ношу «через все преграды», одарить человечество неслыханным злом? После Достоевского ответ очевиден.

Ещё вопрос: почему за рубежом Достоевский с его бессмертными книгами занял такое емкое место в литературной классике? Правильно прочли и отрефлексовали его шедевры, регулярно делают новые переводы, при этом, зачастую, как в той же Америке, даже не знают о том, что Достоевский – русский писатель. А мы что же? У нас в угоду политического момента оценки творчества Достоевского неоднократно менялись на противоположные: достаточно напомнить, что с 1928 по 1954 годы книги писателя в Советском Союзе не выходили. Моё поколение училось в школе в 60-х, Достоевского в литературной программе даже следов не было, задумайтесь, отчего русского гения изгоняли из советской школы?

Сараскина начинает колокольно с ленинских оценок Достоевского: «Архискверный», «реакционная гадость», – так вождь припечатывал писателя, раскрывшего суть революционного движения, и революционеров ещё назвал в романе «бесами». Горький во время первой русской революции объявил двух главных врагов России – Толстой и Достоевский: «Я не знаю более злых врагов жизни, чем они», – вещал будущий классик соцреализма. «Мещане», «преступная работа», – это у «пролетарского» писателя о

литературных классиках. Удивительна жизнь на сюрпри-зы; позже Максим Горький развернулся на 180 градусов, провозгласив Толстого и Достоевского «двумя величайшими гениями», но оговорки нехорошие всё равно оставил. В 1913 году Достоевский стал у него «злым гением», а на Первом Всесоюзном съезде советских писателей Горький заявляет: «...Его (Достоевского – В. П.) очень легко представить в роли средневекового инквизитора».

В издательстве «Академия» (перед длительным перерывом для книг Достоевского) успели выпустить третий том писем писателя, в предисловии которого обезопасили себя «тяжелыми» оценками: «Идеология фашизма... бесконечно ограниченнее и беднее того, что несколько десятилетий тому назад сказал уже на эти темы Достоевский».

Много позже, приручая писателя к текущему политмоменту, начали объясняться «полезностью» его отдельных произведений.

Шквал нападок в какой-то мере объясняет то, что полностью замолчать Достоевского было невозможно, потому-то он и получил право на биографию в Советском Союзе – колосса нельзя не замечать. А многие достойные не получили.

И вот время вновь изменилось, и Достоевский предстал в обновленном виде. Исследователи продолжают искать ключ к личности гения, чтобы открыть скрытую жизнь, найти и расшифровать тайны души, исследуя вслед за писателем самые опасные и преступные бездны человеческого существа.

«Жизнь, и святая, и преступная, шла внутри и создавала свой странный фантастический мир», – так писал исследователь. А прорывался ли этот мир на поверхность, в реальность?..

Сараскина своими книгами о Достоевском, в числе которых жэзээловский том не только двигает науку и проводит историческое исследование, но и решает художественную задачу, сотворив значительное биографическое произ-

ведение. При этом Достоевский у неё — цель, а никак не средство. Автор «Достоевского» не обещает легкой жизни читателю, уже с «Предисловия» решительно забирает читательское внимание в плен, погоня мысли и прогоняя их авторскими бичами через девять частей (не намек ли на девять кругов ада?), в каждой из которых, кроме части первой, по пять глав — вновь магия цифр.

Все исследователи пытаются объяснить, разложить по полочкам свою тягу к Достоевскому, страсть к его произведениям. Не исключение и Сараскина, которая, судя по написанному ею о классике, обожает своего героя, преклоняется перед ним. У нашего биографа, что, конечно же, огромный плюс, в наличии настоящий достоевсковедческий энциклопедизм, сам себя выпукло демонстрирующий в этой книге. Импонирует и то, хотя автор не открывает новых Америк, что исследователь идет от биографии к писательским текстам, ибо львиная доля сочиненного Достоевским включает биографические послы, расцветиваемые работой сознания с подсознанием.

Общим местом стало то, что отец писателя бедный лекарь. «Отец... очень часто повторял, что он человек бедный...», — записал брат Федора Андрей. Однако у него были крепостные. В бедных, как упирают биографы, квартирах оказывались в наличии горничная, прачка, няня, кухарка, ещё и кормилица. «Скромная обстановка квартиры лекаря при его малых возможностях...» — резюмирует Сараскина. Для дворян, конечно, скромная. Но...

С самого начала своей книги Сараскина предлагает читателю научно-генеалогическое приключение, с переступком на стыках эпох, чтобы вывести на обобщение: а Достоевский-то, оказывается, предвосхитил советского человека в своей судьбе, с ослабленными до паутинки родственными связями. Он сам в том пример: дворянин, а в родословной зияют белые пятна, несолидно как-то. Спасибо жене, расстаралась и, что смогла найти, восстановила.

Читали вслух семейными вечерами. Замечательно, в первую очередь для детей! Наверное, это, в числе прочего, повлияло на то, что Федор Михайлович выбрал писательство как смысл жизни очень рано. За месяц до 18 лет пишет: «Я в себе уверен. Человек есть тайна. Её надо разгадать... я занимаюсь этой тайной...» Вот и жизненная программа, которую очень любят цитировать. Но как же много в его творчестве, а значит, и в мыслях, занимают смерти его персонажей, умирающих обильно и самыми разнообразными способами, чаще всего насильственно. «Смерть – его ремесло», – так можно перефразировать знаменитое высказывание.

Достоевский – человек крайностей, всегда и везде «доходил до предела, всю жизнь» переступавший черту, – не будем повторять хорошо известные факты. Думаю, жить рядом с гением по этой причине было мучительно.

Литературный взрыв – так начинающий писатель вошел в большую литературу своим самым первым произведением «Бедные люди». И следом катастрофа человеческая и писательская. «Этот ад», – так он сам определил. Каторга, солдатчина, литературная смерть. И бесценный опыт: «Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его».

Очень важно, что писатель обретает веру в Бога (у Достоевского это любовь к Христу – В.П.): «...*В вере* (а не в сомнении или неверии) и содержится истина». Ну и впоследствии литературное воскресение писателя важно и сенсационно, если использовать опять-таки современные оценки. Его новое мировоззрение современники назовут «церковно-монархическим империализмом». Много ещё чего скажут, часто обидного – как и почти всегда происходит с великими писателями.

В судьбе Достоевского есть страницы, связанные с нашим индустриальным краем, он приезжает в Кузнецк (ныне Новокузнецк), где женится на молодой вдове Исаевой

(«любовный психоз!»). Эти дни достойны большого романа, есть множество исследований, среди которых не затерялась изданная в Кемерове книга Мэри Кушниковой и Вячеслава Тогулева «Кузнецкий венец» Федора Достоевского», с идеями которой Сараскина остро полемизирует. Жаль, что в иллюстрациях её биографического труда отсутствует фото с замечательного полотна кемеровского художника Германа Захарова, на котором изображены писатель и Исаева, – эта картина для долгого-долгого всматривания-прочтения.

А как Достоевский определил сущность входящего в моду в его время социализма, которая «состоит лишь в желании повсеместного грабежа всех собственников классами неимущими, а затем «будь что будет»! Мода-то эта живуча для нашего народа до сих пор, ещё и неизвестно удастся ли изжить.

Писатели-гении остаются в истории клубком мысленной магмы, причиняющим боль, при стремлении наложить эти мысли на действительность, легко изменяют плюсы на минусы, и вновь на плюсы, и так – бесконечно, в зависимости от горения (тления) общественного от тех или иных идей.

В постсоветское время Достоевский поменялся в знаке на противоположный: сегодня он – мыслитель консерватизма и охранительства, потому и вновь ненавистен радикалам-революционерам, «своре прогресса».

Достоевский – ясновидец, более того, пророк: всё случилось как он провидел. Его «бесы» – как «кошмар мистических экстазов и психопатии», – ясновидение и провиденциализм в чистом виде. Как все это, вырывающееся и кипящее, удастся охватить исследовательской страстью, то тайна и заслуга Людмилы Сараскиной. Открывать белые пятна, которых и до сего дня предостаточно в родословной, образе и творчестве Достоевского – голубая мечта многих исследователей. Однако захватить читателя, пока-

зять жизнь своего героя-гения плотной до чрезвычайности, какой она предстает под пером Сараскиной, – подобное дано редким исследователям. Её стиль – ничуть не унылая наукообразность. Вот только один образец: «Лицо героя (Ставрогина из романа «Бесы» – В.П.) писалось как будто поверх другого изображения; оставляя без изменения контуры и линии, неистовый художник «портил» живопись – перемешивал краски, менял, оттенки, сгущал тени». А ведь это поэтический язык, поэзия ученого, можно определить и так.

Достоевский в 1878 году написал: «...Мы живем в мучительное время... вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной». Будто о сегодняшнем времени.

...Удивительно, но самодержцы российские с родственниками, после возвращения Достоевского в число главных писателей-мыслителей России, читали и почитали гения, приглашали на встречи-чтения, по мере возможностей помогали. Вот в этом уже нет никакой переклички с нашими днями: современных писателей, режущих по живому, власть держащие ныне предпочитают в упор не видеть, да и читают вряд ли.

Дорога в ад

Книга «Елтышевы» Романа Сенчина о деградации тех, кого мы по привычке называем простыми людьми, в нынешние, беременные страхом исчезновения страны и нации, времена.

Жила-была семья; муж – милиционер, не сделавший карьеру, капитан, дежурящий в вытрезвителе, жена – библиотечкарь, два сына, один – сидит «пятерик» за драку с увечными последствиями, второй – двадцатипятилетний балбес – ни тятя, ни мама – блаженный и лентяй из тех, каких русский народ метко называет «недоделанными». Вообще-то это прозвище можно запросто приложить ко всем Елтышевым.

Оглянемся и уязвимся от таких соотечественников, коих пруд пруди, – живут растительной жизнью, советские порядки нисколько не мешали такому укладу, более того – растительножизние в какой-то степени поощрялось.

И тут случился общественный слом, подкравшийся незаметно для них, как незаметно для древних римлян разлагалась их великая и необъятная империя. А наши-то Елтышевы живут по исповедуемому главой семьи принципу: живи, исполняй обязанности «и за это постепенно будешь вознаграждаться». При этом главный Елтышев даже себе побаивался признаться, что к 50-ти годам жил «по обязанности, а не для души». Его жена сожалеет уже настоящему – не ту жизненную тропу выбрала, неправильную. А ведь это немалое искусство – при каждой жизненной развилке идти именно «своим путем». Но ведь многие без серьезных душевных издержек проходят дорогой, которую преподносит безразличная судьба – и ничего, уходят на тот свет в спокойствии.

Наверное, у Елтышевых так бы и произошло, не случись страшного обвала привычного всего и вся в стране,

затевявшей «обновление», которое власть обозначила как «перестройку».

В романе спокойно, без излишнего плеска эмоций рассказывается о легкой дороге в жизненный ад, когда всё вокруг вдруг становится жухлым, старым, гнилым. И жизнь в целом гнилая. А вокруг масса униженных и оскорбленных нового времени, безвольно плывущих по течению «детей» советского прошлого.

Елтышевы потеряли квартиру в городе, отец чудом не оказался в тюрьме и в конце концов втроем причаливают в деревне, где когда-то давно начинался путь наверх матери семейства. Бытие определяет сознание – помните такую очень модную формулу из недавнего прошлого. Елтышевская среда обитания меняется мгновенно, они как будто на машине времени перескочили вспять, туда, где человек человеку даже не волк, а – вещь.

Бывшая библиотечка фиксирует «внутреннее сползание на дно жизни; когда моральные нити стали рваться одна за другой и недопустимое ранее стало допустимым, и в итоге стало допустимым всё...»

Писатель подробно разбирается в психологии трех Елтышевых, четвертый, самый младший – он «зэка», его возвращения из лагеря нетерпеливо ждут, лелея надежду: придет сын и всё наладится, жизнь раскрасится и опять потечет так, как это и должно. За всеми их мечтами – ужас скрытый и явный, не педалируемый писателем, но явно ощущаемый за обрывками мыслей и поступками героев.

Это страшное произведение о гибели человеческого в человеке разумном в обществе, где распадаются общественные скрепы. Такая людская структура обречена – это очевидно из произведения. Жизнь героев, которые, конечно же, имеют реальных прототипов, хуже смерти – Елтышевы буквально зачумлены смертью, они все скопом несут небытие самим себе и окружающим. Впрочем, их од-

носельчане ничуть не лучше, я не увидел ни одного светлого лица среди деревенских обитателей – маски или хари, иных тут нет, сколько ни всматривайся.

Сенчин накаляет градус повествования от страницы к странице, вот уже читатель осознает, что элементарные человеческие чувства – ответственности, честности, справедливости, все божьи заповеди, среди которых краеугольная – «не убий» – всё похерено, всё перестает существовать. Поход по кругам ада превратил старшего Елтышева в многократного убийцу, в сыноубийцу, наконец, пусть даже последнее преступление и случайно, и непреднамеренно, но это наказание неизбежное родителю.

Главное, что зияет отсутствием у Елтышевых перед посланными им жизнью испытаниями, – это их абсолютное безбожие. Пожалуй, вера – та соломинка, которая могла спасти, но они не удосуживаются заступить на длинный и трудный путь к Богу, наоборот, избрали тропинку личной алкоголизации, да ещё и напрямую способствуя распространению алкогольной отравы – дурного спирта среди деревенских.

Впрочем, Бога в романе нет и для всех остальных. Изображенный муравейник из двуногих обречен на деградацию, доходящую до донышка. После падения должен начинаться подъем, пусть микронами, но путь вверх. А этого нет, автор не оставил героям и читателям крохи надежды. Младший Елтышев – последняя ниточка для отца с матерью – убит в первый же вечер по возвращении. Убийцу, конечно же, не нашли, да и не искали.

Следом умирает отец. Мать – не живет, хотя существует, находясь на дороге к ушедшим отцу и сыновьям, которой скоро конец. Окружающим всё до лампочки – человек человеку никто.

Но существует легчайшая паутинка, о которой вспоминает истаивающая Елтышева – родной внук. Невесомая

нить рвется – пятилетний малыш, родная кровиночка не признает бабушку, не помнит отца, считая родителем нового сожителя своей «легкой на передок» мамочки, даже фамилия у мальчика другая.

Кромешный конец...

Понятно, почему такая книга, попадая в короткие списки престижнейших российских книжных премий, оставалась без наград. Роман имеет мощную энергетику, хотя, на первый взгляд, написан отстраненно и хладнокровно. В нем нет обилия метафор и языковых украшательств, но там, где требуется, эпитеты и краски языка поют и играют. Премияльные организаторы и финансисты-спонсоры на генетическом уровне чувствуют опасность таких произведений для общества и власти, получившихся у нас в результате новой революции.

Не ладно что-то в датском королевстве...

(Пока готовилась книга автор получил несколько литературных премий за свой роман, не самых главных, но все-таки был отмечен).

Вселенная Сибирь

Счастливым случаем познакомил меня с писателем Михаилом Тарковским, побывавшим недавно в Кемерове. Знакомство обернулось получением в подарок его трехтомника художественной прозы, увидевшего свет в новосибирском «Издательском Доме «Историческое наследие Сибири». Да и дарственные надписи автора – в трех разных вариантах – немало стоят. А сверх того ещё и первый давний – выпуска 1991 года – московский поэтический сборник («дипломная работа», – объяснил сочинитель) был добавлен к дареным книгам после короткого разговора с их автором.

Михаил Тарковский родился в Москве в 1958 году. Он племянник великого кинорежиссера Андрея Тарковского, получается, что внучатый племянник замечательного русского поэта Арсения Тарковского.

Человек редкой жизненной крепости, о чем в полном мере свидетельствует его жизнь на суровом севере Красноярского края – вы видели хотя бы ещё одного москвича, добровольно проживающего в Сибири? – он после окончания Московского государственного педагогического института по специальности география и биология работает на Енисейской биостанции. И уже в двадцать лет становится штатным охотником, затем – охотником-арендатором в Туруханском районе. Помните это географическое название, связанное с местом ссылки Иосифа Джугашвили? Впрочем, об этом у Тарковского ни слова. И правильно: современная Сибирь дает писателю такое огромное поле для творчества – ни в сказке сказать, ни пером описать.

Прозаик работает настоящим сочным сибирским русским языком, традиционным, на каком говорят и мыслят сибиряки-красноярцы, но и лично обновленным, на-

сыщенным авторскими витаминами. На этой грядке можно «пасть» долго, тем более что соперников-литераторов раз-два... Для незнающих приводится словарь в конце каждого из томов. Мне, выросшему недалеко от Енисея коренному сибиряку, нет нужды нырять за смыслом в словарные пояснения – сибирский (енисейско-красноярский) диалект «великого и могучего» получен в дар бесценный с молоком матери. Но как это чудо постиг москвич, то только наличием таланта слышать и запоминать можно объяснить. В то же время корневой, глубинный языковой фирменный «тарковский» стиль, да и смысл тоже, поражает воздушностью, легкостью возникновения в их гуще тем и сюжетов.

Наш сегодняшний разговор всего лишь об одном из новосибирских томов Михаила Тарковского: «Енисей, отпусти!» Кстати, название – вот незадача! – на крышке переплета в двукратном повторении дано неверно: «Енисей отпусти». Верное – на титульном листе. Казалось бы, всего-то запятая и восклицательный знак упущены издателями, но, сколько энергетики сразу испаряется...

«Енисей, отпусти!» – сборник рассказов и повестей, если использовать жанровую терминологию. Но это неожиданная проза, взрывающая все терминологические ограничения. Можно назвать её и бессюжетной, если бы этим особенности произведений объяснялись, или исповедальной, если таким термином опять-таки всё исчерпывалось бы. На самом деле, короткая проза Тарковского – это словно глыбы, вырубленные из жизни и описанные-объясненные словами. Автор не вымучивает литературу, а радуется и словно творит возвышенную молитву. Её прочтение глазами не только грузит мозги по полной, но и одновременно – парадокс, да и только! – проветривает «серое вещество», меняет горизонт восприятия.

О ком и о чем рассказывается? Герои Тарковского — крепкие, сильные люди, рядом с которыми мельтешат по своим немудреным делам персонажи слабые, проалкоголенные до костей, либо просто ленивые по жизни, мало ли таких видим мы все в ежедневном жизневерчении.

Главный герой — это, конечно, сам писатель и охотник в одной ипостаси. Знаю по прошлому деревенскому обитанию, как легко прикипают некоторые люди к охоте и бытованию на природе. Жизнь по-настоящему природная встает в полный рост в прозе писателя, жизнь, означающая, что не покорители природы торжествуют, а всего лишь глубоко мыслящая часть её, которая взаимодействует с немыслящей, не отделяясь и не выделяясь, не возвышаясь — а на равных: взял у матери-природы, отдай что-то взамен. Вот тогда и появляется надежда на гармонию отношений. Всего лишь надежда, которая ещё реализуется ли?..

Наверное, поэтому у Тарковского и язык особый, вязкий, потому, что человек не херувимчик, а огузский от жизненного опыта, словно корабль, усыпанный налипшими ракушками, движется по бытию к своему окончанию. Но это и светлый язык, чувства вызывает совсем как у Поэта: «...И чувства добрые я лирой пробуждал».

Нельзя, живописуя простую жизнь, обойти тему алкогольную, которая в Сибири вырастает в такую гору-монблан, никакой юмор не спасает, когда гнетёт и воняет душа в паленой спиртыге, оставляя после выжженной гари злобу со смертью, воровство и великую ложь, в конечном итоге — распад человеческого. Как мухи, попавшие в пьяный оборот люди, бьются и мрут у Тарковского, и не многим удается возродиться в жизни. Вспоминается, как ушел из жизни один из близких мне односельчан, замерз в ледышку под сурово-морозный Новый год в нетопленном из-за запоя доме. Да один он разве, так глупо окончил свой жиз-

ненный путь? Могу навскидку вспомнить до десятка фамилий только из нашего поселка подобных «замерзантов».

Но через раздражение к глупому миру Тарковский выходит на осмысление бытия, которое творится в глубинке, там, далеко в Сибири, где мужики затевают строить новый дом, творят настоящее и будущее извечным способом — трудом, охотой, продолжением в детях и внуках.

«...Переполненная счастьем душа», — говорит о главном герое и о себе писатель. И этому веришь, потому что зверь и рыба, полные жизнью солнца и лада, и человек, который берёт от всего сущего, столько, сколько ему требуется, от дара Бога получает свою частичку для пропитания, и тоскует по красоте, и самостоятельно решает великий вопрос долгов перед Дарителем.

Вот герой по имени Митя — мягкий (приятели о таких говорят — рохля), а в самой сердцевине твердость мужицкая: променял «птичью работу» орнитологом на уход в одиночество, в тайгу, вслед за мечтой. Но ведь его ещё и микроб писательства поразил, заставил вмыслиться-вчувствоваться в жизнь и судьбу.

Эта проза буквально вопиет: русский человек без красоты природы погибнет. Но и без пищи духовной вряд ли жизнь будет счастливой. Потому-то, утопив на речном пороге книги, которые предназначались для отдохновения душевного в редкие свободные часы в охотничьей избушке, герой-автор обретает почти чудом забытый и истерзанный томик Пушкина — стихи с прозой. Значит, жить будем!

Цитировать Тарковского можно бесконечно. Он не боится, напроочь отвергая современную литмоду на скоропись, развернуть описание человека на несколько абзацев, да и в дальнейшем, раз за разом по ходу дела не забывает добавлять к облику говорящие в полный голос черточки. А как симфонично звучит в его прозе природа: совсем мало кого из современных писателей можно поставить рядом.

«...Тихо плескался Енисей у ног. Плескался как близкое существо, как старший брат, с которого берут пример, по которому равняют свою жизнь...» – разве можно «глотать» такое, как дешевое чтиво. Вот автор плотно и осязаемо пишет человека: «Мышц у него было мало, брал жилами, крепко приросшими к суставам. Локти, обернутые сухожилиями, казались особенно большими и бугристыми, как нарост на сухой елке. И сухожилия его, и кости, и хрящи казались сделанными из другого, особо плотного вещества». Но как же много писатель «поручает» окружающему: «А может быть, природа – самый простой язык, на котором небо разговаривает с людьми?»

Чистая хрустальная поэтическая проза!

Часто спрашивают, а где они, живые классики в современной русской литературе? Да вот же один из таковых, живущий рядом, среди народа сибирского, Михаил Тарковский, творчество которого будет ещё и прирастать, и полниться.

Энциклопедия Сибири

Том за томом продолжает полниться общесибирское историко-художественное, литературно-публицистическое издание альманаха «Тобольск и вся Сибирь» – проект издательского отдела благотворительного фонда «Возрождение Тобольска», принятый к исполнению ещё в 2003 году, после совета со многими сибиряками, среди которых был и крупнейший прозаик Валентин Распутин.

Это первая реализованная издательская идея для всей Сибири в истории Зауралья. Её название подчеркивает особую значимость Тобольска для судеб сибирского региона, так как именно этот город был определен на роль административного центра огромного восточного края России ещё указом Петра I. А название альманаха подсказал В. Распутин.

Десять томов вышло, каждый номер посвящается одному из исторических сибирских городов или сибирскому региону. Есть заявки на очередные выпуски, есть предложения от издателей для Кузбасса и, в частности, для Новокузнецка. Писатели, известные государственные деятели, священнослужители, историки, археологи, этнографы, художники, искусствоведы, фотомастера, публицисты, краеведы методично, но с творческой искрой, создают образ «великой и, могущественной, способной покорить мир не одними своими земными дарами, а ещё и красотой своих духовных свершений», Сибири.

Выпуск десятый озаглавлен: «Триста лет учреждения Сибирской губернии». Сначала на этом месте был выстроен привычный для того времени острог. А уже в 1590 г. Тобольский острог получает статус города, который определили в военно-административный центр всей Сибири.

Актуальность опыта предков бесценна: к примеру, сегодня пытаются искоренить коррупцию, а вот как писал на

близкую тему, прибывший в Сибирь с особыми полномочиями, небезызвестный Сперанский, когда добрался до Иркутска: «Если в Тобольске я отдал всех под суд... то здесь оставалось бы всех повесить». Но, сибирские «авгиевы конюшни» тогда удалось вычистить в короткий срок. Однако всё, как и в наше время, быстро вернулось на круги своя, затянулось ряской по уезду грозного столичного человека.

Ещё «картинка»: Тобольск уже стоит больше века, когда в него назначается первый губернатор Сибири князь Матвей Гагарин. Он правит только три года, после чего его за мздоимство судят и казнят (повесят). Крут был, однако, на расправу император-батюшка.

...Сибирь – загадка или ясна до донышка? Что такое Сибирь? Фантом имперского сознания или безоглядность свободы? И то, и другое, и что-то ещё. А если поставить вопрос по-иному: Сибирь – это драма или счастье? Опять и то, и другое. Но сибирский миф и сибирский мир – реальность, недаром многие записывают при переписи в графе национальность уже в наше время: «сибиряк». А песни-то какие: «Сибирь, Сибирь... Горжусь, что я твой сын». Ведь совсем не зря уже с XVI века Тобольск стал и гражданской, и духовной столицей этого необъятного края, сыновья которого гордились местом своего сурового проживания. Есть, он, сибирский дух, есть отличия аборигена от всех прочих, дальних и ближних. Тот же Распутин, зная многое изнутри, пишет: «Сибиряк – это не только толстая кожа, привыкшая к морозам и неудобствам, и не только упрямство и упорство в достижении цели, выработанное местными условиями, но также и неслучайность, глубокая и прочная укорененность на этой земле, **совместимость человеческой души с природным духом**».

Сегодня Сибирь «кормит и обогревает и Россию, и полмира», – так пишет екатеринбуржец Арсен Титов в де-

сятом томе этого энциклопедического издания. С этим утверждением даже и не спорят: Сибирь росла во времени, и прирастало богатство государства российского.

Возьмем только одно из сибирских сокровищ, постоянно возобновляемое при рачительном хозяйствовании, – сибирскую лиственницу. Мне довелось в детстве собрать большое количество лиственничных шишек, лазая по смолистым стволам и сдавая их на семена в «Роглавлессадпитомник», в народе прозываемом «Шишкотрестом». Семена же, получаемые после обработки, как нам говорили леспромхозовские, за валюту продавали в Канаду. А сколько посадок молоденьких деревьев пришлось освободить от сорняков – до войны и в войну лиственницу рубили беспощадно, но ведь и восстанавливали же! У эвенгов, живущих в Якутии, совсем не зря в языке – дерево и лиственница – синонимы.

А сибирские пельмени? Ведь почему-то именно здесь это блюдо стало знаменитым на весь мир. А потому, что наилучшим образом соответствует Сибири, её природным условиям и сибиряку. Об этом тоже можно прочитать в книжке «Тобольск и вся Сибирь» – десятой по счету.

Альманах, как считает известный русский критик Валентин Курбатов, есть «признание в любви Сибири и её людям». Альманах, как когда-то землепроходцы, движется с Запада на Восток, от Урала к Берингову проливу, делая доброе дело: связывает в единое целое, смыкает людей и природу. В этих книгах публикуются данные из архивов, воспоминания, публицистика, стихи, художественные тексты, а живопись и фотографии какие!.. Созидается Энциклопедия Сибири. Дошли до Иркутска, о котором – отдельный выпуск.

По большому счету сибирский патриотизм есть органическая часть целого – патриотизма российского. Недаром же именно в Кузбассе родились крылатые слова о

«духовном поле провинции». Так было и так есть: «духовное поле». На этом поле произрастают духовные плоды, среди которых искренность боли за свою родину, за русскую историю.

И опять обратимся к Курбатову: «Сибирь уже не прилепляется к России, а как будто перетекает в неё... они уже единое генетическое тело, которое без взаимного разрушения не разорвать».

Однако хаотичная действительность ставит много тревожных вопросов. Докуда дойдет урбанизация в Сибири? Что станет с сибирским селом? Погляжу на мое родное село-станцию с поэтическим названием Сон, сердце кровью обливается, исчезает на глазах: там, где находили средства к существованию тысячи, сегодня работают единицы. А раз так, то и клуб похилился, и библиотека еле теплится, и школа от безлюдья может прекратиться, и вместо больницы только фельдшер, да и надолго ли? Народ-то молодой уезжает в никуда, бежит. Да и сохранится ли сибиряк, как носитель духовно-физических черт и сибирского генотипа? А под боком грозный и миллиарднолюдный Китай, набирающий экономические мышцы и силы физические копящий. И это лишь часть вопросов, которые называются судьбоносными.

В меру сил и возможностей помогает в поисках ответов предмет нашего разговора – историко-художественный эпос Сибири, который уже назван «великим», *созидаемый* на наших глазах с подачи тоболяков.

«Намаз маслом глаз»

Жили-были Володя Худяков и Нинель Козлова с подругой Аней Голь в книжке 26-летнего Сергея Шаргунова «Как меня зовут?», изданной московским «Вагриусом».

Володя был «добр в противовес семье». Его отец, начальник милиции, «утопал в запоях, стрелял по стенам». Мать, «ведомая темной энергией, гордо носила на плечах череп со змеей». Забавная, надо признать, семейка.

Нинель – «засос банана с полусорванной шкуркой» (это в послевоенные-то годы?) – имела папу, «кипучего очеркиста журнала «Крокодил», разбившегося в самолете на третий день войны». Её мать «писала нечасто... повестиневелички». Володя в детстве успевал пасти коров, «был чист и запоен, мужествен и внушаем... с топориком в чреслах». Нинель – «порочна и беспомощна, с ресницами и блузками блудницы» (привет Андрею Белому времен «Петербургга»).

Кем они могли стать с такими кричащими родословными и фамилиями? Правильно, писателями. К тому же Володя с Нинель начали проваливаться в веру, переходящую в мистику, в «страстный чавкающий полумрак, пропадая всё глубже и безвозвратнее» (привет Юрию Мамлееву).

У озабоченных сорокалетних папы Володи и мамы Нины родилась не лягуха и не птица, не крысёнок, не девица, а мальчонка Андрей (с древнегреческого – «мужчина», «сильный», «храбрый»). Детство у него было под стать имени – исключительное, так как им озаботилась «глумливо-поварская, сочащаяся фартуком» няня Маруся. Совместно с родными отцом и матерью, она взяла кроху в такой оборот воспитания, что из всех углов потянулись темные обитатели, «взяли разбег кошмары, метко пришпоривае-

мые сказками», вкупе с причудливыми мифами (привет Алексею Ремизову).

Серое вещество под твердеющим темечком наполнилось всклень психологическими комплексами (привет Зигмунду Фрейду), среди которых удалось протиснуться даже «леди-наоборот, некой Жозефине Пастернак» – из разговоров взрослых запало леденящее имя «похитительницы-мумии, заманчивой, улыбочивой, загребущей» (привет автору «Доктора «Живаго»).

Конечно, началось чтение, у кого этого не было в детстве? Правда, литература специфическая. Среди книг «темно-синий бульжник «Жития» (привет русской православной житийной литературе), со страниц которого рвались огненные видения: «один казненный важно сошел с помоста за полетевшей главой и нес ее до кладбища, косматую с окровавленными позвонками и обрубком шеи» (привет Николаю Гоголю). Зато у мальчика была вера, впитываемая с детства, хотя не было друзей. Однако замену он искал: хотел задружить с коричневыми жучками, собакой или, на худой конец, с серебряными рыбками.

Затем начались хождения по мукам и жизненные университеты, с искусствами. Искус революции – раз. Соблазн демократии – два. Искус религиозный – три. Соблазн женщиной. Искуссы... Соблазны... Первый ожог алкоголем на выпускном вечере от литрового «Распутина» и первая познанная женщина. Наркотики. Тусовки. На каком-то этапе рассказчик-повествователь (демиург, всё знающий и наблюдающий со стороны) узрел Сергея Шаргунова: настоящий автор книги явился главному герою (а значит пришёл в текст) на телепередаче, как «литератор лет двадцати».

Потом случилось нашествие мух, которые «осадили» (привет Уильяму Голдингу), борьба с надоедливым жужжащим племенем. Не могла не проснуться идейность, «как

простуда, как жар, сгустивший кровь». И борьба с богачами прикатила, тут, как тут (привет Павке Корчагину). Далеко, однако, могла завести неистовость к «иным» в связке с ощущением безжалостности, когда «никого не жалко!»

Патриот и антифашист в одном стакане стакнулся с подружкой-гуманитаркой Викой Бычковой под партийным псевдонимом Лимон (привет Эдуарду Лимонову). Любовь была такая, что «нож к горлу», с изменой, предательством и прочими жуткими страстями (привет Владимиру Маяковскому, автору «Облака в штанах» и «Про это»).

Без искуса неверия не должно было обойтись. И не обошлось. Но в конечном итоге всё наладилось, недаром же с детства впитывались христианские постулаты. «Рай и ад с нами, при жизни, добровольно, по заслугам. Не топить ближнего. Не воровать из чужого невода!.. Не сманивать чужую жену...» – глаголет Андрей, из слышанного когда-то.

Без умирания такие произведения никак. Всё смертью для всех заканчивается на этом свете, как закончилось в книге для атеиста-гомика, редакгора газеты «Гапон» («Газета политических новостей», а ещё упоминается газета «Труп»), отпетого почему-то по церковному обряду. Так под знаком инобытия и расшифровывается вопросительное заглавие повести. Герой задается вопросом о собственном имени, за которым, конечно же, иные проклятые вопросы: человек ли я или «тварь дрожащая», в чем смысл моего пребывания на земле?.. Для мятущегося Андрея всё успокаивается (упокаивается?) профессией почтальона. Андрей Худяков превращается в вестника. Гонцов-вестников, либо казнили во времена оные за плохую весть, либо миловали и награждали за хорошую.

Милуем писателя Сергея Шаргунова за талантливый перепплав лексического и стилового литературного богатства великих предшественников в прозу с индивидуальным

почерком. Упомянутый Лимонов в полном восторге описал Шаргунову из тюрьмы: «Вы писатель, да ещё какой... Писатели такого рода – редкость».

Сергей Шаргунов, наследуя многим, о ком сказано выше, буквально купается в лексике. Вот только один пример, мелькнувший в тексте (подобных примеров не перечить), прямо указывающий на поэтическое прошлое автора: «Намаз маслом глаз».

В сборнике присутствует ещё одно произведение, жанр которого обозначен как «поэма» (вновь привет Гоголю с «Мертвыми душами»). В ней секс и любовь, взросление и ревность семнадцатилетнего паренька к 26-летней профуре из роковых женщин (привет пацанам-малолеткам, влюблявшимся в зрелых опытных обольстительниц и благополучно выжившим в этом жизненном опыте).

Геннадий Юдин – книжник Божьей милостью

Великий библиофил, издатель и благотворитель, красноярский купец Геннадий Юдин, без которого невозможно представить русскую книжную культуру рубежа XIX-XX веков, родился в Екатерининском заводе Тобольской губернии 28 февраля 1840 года, по словам родительницы, «в сорочке».

Он является главным героем объемной, с множеством ранее не публиковавшихся документов и фотографий, книги его правнучатой племянницы Инны Половниковой «Геннадий Васильевич Юдин. Жизнь. Библиотека».

Его мать подписывалась Иудина, Июдина, отец да 1860 года – Юдин.

Родитель писал в письме мужу сестры о собственном сыне, нашем герое в два года: «...Ужасно резов и жив как огонь».

Геннадий «начал помнить себя» с 5 лет. Жизнь была в переездах, дед, отец и дяди занимались, как это сейчас называется, «алкогольным бизнесом». Удивительно, что у Геннадия Юдина и Дмитрия Менделеева в детстве жизненные пути в Тобольске шли параллельно до 1849 года, когда будущий великий химик уехал в Москву – тогда разошлись навсегда.

Однако винокурение – дело этих двух семей – одному дало возможность выучиться и взобраться на Олимп науки, а купцу Юдину – собрать уникальную, более 100 тысяч томов библиотеку и полмиллиона единиц рукописных материалов.

Трудовой путь Геннадия начинается в 1852 году в сибирском городке Минусинске, где был поверенным в конторе питейных сборов, получается – в 12 лет! С 16 годов работает как взрослый, самостоятельно.

Судьба сводила его с интересными людьми, среди них, декабрист А.Ф. Фролов, у которого отец и сын Юдины оказались по службе в подчинении, и декабрист И.В. Киреев. В 1897 году Юдин обращался к первому директору знаменитого Минусинского музея Н.М. Мартьянову с просьбой «сообщить хоть что-нибудь о жизни в Минусинске Ивана Васильевича Киреева, которого я, бывши мальчиком, видал там... неоднократно». (В моей библиотеке находится несколько томиков Сенковского и Греча 1850-х годов с владельческими штампами Мартьяновского музея в Минусинске, погашенными уже советского времени штемпелями. Так хочется, чтобы Юдин в свое время поддержал в руках именно эти книжки).

В семье постоянно выписывали книги, ими обменивались, берегли, — наверное, здесь начало юдинского книголюбия — уже в 14-16 лет проявляет себя истинным собирателем.

Геннадью Васильевичу пришлось много попутешествовать по Сибири по рабочим делам, нынешний Красноярский край он изъездил в молодости — Ачинск, Ужур, Назарово, Минусинск, Красноярск и вокруг, хорошо знакомые мне места, в Балахте, где у Юдина был дом и, созданный на его средства, Леонидовский завод. Совсем рядом по сибирским меркам, в одном из сел Балахтинского района родился мой отец.

Собственная коммерческая деятельность Юдина открылась с начальным капиталом в 600 рублей в с. Балахтинское, Ачинского округа, Енисейской губернии, между прочим, в 16 лет!

Из **мещанского** сословия Геннадий переписался во временные кушцы г. Ачинска, потом в кушцы Минусинска — после выхода в 1865 году закона, позволившего записываться в купеческие гильдии лицам, не обладавшим крупным капиталом. Начало его купеческой деятельности сов-

пало с отменой откупной системы и установлением с 1 января 1863 года акцизной системы в России. До того откупщики покупали спиртное с государственных винокуренных заводов и торговали в розницу. А народ негодовал из-за цен. Потому-то и провели эту, одну из александровских реформ.

Естественно, что будущего купца воспитывали, образовывали в поведении и бизнесе родители и родственники. Вот как отписывал, в числе прочего, семнадцатилетнему племяннику родной дядя Алексей: «...Ты очень груб, надо быть со всеми ласковым, чтобы тебя все любили... Быть грубым не годится, ты ещё молоденький мальчик, ежели захочешь, то всё можешь из себя сделать». И еще в письме от этого же года: «...Если ты не исправишь свой характер, если будешь продолжать делать самовольство и слушание противу старших, то терлим при наших делах быть не можешь». Это только часть поучений приводимых автором книги Половниковой, да еще и с примерами из дядиного собственного «вырастания» из «мальчика» до «товарища хозяина».

В 28 лет отмеченный Богом при рождении Геннадий Юдин, выигрывает по билету лотереи петербургского банкира Блока 25 тысяч рублей (по другим данным 75 тысяч) – сумма огромная для того времени. Счастливчик прекращает торговые дела и едет в большое путешествие на Ближний Восток. Понятно, что не миновал и Москву с Петербургом – пожил в обеих столицах, завязав первые знакомства с «книжниками». Вернулся, возобновив торговое дело, а тут вскоре еще более грандиозный «главный» выигрыш по билету госзайма – 200 тысяч рублей! И вновь заграничное путешествие. Но уже с первого приезда посещал столицу ежегодно, заметьте, тогда не было Транссибирской железнодорожной магистрали.

Во второй приезд в 1875 году записался 2-ой гильдии петергофским купцом, каковым оставался до конца жизни.

Понятно, что страстный книголюб следил по книжным публикациям и о предпринимательском деле своей жизни – о новинках в технологии винокурения. А потом внедрял в производство, с выпиской новейшей аппаратуры из-за рубежа, с отладкой её на месте специалистами оттуда же.

В Красноярск Геннадий Юдин переехал в 1878 году с разросшейся семьей, ради образования детей. Всего же в их семье родилось 10 потомков, трое умерли в младенчестве,

Книг было огушительное количество для того времени, Юдин построил в деревне Тараканово (сейчас это в черте Красноярска) на Афонтовой горе двухэтажный деревянный дом из лиственницы без применения штукатурки, «чтобы книгам легче дышалось». Рядом дом поменьше – одноэтажный, там обитало семейство.

Современники и потомки начало книгособирательства Юдина определяют по-разному: кто-то указывает на 1850-е годы, известный филолог, собиратель, библиограф, историк книги и книжной торговли Павел Симони (1859-1939), с которым Геннадий Васильевич находился в активной переписке (как и с другими, связанными с книгой знаменитыми россиянами), писал, что юдинское «собрание книг приобрело значительную полноту» в 1894 году.

Но ведь были книги в немалом количестве уже в Балахте, в деревенском доме Юдина, эти тома в 1932 году вывозили на подводах навалом, балахтинцы-свидетели запомнили добротные переллеты.

Половникова отмечает, что собирательство Геннадия Юдина выросло естественным путем из детства в образованной для своего сословия купеческой семье, в которой отец и дядя к тому же были библиофилами.

Так что личность собирателя на редкость гармоничная и целеустремленная сложилась довольно рано, годам к 17, по словам биографа. Согласно письму родителям, Геннадий в полной мере осознавал свое собирательское предназначение: «Кроме выписки книг я, кажется, никуда больше не трачу лишнего, не выписывать же ничего вовсе не могу, потому что это как-то обратилось у меня в страсть, да и к чему, для чего удерживать эту страсть, тем более, что я в выборе книг, можно сказать, не ошибаюсь». Ему не было 16, но умудрился составить каталог своим приобретениям.

Он был истинным библиофилом, занятия библиотекой, по его словам, доставляли ему «необходимый от житейских дрязг отдых, невыразимое наслаждение».

На заре собственного собирательства Юдин определился с главной темой – Россия, её история и культура. До переезда в губернский Красноярск в течение двадцати лет складывалась, в основном по заказам и выписке, библиотека в селе Балахтинском. Но в зрелом возрасте посещал активно столичные магазины, знал всех известных букинистов, делал легендарные приобретения, о которых, конечно же, болтали почем зря все кому не лень из «книжного сословия». Юдин пользовался каталогами крупнейших букинистических фирм центральной России, универсальными и отраслевыми библиографическими указателями и изданиями. Кроме того получал книги в дар и с удовольствием дарил, изданные на свои средства. Занимался разысканиями, писал авторам, их родственникам, издателям, библиофилам, историкам, ученым. Собирал журналы, газеты, предпочитая комплекты. Биограф оценивает его книжное богатство следующим образом: «Собрание Юдина – это, прежде всего, выражение его души, итог долгого глубокого осмысленного и вдохновенного труда собирателя, на протяжении жизни он нёс в себе чёткое представление о том, какой должна быть его библиотека».

С 1877 года публикует учет приобретений и расходов, который строго заполняет. Он мог заявить в любой момент о точной стоимости своей библиотеки (по затратам на покупки): к примеру, за 1901 год истрачено 228 171 рубль 12 копеек. В 1903 году – примерно 260 тысяч рублей. Кстати, по расходам на библиотеку можно определить рост юдинских доходов от бизнеса.

Как по-разному его вспоминают. Красноярский врач Крутовский сообщал: «Юдин книг не давал никому». А как же тогда ссыльный Владимир Ульянов, пользовавшийся материалами юдинской библиотеки, получавший книги из неё даже в Шушенском? Ведь об этой-то ленинской странице жизни написана гора великая материалов. Да и другие авторы оставили воспоминания, как пользовались, работая в библиотеке, редкими изданиями. Значит, все-таки не скопидомничал.

Юдина знала библиофильская элита страны, в которой его признавали за своего. Письма известного букиниста Клочкова – «суший клад для исследователя истории русской книжной культуры», как и послания замечательных книготорговцев отца и сына Шибановых сохранились, они цитируются в книге Половниковой. Только последним он заказал по знаменитым шибановским каталогам, которые сами по себе сегодня являются мечтой многих из племени библиофилов, около 700 номеров. У них он приобрел алмаз русского книгоиздания «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева за 1790 год.

Юдина сильно занимала сибирская тема. Его Сибиряка восхищала, современник писал о библиотеке: «...Богата книгами о Сибири – путешествиями по Сибири, сочинениями по истории, археологии и этнографии Сибири». Юдинская Сибиряка была невероятно полна, как и великолепна книжная продукция века восемнадцатого.

Приобретал книги не только в двух столицах, но и в Киеве, Казани, Томске, в заграничных поездках, в последние годы – в Ялте и Сочи. Находясь в Красноярске, был в курсе всего, что происходило в книжном Петербурге, ему сообщалось о букинистических страстях, полыхавших вокруг книжных редкостей и библиотек.

К сожалению, о первоначальном составе юдинского полного собрания мы не можем судить: рукописный каталог библиотеки после революции 1917 года исчез без следа, как пропадали многие культурные ценности. Известно, что книги хранились в 120 шкафах, а также на столах (это видно на одном из книжных фотоснимков) и даже местами на полу. Хотя, в 1906 году после продажи книг в Библиотеку Конгресса США у Юдина оставалось два экземпляра каталога. Карточный каталог, отправленный с библиотекой за океан, утратил свою целостность, как и сама библиотека. Но при этом часть библиотеки Юдина в Конгрессе США называют «Юдинской коллекцией». Между прочим, именно в Библиотеке Конгресса в 1961 году выпустили «Eighteenth century Russian publications in the Library of Congress. A catalog», где даны описи русских книг XVIII века – упрёк нашей науке и специалистам, – до того времени у нас по этому периоду отсутствовала сквозная каталогизация. Только после выхода в свет этого американского издания в СССР, наконец, взялись за «Сводный каталог книг русской гражданской печати XVIII века». Но это к слову.

А у Юдина был в библиотеке ещё и великолепный библиографический отдел, полные собрания сочинений русских классиков в лучших изданиях, коллекция русских запрещенных изданий, вырезанные цензурой журнальные статьи, уничтоженные ею же книги, среди которых уже упомянутое радищевское «Путешествие...».

Судьба юдинской библиотеки несчастливая. Американская часть собрания растворилась в фондах Библиотеки Конгресса. Немалая её часть ушла в другие книгохранилища США. Какие-то тома, как дублетные издания, списали и отдали на продажу – кое-что вернулось в нашу страну, разойдясь по личным коллекциям, даже в Красноярске мне доводилось держать в руках юдинские книги.

Вообще-то заботой большинства собирателей, имеющих значительные коллекции, является судьба своего собрания после ухода из жизни. Юдин выделял одного из сыновей, как наследника книжного собрания. Но отпрыск, проявлявший интерес к книгам, рано умер, как и еще один сын. Пятеро наследников не проявляли интереса к страсти отца-библиофила, по закону библиотеку должны были распределить между ними, после чего, отец это четко предвидел, его духовное детище непременно распродадут по частям, распылят дело всей жизни.

Задача Юдина – определить библиотеку в одни руки. В России не нашлось ни частных владельцев, ни государственных учреждений, которые выразили бы желание приобрести юдинское собрание после его печатного объявления в 1898 году.

Через пять лет он решается дать объявление за рубежом. Цена определялась в 250 тысяч рублей – меньше её стоимости. Заметили в Соединенных Штатах. Половникова обстоятельно, с использованием множества писем и документов рассказывает об этих страницах истории библиотеки. Юдин стремился сделать свое собрание доступным для ученого мира. Только библиотека Конгресса США, проявившая интерес к книжной коллекции сибиряка, удовлетворяла этим условиям.

Переговоры велись длительное время, и тут случилась революция 1905 года, Красноярск восстал, а потом восстание подавили войсками. К Юдину представители револю-

ционеров приходили, вымогали деньги, в противном случае грозились подпустить «красного петуха» в его книги. Хозяин уникальной библиотеки занервничал, резко снизил цену до 100 тысяч рублей, переговоры ускорились. Даже Президент США Теодор Рузвельт одобрил решение о приобретении юдинского собрания, написав директору Библиотеки Конгресса: «Вы поступили очень мудро, и каждый американский ученый должен быть Вам лично признателен. Этим поступком Вы обеспечили Библиотеке Конгресса ведущее место...» В ноябре 1906 года началась упаковка. Юдин написал Ключкову: «Всех книг оказалось 519 ящиков, ...помещенных при отправке в пять вагонов. Рукописи остались сполна. Речь о покупке их была мною отклонена в самом начале переговоров...» 81 000 томов, с карточным каталогом и 200 аляскинских документов стали заокеанской собственностью. Ввиду незначительности расходов на её покупку означенная сумма была отнесена на счет общих расходов Библиотеки Конгресса, что позволило американцам определять библиотеку Г.В. Юдина как дар.

К слову, документы по Аляске были Юдиным скопированы, таким образом их содержание осталось в России.

17 марта 1912 года Геннадий Васильевич Юдин умер, похоронен в Красноярске, а вскоре в России сменилась власть. В СССР отношение к Юдину было, скорее, осудительное. Хорошо помню школьное 1970-х годов посещение Красноярского краевого музея, где впервые увидел огромную фотографию знаменитой библиотеки. Рассказ экскурсовода запомнился претензиями к Юдину за продажу книг, и пространной информацией о посещении библиотеки Лениным.

Потом много было прочитано разного и полярного о судьбе юдинской библиотеки. Кто-то обнародовал придумки и слухи, какие-то сведения противоречили друг дру-

гу. Тем более, что то, как обошлись со вторым собранием Юдина, подобранным им после продажи библиотеки за океан, и его рукописной коллекцией, предпочитали замалчивать. Ведь он собрал опять-таки с детства громадную и великолепную коллекцию рукописей. В 1907 году рукописный каталог этой части юдинского собрания по свидетельству члена-корреспондента Императорской академии наук, имевшего крупную и изысканную библиотеку, уже упоминавшегося нами Павла Симони, был составлен в трех томах, суммированным объемом в 7150 страниц в полный лист. Этот каталог, как и именной, и географический каталоги – всё исчезло после революции.

Рукописи оставались в Красноярске, До сих пор, может, где-то находится рукописный бриллиант – вырезанные цензурой страницы из рукописи «Мертвых душ» Гоголя, которые были у Юдина. Может быть, когда-нибудь найдется и пушкинский бесценный листок-автограф. Ведь нашли же в Красноярском краевом краеведческом музее собственноручное письмо Наполеона из юдинской коллекции.

Судьба второй библиотеки и рукописной её части, остававшиеся в Красноярске, были, можно сказать, трагичными. В 1920 году этот обширный архив, книги и дом были национализированы. В доме и библиотеке обитали разные учреждения. Шкафы с книгами и рукописями складировали в подсобных помещениях навалом, откуда они расхищались, уничтожались грызунами и сибирской непогодой. Очевидцы вспоминали, что при вывозе архивов, часть поклажи сваливалась с подвод в грязь, мальчишки подбирали. Судьба подобранного – гибель. Мне рассказывал один из авторитетных и знающих красноярских антикваров, что сваленные в деревянные лари подборки уникальной периодики с настоящими библиофильским жемчужи-

нами по истории Сибири, томились там вне помещений несколько лет, под снегом и дождем превращаясь в труху.

Что говорить о юдинских сокровищах, когда безграмотные крестьяне сожгли великолепную библиотеку Александра Блока, отдельные расхищенные книги находили любители по кладовым сельских домов в самом непотребном виде даже в послевоенные годы. И усадьбу Пушкина сожгли, книги палили на костре, мемуарист рассказывает, как поднимал, проезжая, подпаленные обложки пушкинских прижизненных изданий. Погибло огромное количество культурных ценностей. Здесь же всё это непотребство происходило рядом, в Сибири.

В 1940 году от 500 000 единиц хранения юдинского архива оставалось около 10 000, по данным 2001 года – 9104 единицы хранения, включенные в 102 описи. У Юдина было много дворянских архивов, документов купеческого сословия. Приобретая через антикваров, сам обрабатывал документы, записывал в каталоги, заключал в обложки из тонкой бумаги. Сравните вышеприведенные цифры и ужаснитесь утратам.

Его материалы (по некоторым данным в количестве 1705 документов), в основном, касающиеся деятельности Русско-Американской компании, попали в США. Вот эти-то документы и нашли поэтическое отражение в поэме Андрея Вознесенского «Авось», по которой поставили музыкальный шедевр, рок-оперу «Юнона и Авось», показанную и у нас в Кемерове. А памятник её главному герою Резанову встал на крутом берегу Енисея уже после поэтического и музыкального событий.

В 1957 году остатки юдинского архива везут в Москву, где уничтожают как целое, раздав самым разным хранителям: часть оставили в двух столицах, определили «по принадлежности» в архивы 36 областей, одного края, пяти автономных и шести союзных республик. Сотворили такое

вопреки мировой и отечественной практики не расформировывать личные архивные коллекции. В Красноярск позднее вернули 3877 единиц хранения из 9140. Сегодня некоторые рукописи находятся в частных руках и даже время от времени всплывают на рынке.

Грустно...

Дом Юдина сторел в конце 1999 года. Вообще-то здание его библиотеки сохранялось благодаря тому, что там когда-то побывал Ленин. В первые годы советской власти в нем размещалась колония морально дефективных подростков, затем школа, после музей. Музей счел возможным отказаться от охраны в начале 90-х. После «реставрации» библиотека начала разваливаться, внутри случился пожар, здание покосилось, но продолжало стоять. Половникова, заканчивая книгу, печально констатирует: «...По слухам снова реставрируется. Реставрация началась своеобразно: вокруг здания библиотеки был возведен забор из содранных с фасада библиотеки оконных наличников, а их верхними частями, украшенными солярным узором, «реставраторы» выложили тропинку к туалету на территории усадеб».

Видимо, совсем скоро реальным памятником Юдину останутся остатки его книг в книгохранилищах, малая часть сохранившихся документов (Юдин не продавал их в Америку, рассчитывая на пользу, которую они принесут его стране и народу), да работы о нем, среди которых книга Инны Половниковой – самый значительный труд. Он, как представляется, будет востребован, в первую очередь, специалистами и людьми «в теме».

Не удержусь от некоторых претензий. Книга могла бы быть покомпактнее, в ней присутствуют повторы, объемна информация о многочисленной родне, среди которой присутствует и автор. Любопытно, что одна из сестер собирателя жила в семье приемного сына в Новокузнецке. Таким

образом, юдинская линия протянулась и на нашу кузнецкую землю. Но, по большому счету, к главной теме – жизни Юдина и судьбе его библиотеки – эта «родственная» информация мало что добавляет. Понятно, что исследовательница, родственница и автор в одном лице, желала донести до читателя максимальное количество собранных фактов и документов, но все-таки, повторюсь, некоторые из них ничего не добавляют к теме книги.

...Жду выхода работы о Юдине, которую несколько лет писал мой хороший знакомый из Красноярска. Возможно, она выйдет уже в этом году. По крайней мере, каждая наша встреча в последние годы на красноярской земле, приводит к разговорам о Юдине, его судьбе и вкладе в культурное наследие нашей страны.

И совсем под занавес, о том, чего нет в книге Половниковой. Знаменитый российский книжник Дмитрий Ульянинский тоже был в переписке с Юдиным, приезжал к нему в гости, восхищался его сокровищами, подарил свою книгу – мечту многих коллекционеров «Среди книг и их друзей» (я имею такую в своем собрании в факсимильном исполнении), надписав: «Составителю и владельцу замечательного сибирского книгохранилища Геннадию Васильевичу Юдину от искренне расположенного автора. Москва, 21 марта 1904 г.» Драгоценный автограф не пропал, эту книгу родственница Юдина подарила знаменитому красноярскому библиофилу советского периода Ивану Маркеловичу Кузнецову в день его семидесятилетия. После смерти Кузнецова томик исчез из поля зрения. Наконец, узнаю из уст Бориса Варавы, одного из самых известных сибирских библиофилов и антикваров: «Книга у меня».

Так идет книжная эстафета – от собирателя к собирателю...

(После подготовки материала к печати, подоспел первый номер библиофильского журнала «Про книги» за 2012

год, в котором начали печатать в сокращенном варианте «Воспоминания сибирского книжника. Про книги и не только про них» Б.Н. Варавы. Там в иллюстративном ряду дана фотография переплета вышеназванного раритета и дарственной надписи Д. Ульянинского Г. Юдину.)

ИНЫЕ ЯЗЫКИ

Найти душу своего народа...

Первая публикация в России романа «По следам норвежца» выдающегося болгарского поэта и писателя Николы Инджова состоялась в литературно-художественном журнале «Университет культуры» №1-2 за 2011 год, выходящем тщанием Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

Произведение переведено на русский язык Людмилой Писаревой – женой Николы Инджова.

Автор проводит своего героя Найдена Найденова (говорящие по-славянски имя и фамилия) путями поисков какого-то непонятого поначалу норвежца. Зачем он его ищет? Что в тех поисках судьбоносного? Зачем эпический сюжет путешествия, с замахом, близким к гомеровской «Одиссее»?

Проза болгарского автора необычна нынешнему русскому читателю по стилю: мы, братья-славяне, отвыкли друг от друга за годы, когда два наших государственных корабля – Россия и Болгария – начали плавно расходиться: чем дальше шло время, тем труднее разглядеть некогда «братскую» литературу. А здесь в романе по-настоящему поэтический язык, напоминающий чем-то неуловимым романтическую прозу знаменитого в СССР Павла Вежинова и других больших писателей Болгарии. Романтизм и эпика в одном стакане? Такого не бывает, – возопят рьяные критики. Ещё как бывает: вчитайтесь в прозу Инджова и воочию увидите, как романтика перетекает в эпическое и наоборот.

Без разветвленной мифологии этого произведения с поэтическим языком тоже бы не было. Мифы – фундамент сюжетоосновы романа, словно корни, питающие рассказчика-героя, от лица которого ведется повествование. Мифология – пища и для эпической составляющей, и для романтической. Впрочем, ещё в начале романских поисков

сказано, что истлела память людская, именно истлела: никто ничего не помнит, ни рода своего, ни дней ушедших.

В этой ситуации Найденову предстоит кроме отыскания норвежца, которого все видели, что-то знают о нем, но общей картины не складывается, пока искатель не раскрывает таинственного смысла своего упорного поиска, подталкивая читателя к обретению родовой и, бери выше, общечеловеческой памяти.

А ведь и герои странные, и это ещё мягко сказано. Люди промежуточного времени, царствующего сегодня, все они поставлены в ситуацию выживания, сохранения своей человеческой сущности. И всё это сильно напоминает незабвенного русского классика Андрея Платонова, у которого тоже все прозрачно, а ничего поначалу непонятно, ускользает в потусторонность.

Но за всеми теньями и полутонами – одна из главных мыслей и сверхзадач: сохранение каждым героем собственного национального в себе, прежде всего, национальной культуры. Нам, русским, чуть легче: огромная страна, громадные миллионы соплеменников, – а и у нас тревоги по поводу судьбы этноса и среды его обитания язвят души. А теперь вчувствуйтесь в описываемую балканскую разноголосицу – волны переселений никогда не кончались, продолжают сегодня, все вокруг на полуострове друг другу родственники – дальние или ближние; не успеешь оглянуться, а национальной самоидентификации нет как нет, словно корова языком слизнула – варится котел из многих народов, на наших глазах возникают представители каких-то новых будущих народов, небывалых до того, создающих собственные языки, но ведь кто-то при этом исчезает или находится на грани национального исчезновения.

Что спасет? Ответ очевиден – свое национальное слово: «Вначале было Слово...» Из слова рождается культура нации. Когда Слово хиреет, культура скукоживается, народ

может куда-то запропасться, оставшись лишь в памяти, а иногда и стирается полностью. Древних римлян помнят, но кто вспомнит сотни и тысячи племен, ушедших в небытие. В романе одна из деревень теряет последнего жителя на глазах читателя, и герой, словно к смерти готовится, ожидая пришлых – неведомых, оттого напоминающих псоглавцев, не несущих с собой ничего хорошего, только утраты и ужас потустороннего мира. Именно Слово спасительно – таков краеугольный камень мысли Николы Инджова.

Автор, словно поэму раскручивает (наверное, это произведение можно назвать поэмой), ведя своих героев по родным дорогам, как героев древнего эпоса. Но и триллер в сюжет вплетается умело и к месту: таинственная загадка налицо. Разгадка придет постепенно, выстроившись деталями, а потом и всем своим телом вокруг нацистской идеи мировой расовой войны, примененной на практике гитлеровцами. Суть человеконенавистнического фашистского плана проста; забрать детей, рожденных от отборных самцов-эсэсовцев матерями самых разных народов, отобрать также детей, которые хотя бы немного напоминают стандарт арийца, – сделать из них новых янычар, вырастить тайных нацистских воинов будущего, готовых убивать по команде всех, на кого укажут истинные арийцы-господа. Эта программа получила название «Лебенсборн», что означает, «источник жизни». Для кого-то – источник, для других – крематорий.

Непохожих – уничтожить: так уничтожается, стирается будущее.

Найденов прожил чужое детство в немецком лагере для таких детей, но сохранил рудименты памяти от матери-болгарки, которые проросли и дали плоды. Он ищет норвежца, своего сводного по отцу-немцу брата, чтобы, как я понимаю, более полно понять себя и свою роль в подлун-

ном мире. Братья по отцу, но не братья по духу. А всё потому, что национальное разное, культуры разные. «Иначе и быть не могло», — так сказано в произведении.

Болгары находились 200 лет под византийским игом, 500 лет длилась неволя турецкая. Сегодня же братья-славяне, как и мы, воюют сами с собой, каждый внутри себя затеял войну. Когда-то фашисты стремились перековать 200 тысяч детей в тевтонцев. Сегодня болгар пытаются перековать в иной народ, как, впрочем, и многие иные народы. Писатель подводит к мысли: быть болгариним — это судьба. «На болгарина нагромождено многое из прошлого, его надо пережить». И ещё много самых необходимых качеств болгарина приводит автор устами своего героя в конце романа.

А вообще-то в романе очень многие герои — чудики, помните, как у Шукшина, живут в самых веселых и непредсказуемых извивах жизни и веры, словно в божественном Иерусалиме. Может, поэтому печальное в основе своей повествование о расчетах с прошлым и опаски вырвавшегося из нормальности будущего светится каким-то внутренним светом. В этом свете проступают афористичные фразы автора, примеров коих множество. Они ещё и поэтические к тому же, вчитайтесь: «Старость — это преддверие в ничто». Или: «...Когда кончается человек, время обретает бессмертие».

...Имя героя — Абрашевец, по-болгарски «Светлоголовый». А Найденов он, потому что такие имена давали найденным беспризорникам. Он ищет себя, свою душу, душу своего народа, и, надеюсь, эти мучительные поиски будут удачными.

Гений из Колумбии

Московское издательство «Слово» выпустило громадную по объему, чрезвычайно интересную, с множеством малоизвестных, а то и вовсе сенсационных фактов книгу о прижизненном литературном классике Габриэле Гарсиа Маркесе, которому на днях исполнилось 85 лет.

Специалист по латиноамериканской литературе из Англии Джеральд Мартин 17 лет работал над биографическим трудом о своем кумире, написал текста на несколько томов, которые мечтает издать позднее, но необходимость результат своих невероятных усилий выдать в виде одного тома для широкого читателя, успеть это сделать при жизни героя повествования, заставила поторопиться. Книжка-кирпич вышла на английском языке под названием «Gabriel Garcia Marquez. A Life» в 2008 году и довольно быстро появилась в очень приличном русском переводе: «Габриэль Гарсиа Маркес. Биография».

...Хорошо помню студенческие каникулы начала 70-х, когда в нашей поселковой библиотеке мне попался в руки томик, изданный в популярной серии «Зарубежный роман XX века» под тоскливым названием «Сто лет одиночества» с неведомым автором, латиноамериканцем Маркесом.

Открываю, читаю первые строки: «Пройдет много лет, и полковник Аурелиано Буэндиа, стоя у стены в ожидании расстрела...» Колдовские слова с каким-то магическим влиянием вмиг врезались в сознание. Читал с восторгом и упоением. Мысли уносились вслед за написанным из реальности в невероятное. Дождь в Макондо – месте действия романа – мог идти годами, и рыбы начинали плавать в воздушно-водяной среде, шевеля плавниками. В родственниках и многочисленных потомках, законнорожденных и незаконнорожденных, запутываешься, сломав мозги, но проза, которая как я узнал позднее, называлась магическим реализмом, притягивала и не отпускала.

Это была великая книга, которую ныне по значению и воздействию на человеческое сообщество и литературу многие сравнивают с «Дон Кихотом» Сервантеса.

После этого романа прочитывалось всё, выходящее на русском языке под фамилией Маркес, как и написанное о нем. Сорокадвухлетний писатель в 1982 году получил литературного Нобеля, став самым молодым лауреатом самой престижной премии в мире литературы.

Биографическая книга о выходе из Колумбии заинтересует не только литспецов, занимающихся литературой профессионально, но и всех, кто любит творчество самого известного представителя магического реализма, которого, с полным на то основанием, можно числить среди десяти, а может, даже и пяти самых гениальных писателей за всю историю человечества.

Маркес родился в 1927 году в Колумбии старшим ребенком в многочисленной семье (интересно, а сам писатель, имея десять законных братьев и сестер, до конца ли узнал всех своих незаконнорожденных родственников?) Он появился на свет, по словам служанки, «в сорочке», с открытыми глазами, которыми сразу стал водить по помещению.

Писателем номер один в Южной Америке стал, опубликовав в 1967 году свой феерический роман «Сто лет одиночества». После этого Аракатака – городок с большинством неграмотных жителей, немощными улочками и без канализации, в котором он воспитывался в семье деда, и, который назвал Макондо, – стал реальным местом с волшебным течением времени и удивительными жителями-личностями.

Маркес годы и годы жил бедно, сегодня он – богатый человек. В настоящее время из-за проблем со здоровьем совсем не дает интервью, но ещё недавно изредка, чаще же вовсе отказываясь от разговора, он за получасовую беседу получал до 50 тысяч долларов.

В книге Мартина сразу после предисловия даны карты страны рождения писателя, но не обитания — живет он, в основном, в Мексике, разъезжая по всему миру. Ближе к концу увесистого тома приводятся генеалогические древа семей матери, отца, деда писателя и, для наглядности и сравнения, семьи Буэндиа из романа «Сто лет одиночества».

В старости Маркес выпустил свои мемуары «Жить, чтобы рассказывать» со следующим эпиграфом: «Жить — это не то, что человек прожил, а то, что он помнит и как об этом рассказывает».

Маркес, как любой великий человек, наплодил о себе столько мифов, что трудно разобраться, где реальность, а где вымысел. Поэтому на многие факты, сообщаемые писателем, известным выдумщиком, стоит посмотреть по-другому, что и делает биограф. Боязнь вырождения от кровосмешения, рождения потомка с пороссячим хвостиком или рожками в семье деда, полковника Маркеса, женатого на двоюродной сестре, — это, конечно, присутствовало в жизни и красной нитью прошло в творчестве прозаика, хотя и с оттенками юмора. А как иначе относиться к тому, что у отца-непоседы писателя до женитьбы уже было четыре внебрачных ребенка, сколько их было после — родитель, обитая в знойной тропической стране, где вполне морально сосуществуют хорошая любовь к жене и любовь-страсть к прочим женщинам, видимо, и сам не знал.

Даже с днем рождения у Габриэля путаница, его почему-то крестили позже младшего брата. Писатель с детства боялся призраков, которые были реальностью в доме деда, они с сестрой — галлюциногенное чудо детского воображения — видели призрачных обитателей, как живых. Маленькому Габито мерещились мертвецы в купальне, у плиты на кухне. Однажды он разглядел в окне дьявола. Ужас от леденящих кровь рассказов женщин дедовского дома расцве-

чивался страхом и одиночеством, ну а ночью по дому вообще нельзя было ходить, потому что мертвых в нем было больше, чем живых.

Именно дом был книгой, которую писатель носил в себе с детства. Совсем не случайно с 20-летнего возраста он мучительно пишет так и неоконченный им роман под названием «Дом». Дед прививал страсть к учебе, привычку обращаться к словарям, «которые знали всё». Учительница (позднее он узнал, что она тоже была любовницей деда) заразила любовью к испанской поэзии. Дед заставлял пересказывать просмотренные кинофильмы, а это уже зарождение сюжетного повествования. Маленький Маркес любил рисовать, читать запоем, обстоятельно общаться с взрослыми, что ещё надо для развития богатого воображения?..

А бабушка считала внука провидцем. Остальные слушатели оценивали его устные рассказы однозначно – вранье! Именно в детстве остались корни особого письма писателя, в котором реализм, вымысел, правдоподобность и искренность сплавляются в замечательную волшебную прозу. Автор биографии несколько раз упоминает о влиянии на становление молодого Маркеса «Двойника» Достоевского и «Превращения» Кафки. В его учителях можно, с известной долей условности, числить Фолкнера, Джойса, Вирджинию Вулф и, конечно, аргентинца Хорхе Луиса Борхеса.

Уже в молодом возрасте сочинитель энергично препарирует вопросы генеалогии и самобытности – ключевые для Латинской Америки. На континенте отсутствовал миф о происхождении, искали в генеалогии, да ещё и всё бытие было подчинено хищничеству. А вокруг тьма бастардов, тогда в чем проблема законнорожденности? Да и Маркес как личность был «сам по себе проблемой».

Маркес всегда хотел, чтобы народы Латинской Америки, которые никак не выберутся на столбовой путь цивилизации – впрочем, как и народы России, – начали побеждать. Его жизнь в полной мере является подтверждением этой мечты. Писатель стал самым ярким символом Колумбии, выразителем национального духа и чувства юмора, исследователем истории страны.

Он побывал в загадочной Москве ещё в 1957 году, когда въезд колумбийцев в СССР не разрешался на его родине. Назвал нашу столицу «самой большой деревней в мире», сохранив это впечатление по сей день. Его слова: «Страны подобны женщинам; если хочешь узнать их, нужно увидеть их такими, какими они бывают по утрам, встав с постели». Он процитировал в своей статье пожилую женщину, которая в Москве, ничего не боясь, сказала иностранцам о Сталине: «Самый кровавый, зловещий и тщеславный персонаж в истории России». И, хотя, Маркес придерживался левых взглядов, Советский Союз его разочаровал. По возвращению из Восточной Европы он припечатал: «...Теоретически социализм гораздо более справедливая система. Но на практике это был не социализм».

Посмотрев на разные страны, крепко помыслив, писатель для Латинской Америки склонился на сторону особого пути развития в истории. Его городок Макондо – это отождествление себя с судьбой самой Латинской Америки, с её будущим. Можно сказать, что облагороженный мечтой Макондо – это состояние души Маркеса, его образ мыслей. Гениальность писателя в том, что его знаменитый роман обладает безграничными возможностями, Маркес принял мир в свой городок, сотворив чудо, волшебство, которые вслед за ним ощущает читатель.

Это латиноамериканская библия – можно и так сказать вслед за еще одним великим писателем Карлосом Фуэнтесом о «Ста лет одиночества». Марио Варгас Льюса назвал

книгу «рыцарским романом», это «невероятно насыщенная проза...» А Маркес стал родоначальником нового латиноамериканского романа, создав первый великий коллективный портрет, в котором его родной континент, наконец-то узнал себя. Отныне латиноамериканцев узнали на всей планете. Именно в этом – главное значение романа. Потом были другие маркесовские книги, в которых исследовались взаимосвязи власти и любви и любви к власти – темы актуальные не только для «латинос», но и для нас, русских. Маркес как скрижаль врезал в камень: «...Жажда власти – это результат неспособности любить».

Многие страницы жизни Г.Г. Маркеса – сами по себе поучительные истории. Он объявлял «литературную забастовку» после прихода к власти в Чили кровавого Пиночета. Его дружба с Фиделем Кастро прошла испытания временем и ссорами из-за неё с друзьями-писателями. Его «сумасшедшая слава» многих могла свести с ума, но не Маркеса. Ещё штрих, характеризующий очень ярко личность писателя: он пишет одним из первых в мире свой очередной роман на персональном компьютере на самой заре компьютерной эры в 1984 году.

И все-таки – главная тема его творчества – это любовь. Маркес сказал об этом так: «Любовь – самая важная тема в истории человечества. Некоторые говорят, что важнее – смерть. Я так не думаю, потому что всё привязано к любви».

«Париж никогда не кончается...»

Перечитываю роман Эрнеста Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой», в новом «АСТовском»-«Астрелевском» издании, «менее препарированный», более полный вариант. В книге писатель вспоминает свои парижские молодые времена, пришедшиеся на 20-е годы XX века.

Текст впервые увидел свет после смерти автора тцани-ем его четвертой и последней жены Мэри, собравшей из хемингуэевских рукописных кусочков коротенькое, из трех абзацев «Введение» и благословившей редакционные правки. И, конечно, она постаралась очистить воспоминания от душевных мук Эрнеста, любившего в то парижское время сразу двух женщин: писатель рассказал о затухании первого брака и готовности к новому.

Публикаторами свежего, назовем его так, варианта стали сын и внук литературного «нобелиата»: сын расстарался коротким «Предисловием», внук – довольно обстоятельным «Вступлением».

Замечательные литературные произведения, над которыми скрупулезно работали великие писатели, очень часто вариативны – потомкам остаются, как правило, несколько рукописей. Это Владимир Набоков уничтожил все неокончателные варианты произведения, и то до конца не преуспел – малая толика подробностей писательских поисков осталась. Сын и внук Хемингуэя дают в своем издании «Дополнительные парижские заметки...», которые не только с любопытством, но и с наслаждением прочитываются, да ещё и «Фрагменты», завершающие книгу, и убирают правки редактора и Мэри Хемингуэй.

Ко всему нам явлен новый перевод с английского В.Н.Голышевой, в первом русскоязычном издании переводчиков было трое: М. Брук, Л. Петров, Ф Розенталь. Для сравнения привожу самое начало романного рассказика

под заголовком «Мисс Стайн поучает» из первого издания и «Мисс Стайн наставляет» – из нынешнего. Итак, «трехголовый» перевод: «Когда мы вернулись в Париж, стояли ясные, холодные чудесные дни. Город приготовился к зиме. На дровяном и угольном складе напротив нашего дома продавали отличные дрова, и во многих хороших кафе на террасах стояли жаровни, у которых можно было погреться». А вот новый переводный вариант: «Когда мы вернулись в Париж, там было ясно, холодно и красиво. Город приспособился к зиме, на складе напротив нас продавали хорошие дрова и уголь, многие приличные кафе выставляли жаровни, так что ты не мерз на террасах». В последнем варианте, на мой взгляд, русскоязычное перетолкование более хемингуэевское. Хотя, некоторые литспецы все-таки начали исходить ядом от якобы «искажения канонического» (на это напирают особенно рьяно) текста. Впрочем, этим не нравится вариативность классики вообще.

Автор много думал, как озаглавить свой труд, оставив размышления в рукописях для истории литературы. «Праздник, который всегда с тобой» – на этом остановилась жена-издатель, сославшись на разговор с адресатом одного из писем Хемингуэя, который предоставил ещё и текст письма, где употреблялось применительно к Парижу «праздничное» определение.

С удовольствием перечитал написанное прославленным писателем почти через сорок лет после произошедших событий из кладовой его памяти и писательского сердца. «Пусть даже одну повредили (самоубийство Хемингуэя объясняют, в числе прочего, и тем, что он терял память. – В.П.), а другого не существует». Так буквально кровью зафиксировал литературный классик.

Сын предложил сделать более полное издание своего отца, внук загорелся и несколько лет работал над рукописями. Между прочим, роман вообще вряд ли мог появиться, если бы в парижском отеле «Ритц» с 1928 года не со-

храняли бережно забытые писателем вещи вместе с его записями. Два маленьких сундука администрация отеля убедила их хозяина забрать уже в 1956 году. Не представляю подобного в любой нашей гостинице, заметьте, прокатилась самая кровавая в истории война, Париж побывал под оккупацией, а вещички целы – невероятно.

Хемингуэй посмотрел и загорелся «мемуаром» из эпохи формирования собственного «Я» как писателя. Вчерне закончил в 1959 году, изданы посмертно в 1964. Описанное время – 1921-1926 годы. Сам автор не считал книгу законченной, достаточно прочесть «Дополнения» из нашего издания с вариантами «Вступления» – автор работал напряженно и мучительно. Жена Мэри, наоборот, утверждала, что всё сделано покойным мужем весной 1960 года.

Так что перечитываемый мной текст, все-таки – новый, потомки писателя впервые дали его по рукописи, которая существовала на момент смерти писателя в 1961 году: тогда не было заглавия, введения и последней главы.

Мэри с издателями хорошо поправили рукопись, тем более, что автор никак не мог воспротивиться: что-то исключили, иное, выброшенное писателем, включили. Поменяли местами главы – и вперед, к печатной машине.

Внук отмечает в новом издании романа, что для деда «Париж был живым, вдохновляющим городом, средоточием красоты и света, истории и искусства». И добавляет: Париж «был просто самым лучшим на свете местом для работы и навсегда остался самым любимым городом».

И действительно – парижские камни священны: то и дело останавливают при чтении писательские фразы, такие, как, например, о жизни в гостинице, «где умер Верлен, а у тебя была комната на верхнем этаже, где ты работал». Вот ещё известный факт, но заставляющий остро сопереживать: «...голодец был постоянно – от ходьбы, от го-

лода и от работы». Ещё: «Таким был Париж, когда мы были очень бедны и очень счастливы».

Кстати, свое имя – Эрнест – от староанглийского «сила», «живость» Хемингуэй терпеть не мог, жёны и приятели пользовались уменьшительными или иными именами-заменителями.

Ещё раз прямо от автора убеждаюсь – Хемингуэй, как писатель, вырос на русской классике: он читает всего Тургенева, Гоголя, Толстого, Чехова, Достоевского. «У Достоевского было то,.. что меняло тебя, пока ты читал...» Мир, который открыли перед Хемингуэем русские писатели, был «чудесным». «Сперва были русские, потом все остальные. Но долго были только русские». И объяснительное: «В писательстве тоже есть много секретов. Ничто никогда не пропадает...» А вот итоговое: «Наши секреты – из области алхимии.» Последнее, как представляется, очень по душе знаменитому итальянскому писателю из нынешних – Умберто Эко.

Хемингуэй вспоминает Гертруду Стайн, часто в сюжет wpłyвает поэт Эзра Паунд, а Скотт Фицджеральд всегда почему-то врывается, зачастую под алкогольными парами. Мемуарист, кстати, не щадя его жены, бьет буквально наотмашь. «...В большом мире некоторые всё ещё разбивают себе сердца», – сказано, в том числе, и о себе. Хемингуэй гнетет (особенно выпукло это чувство проявляется во «Фрагментах») разрыв с первой женой Хэдли, которую он сильно любил. Писатель страдает от расставания с ней: муки эти – нравственные. Его не отпускает до последнего мысль, подаст ли она в суд за вымысел в мемуарной книге, в которой является «героиней»...

Он, как гвоздь забил: «Париж никогда не кончается...» Наверное, это выражение подтверждает слова, вынесенные в заголовок, о празднике, который всегда с тобой, ибо этот город в воспоминаниях – навсегда.

Хемингуэй создал радостную и одновременно ностальгическую, со светлой грустью по прошедшему времени, книгу, в которую вошли портреты малого количества его друзей и знакомых, а событий – вообще чуть. Впрочем, писатель здесь же раскрыл метод своей работы: «...Насколько хороша книга судит пишущий её потому, насколько хорош материал, от которого он отказался».

...Мой друг, проживающий ныне в Москве, связал свою дальнейшую судьбу с Францией, каждый год и даже чаще посещает её столицу. Он объясняет: «Париж необходимо регулярно «перелистывать». Рад за него, завидую...

ПАМ'ЯТИ ИЗДАТЕЛЯ

Один такой на всём белом свете

Пришла горькая весть: скоропостижно скончался иркутский издатель Геннадий Сапронов. Мне не удалось встретиться с этим замечательным человеком, хотя было очень сильное желание. Не случилось ни на одной из многочисленных книжных ярмарок поговорить о литературе и литературных делах, но я регулярно прочитывал большинство сапроновских интервью – Интернет помогал, в которых он делился издательскими планами, рассказывал о собственной издательской политике, встречах со знаменитыми русскими мастерами слова.

Остались сапроновские книги. Многие из них пленяют глаз на книжных полках домашней библиотеки, ряд этих томов подвигли меня на отклик в печати, и каждый раз при этом грела мысль, что в Сибири живёт увлеченный человек, дающий жизнь таким высококлассным книжным проектам. Книжная марка «Издатель Сапронов» началась с 1999 года, за десятилетие увидели свет более ста наименований книг. И каких книг! Все они отличаются выверенными и качественными текстами и отменным художественным исполнением вкупе с чудесами полиграфии.

Плохих книг Геннадий Сапронов не выпускал. Его издания, как сегодня говорят, не для массового читателя: детективов, эротику, с безвкусно размалеванными обложками, и прочую шелуху, заполнившую прилавки магазинов, в этом издательстве близко не пускали на порог.

Вот как об иркутском кудеснике сказал автор издательства, известный русский критик и литератор Валентин Курбатов: «Издатель Сапронов» не бегаёт за временем, предпочитая смуте и суетности дня умный консерватизм художественной преемственности и нравственное достоинство русской литературной традиции».

В 2008 году Геннадию Сапронову вручили диплом «Золотая полка» за вклад в продвижение литературных произведений, способствующих нравственному воспитанию, приобщению к мировым духовным ценностям и национальным традициям. Вообще-то его щедро награждали и всегда выделяли из рядов собратьев по профессии.

Чаще других Сапронов издавал Виктора Астафьева, впрочем, издательство и начиналось с прижизненного классика русской литературы. Рассказывают, что любовь к настоящей литературе и писателю Астафьеву у Сапронова возникла с четырнадцатилетнего возраста, когда подростку попала в руки астафьевская книжка «Последний поклон». Иркутские издания Астафьева «Веселый солдат», «Пролетный гусь» – неоценимое подспорье-продолжение «карминового» красноярского пятнадцатитомника великого русского писателя.

Стоят, словно бойцы духовного фронта, тома переписки писателя-фронтовика с замечательными современниками, увидевшие свет тщанием Сапронова. К сожалению, пока отсутствует «Нет мне ответа... Эпистолярный дневник. 1952 – 2001 годы» – том неизвестных читателям писем литературного классика из Красноярска. Астафьев дисциплинированно и пространно ежедневно отвечал многим своим корреспондентам, при расположении в хронологическом порядке этих посланий издатель увидел, что это и есть астафьевский дневник, который он писал всю жизнь и рассылал друзьям и близким. Мне не удалось даже в руках подержать эту книгу, только в газетах-журналах отдельные выдержки из посланий мастера слова почитал, да отклики. Отсутствует у меня и библиографический указатель жизни и творчества великого писателя «Дар слова».

Подарочное издание «Царь-рыба» Виктора Астафьева, признанное на конкурсе книгоиздателей России «Лучшей книгой», я привез из недавней поездки в Красноярск. Эта

великолепная книга, удивившая даже многое видевших зарубежных издателей, своим рождением обязана также Геннадию Сапронову, который, доставив её на родину автора, сказал, что «Царь-рыба» является визитной карточкой Красноярского края.

Писатель не успел увидеть этого издания, издатель же напомнил в Красноярске: «Это было последнее произведение, на которое меня благословил Виктор Петрович». Роман прославил имя писателя на весь читательский мир. «Стоит упомянуть это произведение Виктора Петровича, – откровенничал издатель, – тут же вспомнят Енисей и эту землю». Не погрешу против истины, добавив, – именно такого уровня литературные шедевры являются самыми полновесными претендентами на высшую литературную премию в мире – Нобелевскую.

Издатель устраивал презентацию обновленного подарочного издания на малой родине Астафьева в Овсянке. Книга роскошна в самом настоящем смысле слова. Одетый в темно-синюю одежду большеформатный фолиант с серебряным тиснением по верхней крышке переплета и по корешку, отпечатанный на благородной мелованной бумаге, уложен в твердую коробку на магнитах. Нечто подобное по исполнению мне доводилось видеть на Московской международной выставке-ярмарке на стенде гостя мероприятия – Китая. В России не нашлось полиграфистов, готовых сделать коробку-обложку, и Сапронов работал именно с китайскими книжными мастерами. Мой знакомый красноярский библиофил сказал о таком оформлении: «Сделано для хранения на века». Полиграфический уникам с металлизированными буквами на крышке и переплете словно укутан в рыбацкую сеть – намек на новеллу «Уха на Боганиде» из этой книги. Хорошо помню, какое наслаждение, близкое к эйфории получил я при первом чтении этого рассказа.

Доставать книгу из коробки особая креативная издательская история: тянешь за синюю ленточку, как за рыбацкую снасть, и том будто вдвигается тебе в руку.

Отдельный восторг – иллюстрации иркутского художника Сергея Элояна – соратника издателя, среди которых несколько портретов Виктора Петровича. Художнику удалось вжиться в повествование настолько, и его мастерство такого уровня, что полностью отсутствует противопоставление текста и изображения, наоборот, иллюстрации воспринимаются как органичная, неотъемлемая часть общего книжного целого.

Смотрю на книги с обозначением «Издатель Сапронов», являющимся самым настоящим знаком качества. Вот глаз выхватывает изящный увесистый томик карманного формата, напоминающий малахитовый ларец: «Подорожник» Валентина Курбатова. В ней псковский писатель рассказывает об автографах известных писателей, которые находятся в его архиве (с их демонстрацией), на самом же деле – это не только рассказ о жизни и творчестве талантливых людей, но бери выше – это повествование о жизни, бытии. Так издать мог только Сапронов.

А вот глубокая по смыслу и душевному наполнению переписка Виктора Астафьева и выдающегося музыканта, художественного руководителя и главного дирижера Московского театра Новая Опера Евгения Колобова, симфонический оркестр которого мне посчастливилось послушать в его театре живьем – мурашки по коже! Письма оформлены в книгу с продуманным названием «Созвучие». Мне одалживал книгу для чтения известный кемеровский поэт, но когда я увидел это издание в Красноярске, ни секунды не сомневался в необходимости приобретения – именно такого духовного уровня и энергии книги являются украшением домашней библиотеки. Недавно «Созвучие» увидело свет в дополненном варианте уже с двумя, вместо одного в

первом издании, дисками с музыкальными классическими шедеврами в колобовской аранжировке – что за диво эта музыка!..

Переписка Виктора Астафьева с Валентином Курбатовым, длившаяся более двадцати пяти лет и отразившая общественную и культурную жизнь страны, в ещё одном сапроновском томе, названном удивительно точно: «Крест бесконечный». «Твердь и посох» – так называется книжечка издателя Сапронова с письмами Астафьева и известного критика Анатолия Макарова, который первым оценил потенциал начинающего писателя, поддержал его. А вот ещё книга с неожиданными эпистолярными Валентина Курбатова и Дмитрия Борщаговского «Уходящие острова» (почвенник и либерал откровенно пишут друг другу – поучиться бы многим сегодняшним воителям, как с одной, так и с другой стороны, взаимному уважению двух талантливых мастеров слова).

Геннадий Сапронов вел кропотливую работу по обнаружению того, что часто остается на периферии литературного процесса: эпистолярного наследия, критики, мемуаров. Да и главными вещами русских писателей, регулярно удивлял всегда в первоклассном виде.

Одно из моих последних приобретений, увидевший свет в Иркутске подарочный четырехтомник живого классика русской литературы Валентина Распутина (на одном из томов автором оставлен автограф!) – книжное событие года. Ещё его же художественно-публицистические очерки «Сибирь, Сибирь...» – книга-праздник большого формата в футляре с вырубкой и с великолепными работами фотохудожника Бориса Дмитриева. Между прочим, храню и её первое издание, несапроновское, с совсем иными фотографиями, да и по объему оно как минимум вдвое меньше: Распутин все годы продолжал работать над этой благородной и трудной темой в боевом литературном жанре.

Не могу оставить без упоминания одну из только что прочитанных книжек, привезенный из Иркутска приятелем роман известного писателя из Санкт-Петербурга Михаила Кураева «Похождения Кукуева. Сентиментальное путешествие», выпущенный в издательской серии «Литературные вечера в Иркутске». Этот томик памятен для меня двумя хорошими беседами в Кемерове с автором, который к тому же оставил на книжном форзаце памятный для меня автограф.

Геннадий Сапронов заявлял, что на его «издательской полке сегодня нет ни одной случайной и торопливо изданной книги». Его кредо: «Мало выпустить книгу на ласкающей руку бумаге. Книгу нужно сделать так, чтобы одна такая на всем белом свете».

К сожалению, книги с фирменным сапроновским издательским знаком в Кемерове мне не встречались, привозил из каждой поездки в Красноярск, заказывал знакомым в Иркутск, приобретал в Москве. Эти тома взгляд легко выхватывает из тысяч собратьев, так неординарно они сделаны.

...Ушел из жизни настоящий подвижник русской культуры.

Совсем недавно я записал: «Именно в Сибири у Сапронова может появиться первое полное собрание сочинений Виктора Астафьева. Несмотря на экономические неурядицы и отдаленность от академических литературных центров. Любовь переможет всё». Это было сказано буквально за десяток дней до внезапной смерти Издателя.

Сапронов один работал за несколько институтов. Он как-то сказал иркутским журналистам: «Если вы спросите, хочу ли я передать это дело в дальнейшем кому-нибудь, то это вряд ли возможно. Мое издательство – это мои книжки, мой круг авторов: Астафьев, Распутин, Анненский,

Курбатов, Носов и другие. Моя команда, мой взгляд на вещи, мой вкус. Здесь все штучно и, поверьте, не так уж легко и просто».

Незаменимые люди есть. Одним таким на всем белом свете был сибирский самородок Геннадий Сапронов. Вечная ему память!

Валерий Плющев.

г. Кемерово.

16 июля 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Кузбасс литературный

Когда ножницы убивают (Михаил Анохин)	– 8
Предприниматель – должно звучать гордо (Виктор Арнаутков)	– 13
Приблизить бессмертие и не ужаснуться... (Валерий Баранов)	– 19
Мемуары карманника (Лерон Василенко)	– 24
Визитная карточка Кузбасса (Людмила Галкина)	– 28
«...Последние новости – в самом себе» (Александр Ибрагимов)	– 36
Мертвящая ржавчина (Андрей Иванов)	– 40
«в сердце – родина...» (<i>Издано в Москве</i>) (Письма Николая Колмогорова)	– 43
«К прозе меня привела любовь...» (Виталий Крёков)	– 46
Убить детей до их зачатия (Юлия Лавряшина)	– 53
Так интересно начать, и так плохо окончить (Полина Невская)	– 58
«Просто я работаю волшебником...» (Владимир Переводчиков)	– 63
«Время – я сам» (О романе «Баски» Владимира Соколова)	– 68
Надежда есть всегда (Дмитрий Хоботнев)	– 73
«Во мне всегда любой диктат рождал сопротивление...» (Владимир Ширяев)	– 77
Мир должен быть прекрасным (Татьяна Юдина)	– 82
О времени жестоком (Александр Ярошук)	– 87

Созвучие России

Созвучие вечных отважных странников (Виктор Астафьев – Евгений Колобов)	– 92
Два классика о жизни и литературе (Виктор Астафьев – Александр Макаров)	– 96
Красноярцы сердцем яры (Александр Астраханцев)	– 100
Дороги, выбирающие нас (Николай Борисов)	– 106
Портрет гения (Алексей Варламов об Андрее Платонове)	– 110
День первый из Страстной недели (Юрий Вяземский)	– 115
Куда ж нам плыть?.. (Максим Кантор)	– 120
Из холода и темноты (Маруся Климова)	– 127
Огнепальный (Кирилл Кожурин о протопопе Аввакуме)	– 131
Подорожник – народное средство (Валентин Курбатов)	– 136
Погибель вселенская (Ирина Мамаева)	– 140
Они же памятники!.. (Сергей Носов)	– 144
Вышли мы все из России (Захар Прилепин)	– 148
Научиться читать (Алексей Ремизов)	– 152

«Мы живем в мучительное время...» (Людмила Сараскина О Федоре Достоевском)	– 156
Дорога в ад (Роман Сенчин)	– 162
Вселенная Сибирь (Михаил Тарковский)	– 166
Тобольск и вся Сибирь	– 171
«Намаз маслом глаз» (Сергей Шаргунов)	– 175
Геннадий Юдин – книжник Божьей милостью (Инна Половникова)	– 179
Иные языки	
Найти душу своего народа... (Никола Инджов)	– 194
Гений из Колумбии (Джеральд Мартин о Габриэле Гарсиа Маркесе)	– 198
«Париж никогда не кончается...» (Эрнест Хемингуэй)	– 204
Памяти издателя	
Один такой на всём белом свете (Геннадий Сапронов)	– 209

Литературно-художественное издание

Плющев Валерий Андреевич

Привычка к ежедневному чтению

О писателях и книгах

редактор: Зубарев В.Ф.

корректор, набор текста: Автор
вёрстка, оформление: Янченко С.А.

Подписано в печать 21.12.2012г.

Печать ризографическая

Заказ №2

Тираж 300 шт.

Издано по лицензии Союза писателей Кузбасса

№ 030775

г. Кемерово, пр. Советский, 40

© Плющев В.А.

© СИ

